

Институт социологии
Российской Академии наук

Ю.С. Оганисьян

**СОЦИАЛИЗМ
КАК ПЕРВАЯ СТАДИЯ
КАПИТАЛИЗМА
Опыт постсоветской России**

**МОСКВА
СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО
2015**

ББК 66.3(2Рос)0
О-361

Рецензенты:

А.А. Гусев, д-р полит. наук, профессор

Л.Б. Москвин, д-р ист. наук, профессор

Оганисян Ю.С.

О-361 Социализм как первая стадия капитализма. Опыт пост-советской России: Монография. – М.: Современная экономика и право, 2015. – 340 с.

ISBN 978-5-8411-0303-5

В монографии доктора исторических наук Ю.С. Оганисяна анализируются социально-политические проблемы становления капитализма в постсоветской России: социалистическая собственность как источник первоначального капитала; особенности постсоветского реформизма; взаимодействие государства и бизнеса; противоречия между авторитаризмом и демократизацией в процессе постсоветских трансформаций; российская идентичность и проблемы политической преемственности в новейшей истории России; место и роль новой России в развитии международных отношений.

Для социологов и политологов, учащихся и преподавателей гуманитарных вузов и факультетов, а также для всех, кто интересуется проблемами социально-политического и экономического развития современной России.

ББК 66.3(2Рос)0

ISBN 978-5-8411-0303-5

© Оганисян Ю.С., 2015

© Современная экономика и право, оригинал-макет, 2015

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА I. ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕФОРМЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ПО КРУГУ	14
1.1. Либеральный проект – левацкий уклон?.....	16
1.2. Социальный вопрос.....	39
1.3. Демократический транзит: маршрутом через авторитаризм?.....	54
ГЛАВА II. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ – СССР – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	69
2.1. Российская идентичность как предмет дискурса	70
2.2. О национальной идее	84
2.3. Постимперский синдром.....	99
ГЛАВА III. ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ДИЛЕММЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	108
3.1. Власть – собственность: эффект обратной связи.....	111
3.2. Страна для олигархов?	133
3.3. Социальные риски малого и среднего бизнеса	158
3.4. Федеральный контекст	173
3.5. Международный уровень	199
ГЛАВА IV. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ	217
4.1. В тени «сырьевого проклятия»	217
4.2. Нефтегазовый комплекс: кто хозяин?	229
4.3. Энергетическая стратегия Российской Федерации	251
ГЛАВА V. ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	274
5.1. Новая Россия в меняющемся мире	276
5.2. Угроза тоталитаризма в глобальном измерении.....	296
5.3. Испытание терроризмом	309
5.4. Императивы согласия: международный ракурс.....	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сведущий читатель без труда уловит в названии книги ироническую коннотацию известных постулатов исторического материализма: «социализм – это первая фаза коммунизма», «империализм – это последняя стадия капитализма». И будет прав, если он, конечно, не отнесет иронию к самим этим положениям, а к их догматизации. Блюститель идеологической чистоты понятий усмотрит кощунственную несуразность в означенном соотношении понятий «социализм» и «капитализм». И будет не прав. Уподобившись тем средневековым схоластам, которые фетишизировали понятия как особые сущности, не связанные между собой, и, выводя их за рамки действия закона диалектики, который, в отличие от двух упомянутых положений, подтверждается исторической практикой, включающей теперь и постсоветский опыт перемен.

Капитализм и социализм – две стороны единого исторического процесса, отраженного сначала в теории марксизма, а затем – после 1917 г. в социальной действительности. Это справедливо и для других формационных трансформаций общества. Разве разлагающийся феодализм не был первой ступенью капитализма в западноевропейских странах? Разве таковым он не стал и в России, где вплоть до 1917 г. развитие последнего было неотделимо от крепостничества и его пережитков, от самодержавия и социального устройства феодального типа. А как именовать новую экономическую политику, которую В.И. Ленин называл «уступкой капитализму»? И уж не социалистическим было крестьянское хозяйство до коллективизации, каковая, в сущности, явилась очередным изданием крепостничества. Социализм не возник из капитализма в готовом виде, как Миневра из головы Юпитера. Точно также как и постсоветский капитализм не возник в одночасье по решению тройки партийных секретарей, «отменивших» социализм на полулегальном заседании в Беловежской Пуще.

Смена общественного строя является длительным и сложным процессом, который все еще далек от своего завершения.

Смутные девяностые. Крушение идеалов и иллюзий. Смятение умов. Реформы. В.В. Путин. Крым. Митинги либералов. Русские марши. Кипение страстей. Словом, страна пришла в движение. Вперед, Россия!

Другое дело, что процесс этот начался внезапно, неожиданно и оказался весьма противоречивым. Кто бы мог предположить на закате опостылевшей – не только записным диссидентам – советской власти, что спустя четверть века в истории России не состоится ожидаемое светлое будущее, а обескураженные этим граждане и опомнившиеся от антикоммунистической эйфории либералы выступят с протестами против нового режима, сопоставимыми по массовости и радикальности требований с протестами тех давних лет?

Нечто подобное предвидел еще в 1940 г. русский мыслитель Г.П. Федотов, который предупреждал: «Нет, решительно нет никаких разумных человеческих оснований представлять себе первый день России “после большевиков” как розовую зарю свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее туманное “седое утро”, которое пророчил умирающий Блок. После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетарных миров, о физиологическом бессмертии, о земном Рае – у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства – может быть, национального унижения. Седое утро»¹.

И что же? Был социализм или не был? Что осталось? Не только «родимые пятна». Это и стиль жизни. Это образ мышления. Это основные нормы морали и нравственности. Словом, все сущностные стороны человеческого бытия, искривленные, понятно, реставрацией капитализма, которая привнесла в общество культ наживы, всепроникающую коррупцию, небывалый рост преступности, реанимировала социальные и этноконфессиональные антагонизмы. История, однако, продолжается, предлагая широкий выбор путей и возможностей развития. Какие же дороги мы выбираем?

Свобода выбора оказалась ограничена непредвиденными обстоятельствами, преодолеть которые прямолинейным путем не удалось. Пошли по навязанной ими траектории, которая по давно бытующему в обществоведении определению означает

---

¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб, 1992. – Т. 2. – С. 198.

спираль, то есть некий вращательный процесс, идущий по восходящей и на каждом витке вносящий в социальную реальность новое качество.

Но спираль может раскручиваться или, если угодно, «развиваться» и в обратном направлении – возвращая общество к качественно старым, пройденным состояниям, в том числе духовным, когда на смену рациональным идеологиям типа марксизма, либерализма и т.п. могут прийти «более древние, более укорененные националистические, религиозные, фундаменталистские, не исключено, и мальтузианские силы, возвращающие нас к временам дорационалистического упорядочения мира»¹.

Первоначально статичные контуры этой древнейшей модели развития, возникнув где-то в потемках предисторического сознания, трансформируются далее в динамичную символику первобытных мифов и ритуалов, где эта модель предстает как отражение круговорота природных и астральных явлений; затем она модифицируется в религиозные образы («колесо дхармы» в индуизме и др.), веками служит архетипом историкофилософских конструкций – от пифагорейских «сфер» до циклических «ритмов» и сходных доктринальных построений нашего времени.

Пронизывающая тысячелетия преемственность циклических интерпретаций общественных процессов подчас обнаруживается в занимательных переключках исторических фигурантов, подвигающихся в несвязуемых прямыми контактами эпохах и представляющих космически далекие друг от друга политические и духовные миры. Один пример. «Что было, то и будет; и что сделалось, то и будет делаться», – изрек некогда древнеиудейский царь Соломон (Еккл. 1,9), бесстрастно взирая на мирскую суету. «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда», – откликается в наше время постсоветский златоуст Черномырдин В.С., досадуя на тщетность благих намерений российских реформаторов и своей крылатой обмолвкой, склоняя к пессимистической трактовке проводимых ими рыночных и прочих новаций.

С иными интонациями названный архетип кодируется штампованными понятиями официозного реформизма. «Возрождение духовности и культуры народа, – писал президент

---

¹ Gray J. Post-Liberalism. Studies in Political Thought. – N.Y., 1999. – P. 249–250.

Узбекистана Ислам Каримов, – возвращение ему подлинной истории и самобытности приобретает сегодня решающее, определяющее значение для успешного продвижения вперед на пути обновления и прогресса нашего общества»¹.

Это, вполне оптимистическое высказывание бывшего партийного вождя бывшей советской республики, как и все прокламации подобного рода в государствах СНГ, сильно напоминает программные декларации КПСС. Тот же риторический пафос, та же процеженная через идеологическую цензуру терминология. Изменилось нечто более существенное: социально-экономическое и идейно-политическое направления развития общества обращены в прошлое. В соответствии с этим меняется символическая атрибутика перемен. Алый флаг СССР меняется на трехцветный в Российской Федерации, жовтоблакитный прапор на Украине, на штандарты с полумесяцем в мусульманских республиках и т.д. Круто меняется запечатленная в материальных «памятниках эпохи» траектория прогресса: прямолинейно нацеленная в «коммунистическое завтра» магистраль БАМа свертывается в замкнутые периметры византийских куполов «возрожденного» храма Христа Спасителя.

Призрачно зыбкие, непрерывно меняющиеся – спонтанно или под действием реформ – реальности постсоветского пространства едва ли доступны для корректно обоснованных концептуальных подходов, равно как и малопригодны для плодотворных поисков адекватных моделей. Сошлемся в этой связи на авторитетное мнение академика М.К. Горшкова, который в своем фундаментальном исследовании современного российского общества отмечает: «...тенденции, выявленные в ходе проведенных социологических исследований, позволяют говорить о том, что российский путь развития вряд ли поддается унификации и стандартизации». По его оценке, 90-е гг. XX века – «время увлечения россиян западным опытом, сопровождавшегося настойчивыми попытками переноса на российскую почву различных образцов и моделей зарубежного происхождения». При этом российская специфика зачастую игнорировалась. По мнению М.К. Горшкова, реакцией на односторонность этих увлечений стало формирование с конца 90-х гг. прошлого

---

¹ Каримов И. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. – Ташкент, 2005. – С. 130.

века консервативной волны, которая в значительной мере определила состояние массовых умонастроений россиян на рубеже столетий. Главной доминантой такой волны стало возвращение от западных увлечений периода становления демократии к «исконно российским» представлениям, нравственным устоям и образу жизни¹.

Два эти подхода до сих пор определяют ведущие тенденции исследования российского общества, которые нередко переплетаются, порождая паллиативные суждения и концепции. Всякая схема неизбежно исказила бы происходящие в России перемены. В некоторых сегментах постсоветской проблематики целесообразен более мягкий метод исследования, который использует моделирование разве что в качестве организующего начала при освоении эмпирического материала и не претендует на эвристические новации. Такой метод удобен и тем, что в случаях, когда, к примеру, те или иные симулятивные казусы постсоветского реформизма не поддаются внятным рациональным объяснениям, допускают более вольные, метафорические трактовки, позволяющие прояснить суть дела.

При каком строе мы живем? Истмат отвечал на подобные вопросы со всей определенностью. Отвергнув его, постсоветское обществоведение превратилось в эклектическую совокупность самых различных учений и теорий, ни одна из которых неспособна дать внятный ответ на поставленный вопрос. Возможно, для таких ответов не настало время, хотя уже сегодня ощущается потребность общества в движении теоретической мысли в этом направлении. «Чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, должны произойти изменения культурного кода, мутации мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определяют дальнейшую судьбу нового типа социальной организации»².

И все же постсоветский человек хотел бы знать, в каком социальном общежитии он теперь пребывает. Стоит ли задумываться над этим вопросом? Видимо стоит. Нам нужна понятийная определенность. Нам надо знать, как называется обще-

---

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 641, 642.

² Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб: СПбГУП, 2011. – С. 119.

ственное устройство, в коем мы обретаемся. Нам требуются социальные ориентиры. Это естественно. В духовной жизни общества обнаруживаются симптомы, напоминающие рассеянный склероз, когда оно их утрачивает. Социум теряется в окружающем мире, не знает, чего, собственно, хочет. Это вновь явно продемонстрировало смятение умов и политических настроений, обострившихся в ходе бесконечных избирательных кампаний. Живем по понятиям, но все же не совсем по тем, что приняты в уголовном мире, а по логике понятий, впечатанной матрицей в наше сознание идеологией, которой оно высушивалось до полного единомыслия в течение многих десятилетий. При этом разумеются понятия, каковые, по словам В.И. Ленина, должны быть «... обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять весь мир»¹.

Диалектика по-ленински. Если применительно к поставленным вопросам редуцировать заключенные в цитате разноречивые смыслы, обтесать их, то в релятивном понимании минувший – или уходящий – общественный строй стал реализацией доктрины «научного коммунизма», ясно, не в зеркальном ее отражении. В таком, относительно адекватном виде он и состоялся, явившись социально чужеродным для России звеном в исторической связи времен. Такова объективная реальность, если оценивать ее поверх социальной ностальгии и идеологических «заморочек», окутывающих сейчас споры вокруг поставленных вопросов.

Новый строй – плох ли он, хорош ли – его апологеты и называли «реальным социализмом». Их идеологические противники утверждают, что именно на этом российская история прекратилась. По существу, то же самое, только с обратным идеологическим знаком в свое время утверждали большевики, объявляя «предысторией» все то, что происходило до их прихода к власти, который-де и обозначил начало подлинной истории. К примеру, историк И.Б. Чубайс, выступая с позиций патриотизма – «иммунной системы общества», – утверждает, что революционные события 1917 г. означали разрыв России с собственными корнями, который вызвал глубочайший раскол

---

¹ Ленин В.И. Сочинения. – Т. 38. – С. 136.

общества, на чем, собственно, и завершилась российская история, «возродить» которую – задача русских патриотов¹.

Не вдаваясь в существо дискурса, задействующего эти подходы, примем все же тот, который, в отличие от них, апеллирует не к идеологическим догмам или абстракциям морализирующей социологии, а к исторической действительности, конкретному опыту общественного развития.

Революция 1917 г. стала не только формой разрешения накопившихся социальных и политических противоречий, но и способом сохранения взаимодействия гетерогенных общностей, которые складывались столетиями на просторах Евразии. В отличие от западных стран, отсутствие здесь единой цивилизационной структуры гражданского общества, независимой от государства, явилось причиной того, что послереволюционная модернизация вылилась в России в катаклизмы, превосходящие по масштабам и интенсивности эксцессы других революций.

Революция («как эпоха») разрешила фундаментальные противоречия, неподъемные для царской России, осуществила базисную модернизацию общества. Хотя и ценой, которая не поддается не мистифицированному «классовым подходом» к нравственному оправданию, и в формах, несовместимых с «абстрактным гуманизмом».

Большевизм многократно усилил названную особенность российского общества, очистив этатизм от чуждых ему либеральных примесей, порожденных реформами 60-х гг. XIX века и демократическими потугами первых российских Дум и февральских реформаторов 1917 г.

Вековые авторитаристские традиции сгустились в тотализм, который насильственно унифицировал все стороны общественной жизни, но оказался в целом приемлемым для населения империи. Возрожденная большевиками полицейско-бюрократическая власть погасила всякие позывы к вольнолюбию, усмирила этносепаратизм, сепаратистские амбиции провинций и реставрировала имперское сообщество, вновь замкнув на себя потенции его развития. Утвердившийся режим вопреки собственным идеологическим установкам воспроизвел в убедительных для масс имитациях такие составляющие

---

¹ См.: Чубайс И.Б. Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и нами. – 2-е изд. – М.: АиФ-Принт, 2005.

вроде бы поверженного социума, как внеэкономическое принуждение, крепостничество, деспотию и произвол вождей – от домоуправов до кремлевских сидельцев.

Социализм стал реальностью. Разумеется, не как выношенный благодетелями человечества идеал, а как новая действительность, более чуждая ему, чем прежним порядкам. Но революции XX века идеологически пластичны. Идеал без особых трудностей осваивается изменившейся реальностью. Он обслуживает идейных ренегатов, новую политическую элиту. Он сакрализует постреволюционную власть, оформляет для нее идеократические институты контроля над населением. Конституируются партия-государство, Советы, колхозы, номенклатура, ГУЛАГ и прочие образующие реального социализма, среди которых, однако, и индустриализация, ликвидация неграмотности, подъем науки и образования, создание систем бесплатного здравоохранения, космическое первопроходство.

В его становлении не последнюю роль играл внешний фактор. Советский тоталитаризм в значительной мере был спровоцирован. Потом это повторилось с кубинской революцией, вначале не более социалистической, чем все другие латиноамериканские перевороты XX века. Не принимая во внимание это обстоятельство, едва ли можно объективно оценить обвал советской империи, и последовавшие за ним социальные инновации.

Нелепо считать крах реального социализма результатом заговора горстки партначальников, изменивших делу своих отцов. По последствиям (понятно, разнозначным) это событие сопоставимо с Октябрьской революцией, что и дает подлинный масштаб его оценки, в котором реформаторы 90-х гг. XX века – всего лишь статисты финала исторической драмы, разворачивающейся с 1917 г. на мировой арене.

Конечно, непосредственные причины распада советского строя коренятся в пороках самого этого строя, но таких пороках, которые были усилены внешней угрозой до уровня неодолимых разрушительных стихий. Так, вне этого воздействия присущий социализму милитаризм не мог бы стать фактором, надорвавшим в процессе безумной гонки вооружений экономику СССР, а советско-партийный бюрократизм не превратился бы в ходе «мирного соревнования» с капитализмом в силу,

способную заменить социальные ориентации государства на капиталистические.

И в этом плане события последних лет подтверждают закон исторического круговращения, действие которого, в частности, проявил украинский кризис, обозначившийся в феврале 2014 г. свержением законного правительства. Явилось ли последовавшее в марте того же года воссоединение Крыма с Россией знаком реставрации имперской политики? Конечно, нет. Хотя ностальгия о ней и возбуждает еще умы иных общественных деятелей. Это событие знаменательно другим. Советская элита, решившись на столь радикальное решение крымского вопроса, в какой-то мере искупила ту постыдную роль, которую она сыграла в развале Советского Союза.

Заметим, кстати, что в течение многих лет лишь представители партийно-государственной бюрократии и сервильной интеллигенции имели доступ к более или менее объективной информации о «западном образе жизни» и могли воочию – в загранпоездках – увериться в его «преимуществах» над социализмом. Не удивительно поэтому, что именно из них вышли ренегаты социализма и инициаторы развала СССР и антисоветских новаций, разрушивших не только социально-экономический строй страны, но и ее самое как великую державу.

Эволюция правящей элиты шла по линии от корпоративного обладания властью к узурпации права собственности на общественное богатство. Во времена Сталина реальные функции собственника на все возможные объекты обладания и управления концентрировались в руках номенклатурной касты и персонифицировались в личности вождя. Далее шла пирамидальная структура властных субэлит республиканского и регионального уровней. Провинциальным чиновникам были делегированы только функции подконтрольного центру владения местными угодьями, регламентированного инструкциями ЦК КПСС.

В дальнейшем, по мере деидеологизации номенклатуры и расширения прерогатив субэлит, импульсы к использованию власти в корыстных целях становятся ведущими мотивами социального и политического поведения советской элиты. Власть напрямую конвертируется в собственность. Настает время «перестройки», как эвфемистически окрестили настоя-

тельную потребность общества в модернизации. Эффективность социалистических механизмов перехода к индустриальному обществу исчерпала себя к середине 60-х гг. прошлого столетия, когда часть правящей элиты (А.Н. Косыгин и его единомышленники) выдвинула свой проект модернизации.

Известно, что он не состоялся, угодив в идеологический капкан борьбы с «ревизионизмом» и увязнув в бюрократической трясине. Модернизация постепенно перетекла в инерционное затухающее развитие времен «застоя». Наступило время горбачевских реформ, призванных либерализовать социализм под странным девизом: «больше социализма – больше демократии». Но выдвинутая новым руководством КПСС концепция «ускорения», претендовавшая на роль былых мобилизационных проектов модернизации, оказалась совершенно несостоятельной, поскольку не опиралась ни на реальные возможности экономики, ни на заинтересованность хозяйствующих субъектов, ни на социальные ожидания общества.

На этом и закончился реальный социализм. Новый политический режим приступил к переустройству его в капитализм, о чем и пойдет дальше речь.

ГЛАВА I.

ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕФОРМЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ПО КРУГУ

Социально-политические перемены на постсоветском пространстве, похоже, явились новым подтверждением универсальности модели общественного развития, представляющей его в виде бесконечного круговращения. Модель попятного развития обнаруживается в идеологии антисоветски преобразованных элит. Вектор иницилируемых ими перемен повернут вспять. Инверсия стала законом времени в постсоветских республиках. Маршрут к светлому будущему прокладывается через недавно проклинаемое прошлое. Социальные инновации обращены скорей к временам давно минувшим, чем к XXI веку. Призраки «золотого века» реинкарнируются в еще вчера поругаемых символах.

Все эти процессы предварялись и стимулировались сдвигами возвратной направленности в политическом сознании советских элит. «Инверсивность состояла в том, – пишет, например, об «эмиграции» грузинских интеллектуалов в «волшебное царство своей истории» один из них, Нино Пирцхалава, – что поступательное движение, прогресс воспринимались как вперед-направленное-возвращение назад к идеалу славного прошлого нации с великой традицией державности»¹.

Пытаясь преодолеть советское прошлое, начать модернизацию с докоммунистических рубежей, реформы раскручивают порой спираль до витков едва ли не родоплеменных. Это не уникальный зигзаг социальной истории. На что указывает, например, А.В. Готного: «Второе издание капитализма в СССР и на постсоветском пространстве аналогично второму изданию феодализма в ряде европейских стран, и в этом смысле не является исторически беспрецедентным событием»².

А коли так, то по логике вещей нельзя исключать и реставрацию социализма в России в формах, отличных от прежних.

---

¹ Пирцхалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. – Кн. 1. – М., 1997. – С. 189.

² Готного А.В. Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу // СОЦИС. – 2014. – № 1. – С. 118.

Попятная эволюция отнюдь не обязательно означает прекращение развития, необратимый упадок либо движение в сторону энтропии. Во-первых, ее начала и концы никогда наглухо не замыкают круг, из него постоянно выбиваются кванты изменений, пусть первоначально и незаметных для современников, но неотвратно преобразующих – зачастую в геометрии той же модели – витальную фактуру общества.

Во-вторых, чем сложнее социополитическая система, тем более многочисленны составляющие линии ее эволюции (политические, экономические, социокультурные и др.), которые могут иметь разные направленность и конфигурацию (например, вроде кольцеобразно развернутого пучка разнонаправленных спиралей модели молекулы ДНК) и потому одновременно и во взаимодействии продуцировать и волны деградации, и волны модернизации, как это было, например, в СССР времен «застоя».

В-третьих, по мере приближения к нашей современности, эволюция всякого общества все тесней сплетается с развитием (или деградацией) других обществ в единый всемирно-исторический процесс, который навязывает ей свои формы, темпы и векторы движения.

Казалось бы, сказанного достаточно, чтобы оправдать использование в качестве инструмента концептуализации при анализе постсоветских перемен изложенную ранее модель, тем более что на нее указывают своим вектором сами эти перемены. Дело, однако, обстоит не так просто. Прочерчен лишь небольшой отрезок дуги, который не обязательно сомкнется с ее началом или свернется в спираль. На проблемном поле, образуемом постсоветским реформизмом, никакой порядок пока что не просматривается. Здесь царит хаос. Старое мало чем отличается от нового, а последнее от первого.

Кризис идентификации стал всеобщим. Вещи выступают под чужими именами. Имитации берут на себя роль оригиналов. В политике ложь трудно отличить от правды. Мнимые перемены обретают такую же общественную значимость, как реальные. Симуляция становится всеобщей формой социополитических инноваций.

1.1. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ – ЛЕВАЦКИЙ УКЛОН?

После государственного переворота начала 90-х гг. XX века за переустройство общества взялись либерал-реформаторы. Вооружившись лозунгом «Даешь капитализм!», они, по существу, приняли концепцию возвратной модернизации. Осознавали ли российские либералы возможные последствия принятого курса?

Канонически вписанный в историю постсоветского реформизма Е.Г. Гайдар в конце 1989 г. утверждал: «Идея, что сегодня можно выбросить из памяти 70 лет истории, попробовать переиграть сыгранную партию, обеспечить общественное согласие, передав производство в руки нуворишей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрирует силу утопических традиций в нашей стране. Программа реформ, не предусматривающая таких ценностей, как равенство условий жизненного старта вне зависимости от имущественного положения, общественное регулирование, дифференциация доходов, активное участие трудящихся в управлении производством, просто нежизнеспособна»¹.

Автор этого откровения подтвердил своими последующими реформаторскими импровизациями собственный прогноз. Либеральный проект провалился.

Реформы, инициированные коррумпированной элитой и поощряющие любые, в том числе криминальные способы «накопления капитала», скорей уводили от классической модели капитализма, чем приближали к ней. Вместо того чтобы рационально использовать реальные преимущества социализма при переходе к рыночной экономики, как это сделал социалистический Китай, реформаторы принялись бездумно их искоренять, фактически отдаляя перспективу строительства цивилизованного капитализма, загоняя ее в замкнутый круг.

Между тем, ниспровергаемый общественный строй в СССР содержал в себе вполне пригодные элементы для реконструкции общества по направлению к вожделенному рынку. Это, во-первых, формы собственности и структуры управления и об-

---

¹ Гайдар Е.Т. Частная собственность – новый стереотип // Московские новости. – 1989. – 8 окт.

ущественного регулирования хозяйства, отождествимые по ряду существенных параметров с государственным капитализмом; освобожденные от идеологических пут, они могли бы составить основу продвижения к желанной цели без социальных бедствий шоковой терапии. Во-вторых, советское общество располагало эффективной системой социальной защиты, от которой сегодня сохраняются лишь жалкие остатки.

А чего стоит отречение реформаторов от марксизма? Они оправдывают это не столько доктринальной несостоятельностью марксизма, сколько тем, что от него отвернулись интеллектуальная и политическая элиты России. Ссылаясь на это, Е. Гайдар и В. Мау, в частности, утверждали: «Происходит естественная реакция отторжения. То, что насильственно навязывалось на протяжении десятилетий, отходит на задний план, а то и вовсе исчезает из интеллектуальной жизни»¹.

Во времена перестройки и реформ 90-х гг. прошлого столетия идеологическое ренегатство действительно стало массовым явлением в верхних слоях российского общества. Причем прививалось оно новым режимом фактически в принудительном порядке. Однако пришедшие на смену марксизму суррогатные переложения западных доктрин, эзотерические, клерикальные и прочие версии модных тогда учений не выдержали проверку временем, поскольку оказались теоретически бесполезны в анализе и решении коренных проблем переходного периода.

Экономические и социально-политические провалы постсоветского реформизма стимулировали подъем левых течений общественной мысли и вместе с тем рост интереса к марксизму. «Этот интерес, – отмечают С.И. Дудник и В.М. Камнев, – является питательной почвой не столько для сохранения ортодоксального марксизма, а также не столько для возникновения новых вариантов неосталинизма, сколько для формирования и развития нового идейного течения, которое условно можно обозначить как «постсоветский марксизм»².

---

¹ Гайдар Е., Мау В. Марксизм между научной теорией и светской религией (либеральная апология) // Вопросы экономики. – 2004. – № 5. – С. 4.

² Дудник С.И., Камнев В.М. Постсоветский марксизм: идейное своеобразие и перспективы развития // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 67.

Таким образом, и в сфере интеллектуальной жизни российского общества намечаются сдвиги в сторону отринутого, было мировоззрения, отмеченное, однако, стремлением к переосмыслению и обновлению его доктринальных установок и принципов усвоения массовым сознанием. Время выявит возможности постсоветского марксизма выступить в роли конкурентной силы либерал-реформизму в сфере модернизации российского общества.

Пока же в этих сферах либерал-реформаторы не имеют достойных конкурентов. Обернув в свое время горбачевское «ускорение» вспять в ельцинское движение напрямик к капитализму, они упорно продолжают идти этим путем. По сравнению с ними В.И. Ленин может показаться убежденным консерватором. В самом деле, в своих прогнозах вождь мирового пролетариата отводил на переход к социализму целую историческую эпоху (несколько поколений), начало которой на практике положила весьма умеренная по тем временам новая экономическая политика. «Лево-уклонистами» называли тогда большевиков, которые пытались решить проблемы перехода одним махом, – «большим скачком», как сказали бы много позже маоисты.

А не в этом ли типологическом ряду оказались постсоветские реформаторы, предложившие либеральные проекты смены эпох за «пятьсот дней» или за несколько лет? «Цель приватизации – построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия», – говорил один из них А.Б. Чубайс, повторяя (едва ли осознанно) известное изречение И.В. Сталина о темпах построения социализма в СССР¹. Лево-революционистский уклон в чистом виде.

Небольшое отступление. Неоспоримы подтвержденные историей гуманистические ценности либерализма: свобода личности, мысли, слова, гражданские права. Отвечает ли этим изначальным ценностям либерализма его российские адепты? Еще в 1918 г. Н.А. Бердяев писал: «Слово «либерализм» давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова «свобода». Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет связать ее со своими насущными интересами. Поистине в свободе есть скорее что-то аристо-

---

¹ Цит. по: Независимая газета. – 1997. – 11 сент.

кратическое, чем демократическое. Эта ценность более дорога человеческому меньшинству, чем человеческому большинству, обращенная, прежде всего к личности, к индивидуальности. В революции никогда не торжествовал либерализм. Не только в социальных, но и в политических революциях он не торжествовал, ибо во всех революциях поднимались массы»¹.

Едва ли Н. Бердяев назвал бы антикоммунистический переворот в России в начале 1990-х гг. «революцией». В частности, потому что здесь восторжествовали не массы, а либеральное меньшинство. Правда, отнюдь не аристократическое, а представленное узкой группой ренегатов из высшей номенклатуры КПСС и комсомола, крупными хозяйственниками, всякими проходимцами и жуликами из маргинальных слоев населения. Да мало ли кто не компрометировал в России и других странах самое понятие «либерализм». По мнению Н. Бердяева, слово «либерализм» принадлежит к разряду «очень порченных слов... Порча либерализма началась со смещения целей и средств, с подмены духовных целей жизни материальными средствами»².

Современные критики либерализма нередко далеко заходят за пределы бердяевских оценок. Так В. Галин, усматривает в нем первоначало всех бедствий, включая «самые кровавые войны в мировой истории»³. Не соглашаясь со столь экстремальными оценками, зададимся все же вопросом: привнесли ли в российское общество либеральные реформы, которые проводятся с начала 1990-х годов в России, отмеченные ранее ценности? Вписываются они в гуманные традиции свободомыслия либерализма в западном или дореволюционном российском понимании? Едва ли. А вот с большевизмом по экстремизму, жестокости, авантюризму – сходство очевидное.

Западные критики неолиберализма весьма скептически оценивают его модернистские возможности. Выступая отнюдь не с антирыночных позиций, такие видные ученые как Дж. Стиглиц, П. Кругман, Р. Райх, К. Крауч отмечают, в частности, что в основе кризиса 2008–2009 гг. лежит неолиберальная экономическая модель. Чтобы не допустить новых кризисов, они

---

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 142.

² Там же. – С. 150.

³ См.: Галин В.В. Тупик либерализма. Как начинаются войны. – М.: Алгоритм, 2011.

указывают на необходимость усиления государственного регулирования вообще и прогрессивного налогообложения¹ – на том, что категорически не приемлют наши неолибералы.

Кстати, Россия, отнюдь, не является лидером по участию государства в экономике. Согласно исследованиям Организации экономической свободы и развития (ОЭСР), в последние годы фиксируется заметный рост удельного веса компаний с государственным участием. Так, во Франции и Италии на долю таких компаний приходится до 25 % ВВП, в Дании и Финляндии – 35-37, в Германии – 54 %, в Польше – 58 %, в Бразилии – 30 %, в Таиланде – 26 %, в социалистических Китае – 29 % и во Вьетнаме – 34 %. На этом статистическом фоне российский показатель (20 %) является далеко не рекордным.

Экономист В.Б. Кондратьев, из статьи которого заимствованы эти данные, пишет, что формы госкапитализма, преобладающие в XXI веке, существенно отличаются от тех, что существовали во второй половине XX века. Тогда вмешательство государства в дела предприятий принимало формы командной экономики и прямого перераспределения стратегических ресурсов. Сейчас же, как это ни парадоксально, приватизация и либерализация 80–90-х гг. XX века помогли создать новые гибридные формы капитализма, в которых государство оказывает влияние на инвестиционные решения частных компаний, владея миноритарной долей их капиталов².

Простившись с социализмом, страна очутилась в состоянии социально-экономического хаоса. Надо ли было заменять коммунистический проект либеральным? А может один другого стоит? Сошлемся на мнение западного критика либерализма, профессора Уорикского университета Колина Крауча, который считает, что в наше время либералы и марксисты – «причудливая пара» – «ушли в прошлое, которое сегодня представляется фантазией»³.

---

¹ См.: Крауч К. Постдемократия. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010; Кругман П. Кредо либерала. – М.: Европа, 2009; Райх Р.Б. Послешок. Экономика будущего. – М.: Карьера Пресс, 2012; Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. – М.: Эксмо, 2011.

² Кондратьев В.Б. Второе дыхание государственного капитализма // МЭиМО. – 2013. – № 6. – С. 6.

³ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. – М., 2012. – С. 15.

Следуя ленинской диалектике понятий, «единых в противоположностях», не трудно убедиться, что ключевые смыслы и либерального, и коммунистического проектов, идеологически однозначны, одинаково архаичны. Типичным для постсоветских реформаторов является синдром рыночного детерминизма, порождаемый подходящим разве что для XIX века представлением о рынке в качестве всемогущего регулятора общественных отношений. Суть такого синдрома незамысловатая: достаточно, мол, ввести частную собственность, дать свободу торговле, отпустить цены, подстегнуть приватизацию, открыть дорогу вольной конкуренции, и все расставится по своим местам, наведется порядок в государстве, народ приобщится к благам западной цивилизации.

В этом отношении постсоветские реформаторы не оригинальны. Колин Крауч пишет: «Существует много подвидов и брендов неолиберализма, но за всеми ними стоит один господствующий принцип: свободные рынки, на которых индивиды заняты максимизацией материальных прибылей, – наилучшее средство для удовлетворения стремлений людей»¹.

Почему данный принцип в России на практике не выполнил свою цивилизаторскую миссию? Почему столь скоротечно, безоглядно проводились либеральные реформы?

«Не следует забывать, – пишет академик М.К. Горшков, – что действия и поступки реформаторов часто носили спонтанный характер и были во многом вынужденными в условиях тотального системного кризиса в агонизирующем СССР, когда времени на поиск более “щадящих”, постепенных путей реформирования уже не оставалось»².

Другое дело, что реформаторы оказались не на высоте вызовов времени, не смогли на них адекватно ответить. Быть может, сыграли роковую роль невежество, некомпетентность, амбициозная глупость, инспирированное извне зловердие реформаторов?

Вот ответ компетентного эксперта Андерса Ослунда, который в аннотации к изданию на русском языке его монографии «Строительство капитализма» характеризуется «как крупней-

---

¹ Там же. – С. 11.

² Горшков М.К. Указ. соч. – С. 130 – 131.

ший специалист по проблемам посткоммунистической трансформации и переходных экономик»¹.

По его мнению, Е.Т. Гайдар и другие «авторы радикальных реформ» в постсоциалистических странах «были умны и талантливны и хорошо знали, чего хотели»².

А кто доказал, что умники, таланты и даже признанные гении не способны на ошибки, глупости и злодеяния? Какое из постсоветских государств, в коих автор и его американские коллеги пребывали советниками, пришло хотя бы к относительному благополучию, следуя такому, например, наставлению того же Ослунда: «Для того чтобы избежать неэффективного, частично реформированного государственного устройства, требуется как можно резче и определеннее, но без применения насилия, порвать с прежним общественным строем. Сильный шок необходим как на уровне общества, так и на уровне отдельного человека»³.

Известно, что без насилия, конечно, не обошлось. Чеченская война, расстрел здания российского парламента, военные конфликты в среднеазиатских республиках.

А шоковая терапия? Ее последствия повсюду на постсоветском пространстве оказались катастрофичны. Россия же едва избежала полного и неотвратимого развала – экономического, социального, геополитического. Положение поправил переход правящей элиты от шока к более умеренной политике. Преодоление левого уклона? Как сказать.

Строго говоря, дело не в этом, а в самом существовании социального проекта, реализуемого с начала 90-х гг. XX века. Известный экономист С.М. Миньшиков видит «коренное противоречие в концепции неоллиберализма» в том, что, «утверждая в качестве главной цели минимизацию роли государства в экономике, она в то же время возлагает осуществление этой задачи именно на государство. Получается что-то вроде одного из основополагающих

---

¹ Там же содержится весьма показательная справка: с 1991 по 1994 г. – экономический советник Правительства России, с 1994 по 1997 г. – Правительства Украины, с 1998 г. – советник Президента Кыргызстана Аскара Акаева, затем сотрудник в фонде Карнеги в Вашингтоне.

² См.: Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. – М., 2003.

³ Там же. – С. 654.

принципов теории научного коммунизма, когда провозглашаемая цель – отмирание государства – осуществлялась через всемерное развитие его функций по руководству обществом»¹.

Слегка «обтесав» эти постулаты, их легко перевести на язык футуристских аксиом «Коммунистического манифеста», естественных и для крайних противников капитализма позапрошлого столетия. Здравомыслящий капиталист Дж. Сорос обескуражился стахановскими порывами реформаторов, неспособных уразуметь явленную современными обществами дихотомию: «На одном конце – коммунистические и националистические доктрины, которые бы привели к гнету государства. На другом конце – неограниченный капитализм, который привел бы к крайней нестабильности и в конечном итоге к краху»².

Общеизвестны итоги либеральных экспериментов: катастрофическое падение производства, губительное для страны социальное расслоение общества, экономическая и политическая нестабильность, социальная напряженность, рост преступности, обнищание народных масс, люмпенизация среднего (по российским меркам) класса, падение морали – словом, всеобщая деградация. Такого рода последствия вообще характерны для развивающихся стран, к коим ныне относится и Россия³.

Утопичными оказались идеи быстрого создания рыночных механизмов и демократических институтов на основе идеи либерализма эпохи свободной конкуренции, равно как и надежды на быстрое и безболезненное включение постсоветской России в международные экономические структуры. Вновь сошлемся на Е.Т. Гайдара, который, осмысливая свой опыт реформатора, констатируя в изданной в 2005 г. монографии, что «Россия уже вышла из периода социально-экономических изменений, связанных с крушением социалистической системы, формированием рыночных институтов», признав вместе с тем, что «отдыхать от реформ, наслаждаться стабильностью рано»⁴.

---

¹ Меньшиков С.М. *Анатомия российского капитализма*. – М., 2004. – С. 308–309.

² Сорос Дж. *Новый взгляд на открытое общество*. – М., 1997. – С. 25.

³ См.: Радыгин А., Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. – 2012. – № 12.

⁴ Гайдар Е.Т. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – С. 645, 646.

Обрушив советскую экономику, реформы не создали на ее месте новую, более эффективную экономику. К середине 90-х гг. XX века страну охватила хозяйственная разруха. Вдвое сократился валовой внутренний продукт. Роль России в мировой экономике существенно снизилась. Согласно исследованию ИМЭМО РАН, по состоянию на конец 1990-х гг. доля ведущих держав в мировом ВВП распределялась следующим образом: США – 18 %, Евросоюз – 25 %, Япония – 14 %, Китай – 3 %, а Россия – всего 1,2 %¹. Исчезли или пришли в упадок важнейшие отрасли промышленности, такие как станко- и приборостроение, производство самолетов, сельскохозяйственного оборудования и др.

Отставание страны от развитых капиталистических стран не только не уменьшилось, но увеличилось. Теперь Россия по темпам развития отстает не только от них, но и от многих стран третьего мира. Тогда как, например, Индия, Бразилия, некоторые страны тихоокеанского региона продолжают успешно продвигаться по пути догоняющего развития, проводя модернизацию на собственных культурно-цивилизационных основаниях, постсоветская Россия пережила деиндустриализацию и значительно отстала от них.

В отдельные годы рост российского ВВП достигался в основном за счет добывающей промышленности. А декларируемые задачи – широкомасштабное внедрение новейших электронных, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем и т.п. – так и не были выполнены. Падают расходы государства на российскую науку, переживающую глубокий кризис, который, как показал разгром Академии наук России, является рукотворным. Если на широковещательный, но пока что фактически бесплодный, сколковский проект в ближайшее время предполагается израсходовать 250 млрд руб., то на финансирование РАН, столетиями успешно обеспечивающей развитие отечественной науки, в 2013 – 2015 гг. отводится 111,2 млрд руб.

Будучи президентом России Д.А. Медведев в программном рода заявлении прокламировал: «Россия, вперед!». Замечательно. Духоподъемно. А куда, собственно, вперед? На Давосском форуме в январе 2013 г. он как глава российского прави-

---

¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития.– М., 2003. – С. 533.

тельства заявил, что будущее России обеспечит экспорт не столько углеводородов, сколько потенциально необъятные ресурсы сельского хозяйства и чистой воды. В свое время Россия славилась вывозом пеньки, леса, пушнины и иных «даров природы», к коим, собственно, относятся и спасительные углеводороды. А когда же мы будем экспортировать дары научных технологий, обещанные сколковским проектом? Восстановление и рост производства в России осуществляется благодаря доходам от вывоза ископаемого сырья, которые формируют около половины расходной части бюджета.

Сравним: в США экспорт высокотехнологических производств и самих технологий составляет 95 % общего объема экспорта; поступления в бюджет от продажи наукоемких производств и технологий на внутреннем и внешнем рынках составляют около 90 %. Именно такого рода продукция образует более половины национального богатства США. Россия обладает в несколько раз большим богатством, около половины которого составляют, однако, природные ресурсы. По оценке Н.П. Федоренко, объем национального богатства России в период с 1895 по 2000 гг. увеличился в 32 раза¹. Оно росло далеко неравномерно.

Любопытны в этом плане приводимые экономистом В. Андриановым сравнения темпов прироста национального богатства по «периодам правления» государством различными лидерами. В годы правления последнего императора России Николая II (1894–1917 гг.) национальное богатство страны увеличилось на 64 %. В то время, когда премьер-министром был известный реформатор С.Ю. Витте (1905–1906 гг.) роста национального богатства не было зафиксировано.

При руководстве правительством царской России П.А. Столыпиным (1906–1911 гг.) национальное богатство страны увеличилось на 6,2 %. В 1911–1917 гг., когда сменилось семь председателей правительства, национальное богатство уменьшилось на 3,2 %.

При В.И. Ленине (1917–1924 гг.) национальное богатство страны увеличилось на 20,8 %. Наибольшее приращение национального богатства России в составе бывшего Советского Союза

---

¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cribs.me/ekonomika/natsionalnoe-bogatstvo-rossii>

произошло в период правления И.В. Сталина (1924–1953 гг.), когда данный показатель увеличился на 240 %.

При Н.С. Хрущеве (1953–1964 гг.) прирост национального богатства страны составил 64 %. Под руководством Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.) оно возросло на 186 %.

К.У. Черненко (1982–1984 гг.) и Ю.В. Андропов (1984–1985 гг.) не успели оказать реального воздействия на динамику роста национального богатства. В годы правления М.С. Горбачева (1985–1991 гг.) объем национального богатства по официальной статистике увеличился на 28 %. Распад Советского Союза и «экономические реформы» при Б.Н. Ельцине (1991–1999 гг.) привели к снижению стоимости национального богатства России примерно на 10 %¹.

На начало третьего тысячелетия национальное богатство всех стран мира по оценке специалистов составляет 550 трлн долл., из которых половина приходится на наиболее развитые страны (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада, Япония), и обеспечивается преимущественно за счет человеческого капитала. Национальное богатство США оценивается в 23,8 трлн долл. Остальная половина распределялась между странами ОПЕК – 95 трлн долл., странами СНГ – 80 трлн долл., и прочими странами – 100 трлн долл. Более половины мирового национального богатства составляет человеческий капитал – 365 трлн долл., на воспроизводимый и природный капитал приходится соответственно 95 и 90 трлн долл.

Национальное богатство России оценивается в 60 трлн долл., из которых на человеческий капитал приходится 30 трлн, природный – 24 трлн и на воспроизводимый – 6 трлн долл. В расчете на душу населения Россия имеет самый высокий показатель накопленного национального богатства – 400 тыс. долл. США, что в 4 раза выше общемирового показателя.

В то же время удельный вес накопленного человеческого капитала в России значительно ниже, чем в промышленно развитых странах².

Постсоветская Россия вступила в мировой рынок экономически крайне ослабленной, с экономикой, зависимой от сы-

---

¹ Андрианов В. Национальное богатство, природные и трудовые ресурсы России // Общество и экономика. – 2013. – № 4-5. – С. 127 – 128.

² Там же. – С. 130.

рьевого экспорта (подробнее об этом см. главу IV). «Капитализм», который возник в постсоветской России, оказался совершенно неприспособленным к мало-мальски эффективному участию в процессах глобализации. Образовалась структура, соединяющая остатки государственного социализма, олигархический капитал полукриминального происхождения и обширный массив примитивного предпринимательства. Такая структура без поддержки государства в условиях глобализации обречена на подчинение транснациональному капиталу со всеми вытекающими политическими и социальными последствиями.

В результате такой интеграции экономика РФ, утратив свою самодостаточность, стала уязвимой для внешних воздействий, впадая в кризис или стагнацию от падения нефтяных цен на мировом рынке, финансово-валютных махинаций, экономических санкций западных стран. Влияние совокупности этих факторов повергло к концу 2014 г. российскую экономику в состояние, которое министр экономического развития А.В. Улюкаев назвал «гремучим и взрывоопасным»¹.

Социализм в СССР деградировал и разложился как общественный строй. Но возникла ли вместо него иная исторически легитимная система?

Один из первых российских олигархов Б.А. Березовский в своей программной статье «От революции к эволюции» утверждал: «Период с 1991-го по 1997-й гг. не имеет аналогов в российской истории. Именно в течение этого времени реформаторы вместе с президентом Борисом Ельциным впервые в истории России осуществили трансформацию государства с централизованной экономикой и тоталитарной политической системой в государство с рыночной экономикой и либеральной политической системой»².

Суть этого изречения в лапидарном изложении такова: круг пройден – капитализм восстановлен поистине революционными темпами – фактически за пятилетку; передел собственности и власти состоялся; теперь главная задача победителей – стабилизировать ситуацию в принципе та же, что и по-

---

¹ Ведомости. – 2014. – 22 сент.

² Березовский Б. От революции к эволюции // Независимая газета. – 1998. – 22 янв.

сле Октября: успокоить замордованное обрушившимися социальными переменами население, подменив былой идеал о «светлом будущем» новым скалькированным с «американской мечты». О чем речь? Уточним понятия.

Какая же это «эволюция» – радикальная смена за несколько лет общественного строя? Это скорее революция. Но, ясно не та, которую можно встроить в ряд признанных историей буржуазных и прочих революций.

Постсоветские катаклизмы, правомерно сравниваемые с послеоктябрьскими, вызваны вовсе не взрывом социальной энергии масс, либо уловившими ее импульсы провидческими дерзаниями реформаторов, что характерно для всех подлинных революций, а латентными процессами гниения правящей элиты. Перераспределение собственности и власти произошло одномоментно. Но кем? Как? В пользу кого? Окончательно ли? Снова напрашивается сравнение с Октябрем, от чего не уйдешь, пытаясь осмыслить реальности и фантазмагии постсоветизма.

Сопоставим. Собственность и власть в бывшем СССР захвачены не классом, не сословием и даже не организованной бандой (что бывало в истории), а неким неизвестным донине социологии неформальным сообществом, состоящим, по гайдаровскому определению (см. ранее), из номенклатурных хапуг, теневиков советской экономики, международных корпораций.

Передел произошел отработанными в еще советские времена способами оболванивания народа и закулисными манипуляциями – через ваучеры, залоговые аукционы, финансовые пирамиды и прочие фикции «первоначального накопления капитала» постсоветского образца. В отличие от Октября, собственность отнята не у ничтожного меньшинства, а у подавляющего большинства населения.

Проведенная сверху фактически насильственными методами приватизация, обрушив прежний социально правовой порядок, отнюдь не стала социально-экономической основой становления социально-правового государства. Политолог Б.И. Зеленко пишет: «Неправовой характер начатой в 1990-е годы приватизации предопределил деформацию системы политико-правовых отношений постсоветской России... Было

осуществлено не разгосударствление собственности, а, напротив, огосударствление прежней общенародной»¹.

В этой ситуации вне клинического анализа трудно объяснить старания победителей предъявить некий идеал, сопоставимый с социалистическим по способности умиротворения обобранных людей. Всякие его поиски, даже под видом «национальной идеи», совершенно бесперспективны, за исключением, быть может, тех случаев, когда они идут в этносоциумах, где идеал могут сформировать ожившие там исламские традиции. Моральный кодекс строителей коммунизма сгустился ныне в постные сентенции типа «свобода лучше, чем несвобода», «демократия лучше, чем тоталитаризм», «богатство лучше, чем бедность» и т.п. Все правильно. Кто же станет оспаривать, что плохое лучше хорошего? Никакой рефлексии тут не требуется.

Ладно. Советский строй потерпел крах. Возник ли на его месте иной строй, который можно было бы охарактеризовать с той понятийной определенностью, с какой идентифицируется минувший социализм или классический капитализм? Весьма сомнительно. Те реалии, которые называют «номенклатурным», «криминальным», «диким», «туземным», «бандитским» и т.п. «капитализмами», – всего лишь отдельные черты социальной данности, каждая из которых и все в совокупности никак не могут характеризовать всю наличествующую реальность.

А если поставить вопросы шире, глобальней, философичней, как это делает в близком к теме контексте В.В. Лапкин: «Возможно ли существование современного общества вне капиталистической системы мобилизации необходимых для его жизнедеятельности ресурсов, тем более в условиях их растущего дефицита? И, главное, способно ли «рыночное общество», общество капитализма выступить субъектом такой трансформации, т.е. преобразовать не столько капитал как собственное порождение, отчужденное и получившее всепроникающую власть над породившим его, сколько самое себя, т.е. общество, утратившее представление о своих истинных целях, интересах

---

¹ Зеленко Б.И. Через политическое согласие к правовой демократии. – Согласие в обществе как условие развития России. – Вып. 3. – Политическое согласие: Стратегии и реальность. – М., 2013. – С. 66.

и потребностях, равно как и способность такое представление формулировать и отстаивать?»¹.

Вопросы поставлены отнюдь не риторические. Но, возвращаясь к нашей теме, ответим на них пока что вопросами риторическими. Стала ли социально легитимной реальностью в России частная собственность? Нет, конечно. И не станет до тех пор, пока государство и общество не найдут адекватного базовым правовым и моральным нормам решения вопроса о приватизации 90-х гг. XX века.

Это деяние воспринимается как преступное мошенничество не только российским обывателем, но и вскормленной коррупционной приватизацией властью, растаптывающей святое для капитализма право частной собственности всякий раз, когда это выгодно сановному бюрократу. Как это сделали, кстати, либеральные правительства Евросоюза, вынудив власти Кипра в начале 2013 г. изъять в целях преодоления финансового кризиса значительную часть банковских активов.

Сложились ли национальная буржуазия и другие классы «нормального» капиталистического общества? Обосновано ли с научной точки зрения таковыми считать вчерашних мелких спекулянтов и комсомольских активистов, ставших в одночасье миллиардерами, представляемых в виде «наших Рокфеллеров», или мелких лавочников и «офисный планктон», выдаваемых за «средний класс»? Не говоря уж о повсеместно деклассированных рабочих, крестьян, интеллигенции.

Правда, надо отдать должное шкодливой либеральной мысли, породившей в ходе митинговой истерии последнего времени понятийную несуразность – «креативный класс». Что это такое? К какой отрасли знания это отнести? Скорее всего – к той сфере информационных технологий, которая выращивает в электронных инкубаторах Интернета и прочих сетевых структурах виртуальные политические организации, вполне ощутимо воздействующие на реальную жизнь общества. Вылущивая из Интернет-жаргона отвечающие духу времени слова и смыслы можно без труда переименовать («переБРЕНДить?») составляющие и их контенты социальной структуры общества. Примерно такие: «виннеры» (победители) и «лузеры» (неудач-

---

¹ Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // ПОЛИС. – 2012. – № 6. – С. 59 – 60.

ники) – два противоположных класса; между ними найдут свое место «креативы» (средний класс), а по краям «тролли» – зло- вредные маргиналы нового типа.

Вообще говоря, такая классификация уже давно бытует в публичном дискурсе. В отличие от марксизма, который изучает процесс классообразования, анализируя отношения собственности, она исходит из принципа материального, карьерного успеха. Один из видных участников дискурса П. Бурдьё, апеллируя к этому принципу, в середине 80-х гг. прошлого века, например, трактовал отношения «виннеров» и «лузеров» как особую идейно-политическую конструкцию, которая идентифицирует их как некие социообразования¹.

Концепция вне социального по сути подхода к данной проблематике усвоена идеологией постсоветского реформизма, идеологический контент которой, по словам социолога Е.Н. Даниловой, «обеспечивает основу интерпретаций и различений на выигравших и проигравших». Дискурс в этой области, пишет она, «связан с идеологической легитимацией социального неравенства и социального порядка, сложившегося в процессе российской трансформации. Он упрощает и сводит к дихотомичной картине многообразные социальные явления, уводит от понимания сложных процессов экономической и социальной динамики»².

Советский общественный строй стал первой ступенью капитализма, осуществленного в виде поистине химерической конструкции – нечто составленное из мутирующих останков социализма, реформ, ставших обыденными афер и казнокрадства, либеральных иллюзий интеллигентов, массового одурения граждан, утративших вдруг жизненные ориентиры, и т. п. атрибутов становления «другого» мира, опрокидывающего привычные стереотипы, как бы потустороннего.

В девиртуализированном же виде социум предстает как разложившееся социалистическое общество с врастающими в него капиталистическими структурами – уродливый гибрид, возникший в результате противоестественного скрещивания

---

¹ См.: *Bourdieu P. Distinction. A social critique of the judgment of taste.* – Cambridge MA Harvard University Press. – 1984.

² Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // СОЦИС. – 2014. – № 5. – С. 25.

генетически несовместимых систем. Конечный продукт либерального дурномыслия. Такое выморочное состояние, способное при соответствующих внешних воздействиях продолжаться неопределенно долго и деградировать, как показывают некоторые постсоветские регионы, в архаичные, докапиталистические общественные уклады.

Российское общество с начала 1990-х гг. погружают в обрисованное состояние либеральные реформы до уровня, ниже которого – перспектива тотального распада государства и общества. И пока еще трудно обнаружить убедительные признаки того, что именно на этом уровне не будет продолжаться циклическая эволюция в XXI веке, постоянно возвращаясь на круги своя. Выявляется скорее обратная тенденция, на что указывает возрождение звания Героя труда, народных дружин, стройотрядов и т.п. Прежний режим странным образом сдерживает движение вспять там, где он более всего сохранился, хотя точно так же гасит и импульсы модернизации. Таким исключением является Беларусь, где после кратковременного периода реформистской эйфории по существу был реставрирован советский строй.

Исторические традиции до сих пор во многом формируют политическое сознание всякого россиянина, независимо от его нынешнего гражданства, будь он чукчей, русским, лицом «кавказской» или любой другой «советской» национальности. Поэтому заведомо бесперспективны проекты модернизации, не привязанные, хотя бы имплицитно, к идущей от византийства традиции российско-советской государственности.

Данную традицию не смогли переломить социально-политические перемены конца 80-х – начала 90-х гг. XX века. Это оказалось не под силу горбачевской политике «ускорения», переросшей в суетливую и бесплодную «перестройку». Провал «революции сверху» коренился в разложении и одряхлении как раз «верхов», беспомощных перед лицом надвинувшегося кризиса и неспособных реформировать систему без радикальной ломки социально-политических порядков и устоявшихся в обществе социопсихологических и ментальных стереотипов, прежде всего вросших в массовое сознание установок на государственный патернализм.

Примем как неизбежное и поворот к капитализму. Но тут-то и возникают вопросы. К какому капитализму? Он ведь разный. У каждой эпохи, страны, каждого региона он свой. Мы тоже получили свой – дикий, криминальный, коему нет примера в человеческой истории. Куда нас занесло? В «джунгли капитализма», – вспомним излюбленную метафору советской пропаганды.

Может быть, реформы ввели постсоветскую экономику в конкурентный рынок? Сегодня даже либеральные экономисты не решаются утвердительно отвечать на этот вопрос. Российская экономика ныне едва ли не более монополизирована, подчинена бюрократическому произволу исполнительной власти, чем во времена Госплана.

А что произошло в других странах СНГ? Казахский экономист Б. Излетеулов констатировал: «попытка с ходу войти в либерализованную, т.е. свободную экономику, провалилась. Казахстан, не располагая какими-либо институтами саморегулирования экономических процессов, отдался стихии, которую почему-то называли «рыночной», хотя на самом деле у нас нет ни рынка, ни «полурынка» – вообще ничего определенного»¹.

В национальную катастрофу втянули постсоветские реформы Украину, где следующий один за другим олигархические режимы привели к гражданской войне фактической утрате национального суверенитета.

Еще одна загадка: реформы вовсе не сделали необратимым расставание с тоталитаризмом. Сошлемся на одного авторитета постсоветского реформизма. Г. Попов писал, что «итогом российской ваучеризации стало **ограбление** народа», что она не создала **социальных и экономических гарантий** «против прошлого», равно как и «**хозяина** собственности», в результате чего отдача от нее «**не увеличилась** по сравнению с той, которую эта собственность давала, будучи государственной»; поскольку же разрушение последней «не создало более эффективной альтернативы, **решающего «нет» тоталитарному социализму российская приватизация не сказала**»².

То есть не докрутили до конца. А если бы докрутили? Не осталось ли бы от России два десятка карликовых государств,

---

¹ Цит. по: Политический журнал. – 2004. – 15 июня. – С. 63.

² Независимая газета. – 1998. – 29 янв.

возможно принятых в ООН, но стертых с заглавных страниц мировой истории? Это оптимальный вариант, не учитывающий возможность ракетно-ядерного авантюризма политических проходимцев, принявших делить Россию.

Возникающие в постсоветском обществе по далекой от классической формуле «власть – деньги – власть» субстраты собственности не несут в себе системосозидающего начала. Формируясь на основе расхищения общественного богатства, они разоряют народное хозяйство и порождают социополитический хаос. Полного омертвления социальной ткани после отпущенной «реформами» на волю рыночной стихии не произошло лишь благодаря действию не поддавшихся им инерционных сил социализма.

Эволюция властвующих элит в России сопровождается нарастанием компрадорских элементов в их политике. Они откровенно домогаются попечения со стороны «цивилизованного мира», международного капитала, НАТО, что вполне естественно, так как сколько-нибудь широкой социальной поддержки внутри страны их эгоистические устремления не находят. Запад делает встречные шаги. Если в разгар «холодной» войны в его политике преобладали формы и методы косвенного влияния на экономические, социально-политические процессы в СССР, то теперь они меняются на прямые, окрашенные патернализмом, подобные тем, что обстоятельно освещены в обширной историографии о неокOLONIALИЗМЕ.

Измененные применительно к особенностям нынешней ситуации, эти формы и методы стимулируют формирование зависимого капитализма, к чему направлены кредитная политика западных стран, частные инвестиции, интервенция доллара, бесцеремонные попытки воздействовать на российскую политику санкциями и иными способами экономического и политического дваления. Дело тут не в чьих-то злых кознях, а в объективных законах капитализма, которые обуславливают его развитие продолжением эксплуатации населения и природных ресурсов не только социально освоенного им мира, но и всех прочих пространств человеческого бытия. «И все же, – со своим резонансом отвечает В.В. Лапкин на поставленные им вопросы, – капитализм как несовершенное, но, тем не менее, средство обеспечения прав, провозглашаемых демократией,

сохраняет свою актуальность и безальтернативность, хотя и требует за это у общества непомерную цену... «Незавершенный проект» Модерна продолжается...»¹.

Постсоветские реформы привели в действие модель круговращения, по которой социализм стал перевоплощаться в предшествующий ему в Российской империи общественный строй. Но от своего недавнего прошлого, понятно, никому никуда не деться. Оно неотделимо от настоящего.

Каждая из постсоветских республик – его органичный продукт, непосредственно из него выросший вместе со всеми своими президентами, их советниками чикагской или иных зарубежных школ, необъятной бюрократией, муллами, церковными иерархами, политиканствующими генералами, криминальными авторитетами и т.д.

Именно в силу этого анализ того общего, что их пока объединяет, более продуктивен для осмысления существа постсоветских реформ в каждой из них, чем исследование местной специфики, учет которой, разумеется, необходим. Оставим в стороне бывшие советские республики Прибалтики. Здесь удалось миновать некоторые зигзаги эволюции по маршруту «туда – сюда – обратно», чему есть особые причины, требующие отдельного анализа. Сперва сакраментальный вопрос: был ли в СССР построен социализм?

Есть несколько идеологически мотивированных версий ответа. Одна – не был. Другая – был, но не тот, каким бы ему пристало быть. Третья, характерная для отечественного антикоммунизма, – не важно, был или не был, главное в том, что Октябрьская революция повлекла за собой утрату исторических связей, гибельный хилиастический срыв. В итоге Россия выпала из истории.

Несмотря на горы научных трудов и публицистических работ, посвященных проблемам становления и падения советского строя, его история полна загадок, порожденных сначала ее чрезмерной идеологизацией коммунистами и их противниками, а затем демонизацией либералами. Оценки истории СССР чрезвычайно разнообразны. «Таинственное» появление, «таинственное» исчезновение, – пишет академик Ю.С. Пивоваров. – Между ними – небывалый строй, не существо-

---

¹ Лапкин В.В. Указ. соч. – С. 54.

вавший нигде и никогда. А его оценки лежат в диапазоне: суицид русского народа – величайший в истории подъем России»¹.

Как бы там ни было тот социализм, который на его закате называли «реальным» (преследуя, понятно, апологетические цели, чем можно пренебречь в завязывающемся здесь контексте), и был реальным. Во всяком случае, другого, реализованного на практике в столь широких масштабах и столь радикально изменившего не только российское общество, но и весь миропорядок, история не знает, даже если считать состоявшимися модели «демократического» или «национальных» – шведского, африканских и т.п. – «социализмов».

Если, случившееся в Петрограде в октябре 1917 г. можно, не особенно греша против истины, квалифицировать как «большевистский переворот», как один из возможных вариантов выхода из тогдашнего кризиса, то применительно к последовавшему за «штурмом Зимнего» процессу общественных преобразований такая оценка была бы крайне поверхностной и необъективной, поскольку она не разводит понятия «Октябрь как событие» и «Октябрь как эпоха».

Данный процесс явился не аномалией, случайным отклонением от «естественного» хода истории, сиречь становления капитализма, которое при сохранявшихся порядках едва ли могло выйти на восходящую спираль модернизации. Это была исторически закодированная революция, разорвавшая круг латентного развития Российской империи. Нелепо, излишне провинциально сводить ее истоки к «масонскому заговору» или трактовать как материализацию «марксистской утопии», насильственно навязанной народу.

Из этого, думается, и следует исходить, пытаясь осмыслить социополитические метаморфозы на постсоветском пространстве. Иначе они обращаются в зазеркальные перемены, транслирующие некие симулякры модерности из ниоткуда в никуда, из «несоциализма» в «некапитализм» в ходкой ныне интерпретации переходных маршрутов.

Пагубные последствия реформистских экспериментов особенно остро проявляются сегодня, в условиях мирового

---

¹ Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // ПОЛИС. – 2014. – № 2. – С. 32.

экономического кризиса, который, по существу, является общим кризисом капитализма. Россия получила ровно то, к чему не могли не привести ее либеральные реформы.

В частности, приватизация, осуществленная в ходе этих реформа, по словам нобелевского лауреата Дж. Стиглица, не может быть самоцелью. Он приводит в пример Китай, который не последовал советам МВФ, а выбрал свой путь, поставив на первый план увеличение количества рабочих мест, а не приватизацию. Китайские сельхозугодья до сих пор не перешли в частную собственность, однако экономика Китая развивается феноменальными темпами, а уровень иностранных инвестиций выше, чем в США. В такой ситуации возникает вопрос о дальнейшей приватизации государственных предприятий. При этом следует учитывать не вполне легитимно уже проведенную приватизацию, недостаток инвестиций, несправедливое распределение ресурсов.

«Проблема в том, – пишет Стиглиц, – что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду». В итоге у людей нет веры в «социальную справедливость и законность». Отсюда вытекает и боязнь инвестировать в Россию. По мнению экономиста, необходимо «вернуть веру в законность права собственности, перераспределить доходы от пользования природными ресурсами, найти инструменты инвестирования в социальные нужды».

Способы решения этой проблемы нобелевский лауреат предлагает не новые. Нужно установить приемлемый размер налога на капитал и сделать корпоративный капитал прозрачным. Джозеф Стиглиц предлагает «восстановить веру в государство», и тогда, по его мнению, России как «стране, богатой природными ресурсами, внешние инвестиции не нужны, надо только сделать поступления от этих ресурсов стабильными и правильно распределять их в обществе»¹.

Вписались ли новые социообразования в мировую систему капитализма? Действительность – даже в симулякрах, разумеется, корректно трактуемых, – совершенно ясно дает отрицательные ответы на эти вопросы. В реальной действи-

---

¹ См. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003.

тельности на месте рухнувшего строя возник зависимый капитализм в формах и структурах преимущественно криминального происхождения. Как было отмечено ранее, движение в этом направлении началось в первой половине 90-х гг. прошлого столетия, когда реформаторы опустили общество до уровня, ниже которого – перспектива тотального упадка и вырождения. Возникла ощутимая опасность того, что именно на этом уровне и будет продолжаться циклическая эволюция в XXI веке, постоянно возвращаясь на круги своя.

По-своему была реализована «возвратная» модель развития в среднеазиатских государствах, где советский тоталитаризм слился с выжившими при нем традиционными структурами и религиозными обычаями. Используя этот симбиоз, власти здесь в целом сумели укротить тех реформаторов, которые пытались протянуть «дугу реставрации» слишком далеко в прошлое (некоторые предлагали взять за образец Парфянское царство, Османский султанат и т.п.), и адаптировать свои режимы к новым реалиям.

Цель оправдывает средства – вот принцип идеологов постсоветского реформизма. Не дело автора обличать их. Констатируем лишь то, что относится к предмету наших размышлений: отрекаясь от «старого», коммунистического мира, реформаторы тем самым загоняли общество в «проклятое прошлое» – вплоть до феодальных и даже рабовладельческих порядков, которые стали возникать не только на окраинах бывшей империи, но и на новостройках, рынках и в борделях ее столицы. Начатое либеральными реформами попятное движение в сторону докапиталистических состояний общества налицо во всех странах СНГ: деиндустриализация экономики, возвращение к натуральному товарообмену, реанимация сословных и клановых отношений, замена закона кулачным правом, разгул произвола центральной и региональных властей и т.д. В итоге – не сползание ли к каким-то модернизированным формам феодального устройства? Вопрос, возможно, преждевременный. Есть надежда, что спираль развернется в обратную сторону.

Такого рода тенденция отчетливо обозначилась после распада СССР, причем в рамках изложенной ранее инверсионной модели. Говоря проще, бывшие советские республики

стали возвращаться к недавно отвергнутому прошлому. Не так, чтобы совсем. Но, тем не менее, к весьма важным формам политической жизни. Слишком далеко забежали назад. Не правы те, кто обвиняет В.В. Путина в реставрации советской системы, в попытках дать задний ход постсоветским реформам. Напротив, его президентская и последующая деятельность – это попытка вернуть страну на восходящий путь развития: от пещерного капитализма к цивилизованным формам социально-экономической жизни.

1.2. СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Чего ожидали народные массы от постсоветских реформ? Собственно говоря, того же самого, что от социализма – прежде всего, улучшения качества жизни, социальной справедливости. Дождались? Как отразилась смена социально-политических режимов на положении народных масс? Далеко не самым лучшим образом. Советская система социальной защиты рухнула. Новая система все еще не создана. На пороге нищеты находятся многомиллионные массы населения. Общественные отношения исковерканы неравенством. Как исторический феномен оно, по определению М.К. Горшкова, «представляет собой специфическую форму социальной дифференциации, которая предопределяет различия жизненных условий индивидов и социальных групп, их неодинаковый доступ к экономическим, социальным, политическим, информационным и иным ресурсам, и тем самым – определяет разные возможности и удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей и интересов»¹.

Вопиющие социальные контрасты стали обыденным явлением постсоветской жизни. Такие контрасты были невозможны в советском обществе. Конечно, оно не было социально-однородным. Но уровни неравенства тогда и сегодня несопоставимы. Выделялись отдельные привилегированные

---

¹ Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // СОЦИС. – 2014. – № 7. – С. 20.

группы населения, относящиеся к высшей партийно-хозяйственной номенклатуре и дельцам теневой экономики. Остальная масса населения проживала в весьма скудных материальных условиях. Равенство в бедности. Мало хорошего. Как отмечал в 1918 г. Н.А. Бердяев, «уравнение в бедности, в нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил»¹.

Надо признать все же, что равенство в нищете – это показывает советский опыт – может до поры обеспечивать относительную социальную стабильность, общественно-политическое согласие в государстве, ибо гасило социальные конфликты на бытовом уровне. Раздоры на коммунальной кухне или мелкотравчатые интриги в номенклатурной среде никак не могли возвыситься до масштабов общегосударственных. Случавшиеся порой массовые выступления против власти жестоко подавлялись, как это было, например, в Новочеркасске и ряде других городов.

Иное дело теперь. С одной стороны, показное богатство нуворишей с их миллиардными счетами в банках, дворцовыми гетто, типа московской «Рублевки», пригородными зонами крупных городов России, заморскими виллами и т.п., а с другой, – бедность, близкая к нищете, многомиллионных масс людей с их мизерными зарплатами и пенсиями, убогим жильем, недоступностью качественного образования и медицинского обслуживания – создают условия для вызреваний широких социальных протестов.

В чем корень зла? По мнению многих аналитиков самых разных политических убеждений, он заключается в итогах приватизации, разделившей общество на узкий слой богатых, овладевших 70 % государственной собственности, и остальную массу населения. Понятно поэтому, что, согласно социологическим опросам, лишь незначительная часть россиян осталась довольной результатами приватизации, или смирилась с ними, тогда как подавляющее большинство выступает за полный или частичный пересмотр ее итогов.

Так, по данным Левада-центра, в 2000–2007 гг. доля первых колебалась в пределах 7–15 %, тогда как доля вторых – от 78 до 83 %. Причем это соотношение остается примерно оди-

---

¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 233.

наковым у групп различных идеологических и политических ориентаций респондентов. Даже у партии власти оно почти такое же, как и у партий оппозиции. Без учета затруднившихся респондентов с ответом данные таковы: партия власти – 12,3 % и 79,2 % , коммунисты – 9,4 % и 81,1 %, демократы – 14,3 % и 66,5 %, патриоты – 6,4 % и 91,1 %, другие политические силы – 14,2 % и 82,8 %¹.

Сами идеологи постсоветского реформизма вынуждены признавать тот очевидный факт, что приватизация весьма слабо отвечала социальным ожиданиям общества. Г. Явлинский, например, отмечал: «Хаотичность приватизации, отсутствие простых и четких правил, соблюдаемых всеми участниками процесса (что является обязательным элементом при оценке его результатов как справедливых и честных), запутанность и нестабильность процедур – все это, безусловно, породило в общественном сознании восприятие приватизации как несправедливой и, следовательно, подлежащей возможному пересмотру»².

Проблеме бедности, социального неравенства изучаются в научных центрах России. Особый интерес для сравнительного анализа этих проблем представляют исследования, проведенные ИКСИ РАН в 2003 г. и ИС РАН в 2013 г. Основные их задачи состоят в том, чтобы оценить масштабы, причины и основные признаки бедности в России, и выяснить отношение российских граждан к бедности и социальному неравенству³.

Обобщая материалы данных исследований, социолог Н.Е. Тихонова заключает, что за десятилетие с 2003-го года ситуация с бедностью в стране не столь благополучна как ее подает официальная статистика: «Расширение же ее межгенерационного воспроизводства и консервация бедности, даже «новых бедных», позволяют говорить о том, что при количе-

---

¹ Общественное мнение – 2007. – М.: Левада-центр, 2007.

² Явлинский Г. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 14.

³ См.: «Богатые и бедные в современной России» в 2003 г. и «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» в 2013 г. // СОЦИС. – 2014. – № 1. – С. 7.

ственном улучшении ситуации с бедностью в России за последние 10 лет качественно эта ситуация не улучшилась»¹.

По мнению названного автора, бедность приобрела застойный характер. Начавшееся в массовом масштабе межпоколенное воспроизводство бедности, – пишет Н.Е. Тихонова, – не только резко усложняет борьбу с бедностью, но и ставит на повестку дня вопрос о начавшемся формировании культуры бедности в России... можно утверждать – процесс превращения бедных как нижнего сегмента российского общества в социально исключенных, его «периферию» уже прошел точку невозврата»².

Каким образом сложилась такая ситуация? Где следует искать причины ее возникновения? В первую очередь, конечно, в объективных предпосылках – развале СССР и крушении «реального социализма» – эпохальных событиях, которые потрясли все основы жизнеустройства россиян. Но не только. Огромную роль сыграл субъективный фактор, а именно политика либерал-реформаторов, под руководством которых протекал процесс социального переустройства России. Без учета этого фактора невозможно адекватно оценить ни проблемы социального неравенства, ни возможности их демократического решения.

В российском менталитете требования социальной справедливости, демократических прав, равенства перед законом всегда занимало очень важное место. Как замечает Н.Е. Тихонова, бедность в России считалась «чуть ли не добродетелью, а идея аскезы, в прошлом характерная для православия, вошла в живую ткань культуры русского народа и его жизненного идеала».

Социальные перемены в годы реформ сместили эти оценки. Пропаганда ценностей потребительского общества, культ личного успеха, замещение коллективистских начал в общественном сознании индивидуалистическими привели к ухудшению отношения россиян к бедным. За десятилетие между двумя упомянутыми ранее исследованиями среди них более чем в полтора раза сократилось сочувствующих бедным

---

¹ Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // СОЦИС. – 2014. – № 1. – С. 17.

² Там же. – С. 19.

и в одинаковой степени число тех, кто относится к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным. Отношение к бедным начинает выстраиваться в современном российском обществе, исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности. Тем самым из «категориального» оно превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного человека. Одновременно бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая какого-то особого отношения, все дальше отодвигается на периферию сознания наших сограждан. А это значит, что помощь бедным как таковым, как особой социальной группе, все больше уходит из актуальной для большинства населения «повестки дня»¹.

Широкие слои населения оценивают успешность функционирования государства и бизнеса как институтов, ответственных за благосостояние народа. Чтобы избежать обострения социальных конфликтов, социальные реформы должны отвечать этой оценке. Тот же Н.А. Бердяев в другой своей работе писал: «Социальный реформизм, направленный на защиту интересов труда и трудящихся, должен быть согласован и с исторической преемственностью и традициями, и с неотъемлемыми правами и свободами человека. Необходимо сочетание свободной индивидуальной инициативы, свободного общественного кооперирования и государственного регулирования»².

Исследователи проблем неравенства в России отмечают, что «благосостояние индивида (группы) определяется не только и не столько уровнем дохода и/или набором потребительских благ, сколько набором функциональных возможностей: совокупности всех благ, к которым индивид (группа) имеет доступ; совокупности всех возможных вариантов их использования»³.

Подобный подход к проблемам неравенства оправдан и продуктивен при их анализе в условиях развитой рыночной экономики. Россия еще далека от такой экономики. Отече-

---

¹ Там же. – С. 8.

² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – Париж, 1949. – С. 198 – 199.

³ Аврамова Е., Малеева Т. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // Вопросы экономики. – 2014. – № 7. – С. 145.

ственные социологи обращают внимание на то, что даже по принятым в России – упрощенным – критериям показатели социального неравенства не только не снижаются, но продолжают увеличиваться. Такого рода тенденции усиливают общественные противоречия, социальную напряженность в стране, стимулируют массовые политические выступления противников режима.

Решение проблемы неравенства возможно лишь на пути развития социального капитала – системы связей между людьми и зависящие от них нормы доверия и поведения, создающие структуры социального взаимодействия, от которых зависит эффективность механизмов вертикальной мобильности населения¹. Состояния социального капитала определяет тип устройства экономики на каждой стадии развития общества и характер социальной защиты населения. В экономической науке преобладает представление о развитии социального капитала как неременном условии экономического роста, социальной сплоченности и материального благополучия населения.

Современный российский бизнес далек от подобных социальных установок, которым меньше всего склонны следовать новоиспеченные капиталисты, делящиеся толикой своих сверхприбылей с массой неимущих в стране только под давлением государства. Проблема еще и в том, что в большинстве своем они не способны осознать необходимость исполнения этой ответственности для социальной легитимации собственного гражданского статуса. Председатель совета директоров одной из крупнейших инвестиционных компаний Великобритании Т. Гаффии, отмечая, что «коренной вопрос» российской экономики – «нравственный», подчеркивает: «Складывается впечатление, что в России капитализм видится как безнравственная система, где каждый сам за себя... Частью долгосрочного решения проблем могла бы стать кампания по разъяснению населению того, что капитализм не может быть построен иначе, как на фундаментальной порядочности, ответственности, гласности и правде»².

---

¹ См. *Аврамова Е.М.* Вертикальная мобильность российского населения: 2000-е годы. – М.: Студия, 2008.

² НГ-Политэкономия. – 1998. – № 19. – С. 5.

Кстати, крупный капитал западных стран, участвуя в социальных программах, исполняет не только свой нравственный долг, но и извлекает из этого весьма ощутимую экономическую выгоду. Один пример: проведенное в 1999 г. обследование 500 крупнейших американских компаний установило, что добавленная стоимость у компаний, принявших социальные обязательства, была вдвое выше, чем у остальных. По данным обследования корпораций, которые в своей деятельности были ориентированы на социальные, экологические и этические приоритеты, имели лучшие экономические показатели, чем остальные¹.

Российский бизнес не расположен следовать аналогичным путем, чему в немалой степени содействует фактическое продолжение либерального курса реформирования экономики. Режиму пока что удастся избегать крупных социальных конфликтов, поддерживая патерналистского рода иллюзии о том, что социальные расходы не сокращаются, а наращиваются за счет финансовых поступлений от нефтегазового экспорта.

«На самом деле, – пишут отечественные аналитики, – с учетом распределения конкретных направлений доходов и расходов по уровням бюджетной системы нефтегазовые поступления примерно на 50 % обеспечивают финансирование расходов на силовые структуры, в то время как почти 90 % расходов на образование и здравоохранение финансируется за счет налогов, уплачиваемых гражданами и предприятиями в региональные бюджеты и внебюджетные фонды (например, обязательного медицинского страхования)»².

Едва ли стоит сегодня ожидать от российского бизнеса эффективного участия в решении проблемы социального неравенства. Лишь государство может заставить его встроиться в систему общественного поведения, способствующую снижению ее остроты. Для этого надо найти выходы из социальных тупиков, в которые увлекли страну либеральные реформы.

---

¹ *Dobers P., Wolff R. Competing with Soft Issues. From Managing the Environment to Sustainable Business Strategies // Business Strategy and the Environment. – 2000. – Vol. 9. – Issue 3.*

² *Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. – 2014. – № 6. – С.13.*

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., на заре капиталистического ренессанса, антисоветская пропаганда ставила первой задачей перемен догнать Португалию, беднейшую из стран ЕС того времени по уровню социальной защищенности населения. И что же? Сегодня коэффициент защищенности России 0,26 %, а в Португалии почти вдвое больше – 0,46 %.

Вот другое сравнение: расходы российского государства на поддержку семей с детьми (выплаты, услуги, налоговые вычеты) составляют 0,4 % ВВП, а во Франции – 3,7 %, в Великобритании – 3,5 %, США – 1,2 % ВВП¹. Эти данные свидетельствуют не только о материальном положении населения, но и об уровне демократии. Комментируя их, социолог О.А. Полюшкевич пишет: «Ощущение угроз в личной и общественной жизни влияет на социальное самочувствие и поведение в обществе, на его уровень активности в разных сферах, а также является показателем обеспечения демократических прав и свобод»².

По данным ВЦИОМ, среди причин, вызывающих тревожные ожидания у населения страны, второе место после обеспокоенности проблемой преступности и собственной безопасности принадлежало ранее дефициту товаров и безработице, а теперь – социальному неравенству.

В представлении общества оно достигло запредельных масштабов. Около 80 % опрошенных считают, что неравенство в России чрезмерно. У граждан существует три вида представлений о принципах распределения: уравнительные, трудовые и рыночные. Большинство респондентов – 90-93 % – считают справедливыми трудовые принципы распределения: у всех должны быть равные стартовые возможности (скажем, получить хорошее образование, найти приличную работу), а зарабатывать люди должны в зависимости от труда, качества работы. При этом 30 % одобряют частную собственность и свободную инициативу, полагая, что они служат залогом социальной справедливости (т.е. являются сторонниками рыночной системы)³.

---

¹ См.: Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 5.

² Полюшкевич О.А. Представление социальной защищенности жителей России и Португалии // СОЦИС. – 2012. – № 12. – С. 70.

³ Известия. – 2004. – 23 янв.

Социологи, однако, отмечают, что число «рыночников» снижается. Особую тревогу у аналитиков вызывает то, что показатели социального неравенства не только не снижаются, но продолжают увеличиваться. Такого рода тенденции усиливают общественные противоречия, социальную напряженность в стране, стимулируют массовые политические выступления противников режима. Известный экономист Е.Ш. Гонтмахер отмечает, что «возникает *«негативная» стабильность*, которая означает медленную, неуклонную деградацию, рано или поздно приводящую к открытым кризисам с непредсказуемым исходом»¹.

Подсчеты специалистов показывают, что масса недовольных людей, достаточная для социального взрыва, составляет около 1/3 общей численности населения. Когда разрыв между доходами 10 % низко- и 10 % высокооплачиваемых граждан приближается к соотношению 1:10, в обществе возникают ситуации напряжения и угрозы безопасности. В социально благополучных странах стараются сохранить пропорцию 1:8. Причем в Японии и Швеции это соотношение составляет 1:3. В России заработная плата 10 % наиболее высокооплачиваемых работников в 2011 г. превышала зарплату 10 % наиболее низкооплачиваемых работников в 16,1 раза: 75,1 тыс. руб. в месяц против 4,7 тыс. руб. в месяц². Кто относится к верхней части «децилов»? При средней заработной плате 2011 г. 22 334 руб. в месяц наибольшие значения отмечены в следующих видах экономической деятельности³: финансовая деятельность – 44 659 руб.; рыболовство – 44 432 руб.; добыча полезных ископаемых – 44 547 руб.

Если учитывать в децильном коэффициент разницу не только в зарплате, но в доходах в целом, то, по данным Росстата, она увеличилась в период с 2000 по 2007 гг. с 13,9 до 16,7 раз⁴.

---

¹ Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства ...С. 76.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/mai/population/wages/#

³ [Электронный ресурс] – Режим доступа www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/trud2011.htm.

⁴ [Электронный ресурс] – Режим доступа URL:<http://www.utro.ru/articles/2008/04/07728835.shtml> (дата обращения: 26.02.2014).

Динамика показателей децильного коэффициента неравенства доходов (1995–2013 гг., раз)¹

Год	Децильный коэффициент
1995	13,5
1998	13,8
2001	13,9
2003	14,5
2005	15,2
2006	15,9
2007	16,7
2008–2010	16,6
2011	16,2
2012	16,4
2013	16,2

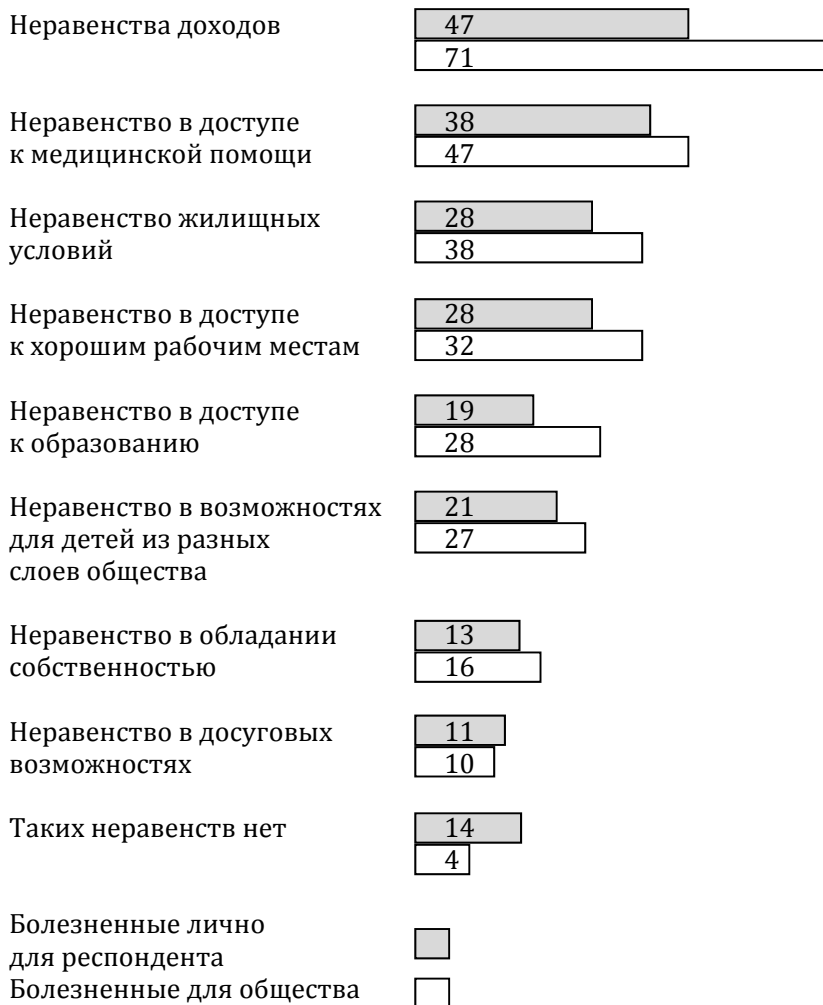
Уровень неравенства в доходах имеет и региональное измерение. Разница в доходах российских регионов чрезвычайно велика. Доходы граждан самого богатого региона могут превышать аналогичные показатели самого бедного более чем в 20 раз. Резкое углубление неравенства в доходах ведет к падению качественного потенциала российского населения. Если в СССР он составлял 0,920 («6-е место в мире»), то в 2013 г. – 0,788 (55-е место). Обострение различных видов социального неравенства в постсоветской России вызывают всеобщее недовольство ее население. Согласно исследованиям Института социологии РАН лишь 4% россиян не видят в нашем обществе острых и неоправданных неравенств. Подавляющее большинство российских граждан – причем, как бедные, так и небедные – не только фиксируют болезненные неравенства в обществе, но и отмечают, что лично от них страдают. М.К. Горшков приводит сводные данные, показывающие, какие же социально-экономические неравенства воспринимаются в настоящее время россиянами как наиболее болезненные для общества и лично для себя².

---

¹ Горшков М.К. Общественные неравенства... С. 22.

² Там же. – С. 24.

Неотмеченное выше неравенство перед законом М.К. Горшков называет «болевой точкой» современного российского общества. Устранение этого вида неравенства россияне считают ключевой задачей модернизации страны (41 %) и важнейшим признаком демократии (52 %). Причем, по мнению 68 % респондентов, на практике равенство всех перед законом в стране не реализуется. Четверть граждан за последние три года испыты-

вали на себе те или иные нарушения своих прав. Автор констатирует: «ощущение неравенства перед законом имеет для россиян вполне реальные, практические основания, и правовое неравенство перед законом – это еще один вид общественного неравенства, от которого страдают не только бедные и малообеспеченные слои населения, но и благополучно живущие граждане страны»¹.

Где выход? Теоретически – в оздоровлении национальной экономики, что, понятно, внесет успокоение в общественную жизнь России. Для этого необходимы рационально обоснованные реформы, разумеется, не в тех «шоковых» формах, которые, собственно, и стимулировали названные процессы. Но такие реформы нуждаются в политической стабильности известного уровня, в свою очередь, достижимого лишь путем улучшения социально-экономической ситуации. Не возникает ли замкнутый круг, структура функциональных зависимостей, именуемая в математике «вырожденной системой», которая не имеет решений?

Следует учитывать и то, что в силу цивилизационных особенностей исторического развития России в стране сохраняются последствия социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения: неприятие частной собственности, бюрократический произвол, ставка власти на силу и социальные привилегии и т.п. Эти социальные практики в совокупности с криминальным характером российского капитализма несовместимы с модернизацией страны. «Вероятно, – замечает А. Шубин, – наши правители осознают, что по мере смещения страны в «третий мир» она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может считаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь современного прогресса»².

Решение социального вопроса, таким образом, тесно связано с проблемами общей модернизацией России. Это показывает и исторический опыт развитых капиталистических стран. Идея социальной справедливости, вытекающая из традицион-

---

¹ Горшков М.К. Там же. – С. 25.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/>

ных морально-нравственных ценностей, вовсе не чужда либеральным идеологам капитализма. Крупные авторитеты дореволюционной политэкономии не мыслили экономику, рынок вне духовных, нравственных коллизий. Классик российского либерализма П.Б. Струве писал, что «у колыбели капитализма стоит воздержание», что здоровая экономика – производное от морали и духа. «Исходным моментом капиталистического духа как массового явления следует признать проникновение в сознание идеи долга в отношении к профессиональной работе»¹.

Стоит ли сегодня ожидать от российского бизнеса подобной ориентации? Весьма сомнительно. Лишь государство может заставить его встроиться в систему социального поведения, действующую в странах с социально-ориентированной экономикой.

Уровень неравенства в странах мира (2009 г.)

	Россия	США	Германия	Польша	Бразилия
ВВП на душу, тыс. долл. (ППС)	12,1	43,4	31,3	14,9	9,1
Первая группа (мин. доходы)	5,4	5,4	8,5	7,5	2,6
Вторая группа	10,1	10,7	11,4	13,7	11,9
Пятая группа (макс. доходы)	46,8	45,8	36,9	42,2	62,1
Коэффициент Джини	0,410	0,408	0,283	0,345	0,58

Источник: Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 75.

Комментируя данные таблицы, авторы статьи, в которой она приведена, пишут: «Поскольку главные бенефициары социальной политики – нетрудоспособные граждане, работники бюджетной сферы – несли основное бремя лишений, связанных с трансформационным спадом 1990-х годов, движение в данном направлении будет воспринято в обществе положительно, что обеспечит широкую поддержку власти и существенно укрепит социальную стабильность. Перераспределительная политика государства будет способствовать повыше-

---

¹ Струве П.Б. Экономика промышленности. – СПб, 1909. – С. 44 – 45.

нию уровня жизни низкодоходных групп граждан, однако неясно, снизится ли уровень социального неравенства, измеряемый с помощью коэффициента Джини»¹.

Один из принципов неолиберализма в экономической политике, по определению академика Е.М. Примакова, заключается в том, что «свободная игра экономических сил, а не государственное планирование обеспечивает социальную справедливость»².

Однако этот принцип, отмечает он, не выдерживает столкновений с действительностью не только в России, но и в других странах. В России же, без государственного индикативного планирования вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. Огромное неравенство в доходах автор подтверждает следующими статистическими данными. На долю 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов – в два раза больше, чем в США, Европе, Китая, в 4 раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30 % всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше общемирового³.

Политика выравнивания доходов, по мнению многих экономистов, должна проводиться в рамках стратегии, суть которой сводится к централизации и перераспределению через государственный бюджет (главным образом в форме социальных трансфертов) ренты от природных ресурсов с целью улучшения материального благосостояния граждан. Это предполагает увеличение обслуживаемых социальных обязательств государства и наращивание социальных расходов в процентном отношении к ВВП.

Изложенная социальная стратегия предполагает, что достижение результатов вытекающей из нее политики обеспечивается не только за счет традиционных форм вмешательства государства в хозяйственную жизнь, но и благодаря поддержке

---

¹ Шаститко А., Афонцев С., Плаксин С. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 74.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/71965/>

³ Там же.

социальных программ крупным бизнесом. Предлагается также: аккумуляция в бюджете значительной части доходов от добычи экспорта природных ресурсов; реализация масштабных программ государственного перераспределения; эгалитарная, патерналистская социальная политика.

Эта стратегия представляет собой модифицированную применительно к российским условиям модель взаимодействия государства и бизнеса, сформировавшуюся во второй половине XX века в странах развитого капитализма. Она сложилась в процессе развития такой формы социально-экономической системы, которая получила название социального рыночного хозяйства, например, в Германии, и смешанной экономики в других развитых странах мира.

Способна ли Россия выйти на подобный путь развития, если ее социальная политика по-прежнему будет ориентирована на неолиберальную модель? Намерение построить социальное государство, зафиксированное в Конституции РФ, многократно подтверждено представителями российской власти. В какой мере реализуется оно на практике? «Социальная составляющая, – пишет Е.Н. Данилова, – постоянно преподносится в официальной риторике как основная в политике государства; делаются ссылки на то, что государство по Конституции остается социальным. Однако в реальности социальная поддержка во многом имитируется, население получает лишь небольшое увеличение пенсий и пособий, а львиная доля идет на поддержание госкомпаний. Социальные расходы за годы реформ упали, даже в последние годы повышение социальных выплат не дотягивает в сумме до той доли бюджета, что существуют в странах социального обеспечения»¹.

Проблемы неравенства придется все же решать, ибо они обострены до такой степени, что угрожают социальным взрывом. Только лишь популистской риторикой невозможно погасить недовольство масс, обеспечить общественное согласие. Обездоленные слои населения перестают идентифицировать себя с государством. Ослабляется гражданская солидарность. Сплоченность общества должна базироваться на постоянной деятельности демократических институтов, а не на пропагандистских кампаниях, организуемых властью в периоды

---

¹ Данилова Е.Н. Указ. соч. – С. 22.

обострения международной обстановки и направленных против внешних угроз (терроризм, антироссийские санкции и т.п.).

Недоверие российских граждан вызывает, прежде всего, социальная политика государства, являя, неубедительная, ненадежная. По данным социологических опросов, в 2013 г. 68 % граждан не верят в возможность установления в стране социальной справедливости; 65 % не верят в социальную защищенность, 68 % – в равенство всех перед законом, 72 % – в равенство возможностей, 76 % – в благополучие для всех¹.

Цифры являются весьма тревожными. Власть, сознающая свою ответственность перед обществом, не может не принимать их во внимание. Социальная политика, если таковая вообще проводится, должна быть направлена не на создание тепличной социально-экономической среды для крупного бизнеса, а на создание благоприятных условий для снижения уровня общественных неравенств.

1.3. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: МАРШРУТОМ ЧЕРЕЗ АВТОРИТАРИЗМ?

Едва ли не единственным направлением постсоветских преобразований, совпадающим с процессом модернизации, так сказать, «усредненной» западной модели, явилась демократизация, которая по ряду признаков (идеологический плюрализм, многопартийность, свобода слова и т.п.) стала в той или иной форме и степени фактом общественной жизни в России и ряде других стран СНГ. Демократия здесь еще не стала образом жизни общества. До этого далеко. На это в западных странах ушли века. Возможно, в современных условиях в России демократический транзит будет происходить более быстрыми темпами.

Пока же, возникшие институты и процедуры демократии действуют почти везде с изъятиями, попятными движениями столь существенными, что заставляют усомниться в ее подлинности. Но мнимость, симулятивность могут быть необходимыми предпосылками реальных преобразований, в том

---

¹ См.: Горшков М.К. Указ. соч. – С. 30.

числе и связанных с демократическими переменами, каковые, хотя бы иногда и в фарсовом виде, имеют место быть на постсоветских просторах. Человек может усвоить нормы демократического поведения и в виртуальном мире, следуя им затем в мире реальном. Он там, в зазеркалье, за интернетным экраном учится быть демократом. Там, если не здесь, может возникнуть образ гражданского общества, которое в ходе неких эманаций реализуется и в реальном мире. Почему бы и нет, если иначе не получается?

Отвергнув «социалистическую демократию» и иные базовые советские ценности, правящая элита новой России не выдвинула убедительную модель демократизации, предлагая ее западные образцы, неуклюже приспособленные к традиционным ценностям, включая и некоторые из тех – равенство, справедливость, патриотизм, – которые прокламировались советской властью. В ход шло все, что представлялось привлекательным постсоветским лидерам, политические убеждения и вкусы которых формировались «единственно верной» государственной идеологией, демонстрируют и сегодня отмеченные авторитаризмом методы утверждения новых демократических ценностей.

Отмечая названные особенности демократизации в России, политолог Е.Б. Шестопал пишет: «построенная методом «тыка» система демократических ценностей транслировалась и продолжает транслироваться от элиты к массовому сознанию в чрезвычайно путанной и неясной форме... При этом ни одна политическая сила (ни левые, ни правые, ни правящая элита в целом) не выстроили непротиворечивую и внятную идеологическую конструкцию, которая могла бы стать основой национальной стратегии. Очередь до этой задачи дошла только в начале третьего президентского срока В.В. Путина»¹.

Симптомы такого рода трансформаций угадываются в суете текущей политической жизни. Прошедшие в последние годы парламентские и президентские выборы в России, иные политические события, новые пакеты реформ обнаруживают поворот правящих элит от выморочных проблем к реальным, что

---

¹ Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического прогресса и стратегия развития страны // ПОЛИС. – 2014. – № 2. – С. 62.

стимулируется экономическим кризисом, не признать наличие которого не удалось (а очень хотелось).

Каков тренд? Вроде бы пытаемся более рационально, адекватно требованиям времени идти туда, откуда отправились на поиски нового мира. Таков процесс демократизации постсоветского общества. Чем он обернется в конечном счете? Какие политические ориентации примет? Обоснована ли сама постановка этих и вытекающих из них проблем? На эти и любые другие вопросы, значимые для демократического общества, дают альтернативные ответы конкурирующие между собой политические партии.

Но где они такие партии? В России все еще не сложилась партийная система, способная стать эффективным фактором демократизации общества. Та партсистема, которая возникла в 90-е гг. XX века, давно разложилась: фактически приручена или затоптана оппозиция, левая и правая, – правящей партией. Единая Россия, превратившаяся в карикатурное подобие КПСС, выполняет роль приводного ремня исполнительной власти. Здесь во многом коренятся причины нестабильности политической ситуации в стране.

Происходящая в России социальная диверсификация постсоветского общества изменяет его структуры как в вертикальном, так и в горизонтальном измерениях. Былые классы стратифицируются на группы, отличающиеся друг от друга не только по социальному положению, но и по иным признакам, зачастую оказывающим решающее влияние на их политические ориентации и поведение, – региональные, этнические, профессиональные, конфессиональные и т.п. Радикально преобразились насажденные на вертикаль элитарные прослойки: в функциональном плане – путем нелегитимного присвоения собственности на вновь поделенное общественное богатство; в институциональном отношении – от номенклатурно зафиксированной иерархии к аппаратно-клановой олигархии на республиканском и региональных уровнях.

Постсоветские элиты, соединив в своих руках власть и собственность, рассредоточились после распада СССР в олигархические структуры национальных республик. Собственно, только лишь этот слой, разбавленный представителями теневого капитала, криминалитета, сервильной интеллигенции и т.п.

групп, получил крупные преимущества в ходе «перестройки» и последующих перемен. Социальные перестановки затронули, прежде всего, верхние этажи властной пирамиды; кардинальных преобразований она не претерпела. В целом же, по данным социологических опросов более 70 % представителей современной политической и свыше 60 % бизнес-элиты России – выходцы из рядов советской номенклатуры. Местных элит перемен коснулись еще слабее: подавляющее большинство региональных руководителей вышло из партийно-советских или управленческо-хозяйственных функционеров.

С другой стороны, и «низы» остались там же, где и были, опустившись, правда, еще ниже. Их политическое сознание, по тем же опросам, осталось советским. Во всяком случае, в России и тех странах СНГ, где таким опросам можно доверять, свыше половины опрошенных испытывают ностальгию по советскому прошлому. «Верхи» не могут не учитывать это, если хотят остаться наверху. Поэтому сдают назад даже в тех областях общественно-политической жизни, где перемены носили, безусловно, прогрессивный характер, восстанавливая авторитарные способы и формы правления.

Правящий режим, соединив в своих руках власть и ответственность, к концу 90-х гг. XX века, перевоплотился в авторитарно-олигархическую систему, представленную крупным капиталом, силовыми структурами, коррумпированной бюрократией, криминалитетом и связанными с ними политическими образованиями.

Социальное неравенство является основной причиной авторитаризма, который призван смягчать социальные противоречия, контролировать их, а если они вызывают массовые антиправительственные выступления подавлять последние насильственными способами. История постсоветской России, Украины и других стран СНГ дает множество примеров подобного рода.

Формирующиеся в постсоветской России политические учреждения объективно служат воспроизводству авторитаризма. Данный феномен, конечно, может быть назван «демократическим авторитаризмом» или «авторитарный демократизм». Не столь важно. Мы ведь привыкли жить по понятиям.

В России реализация авторитаристских проектов обычно происходит наискосок, зачастую вопреки их целевым установ-

кам. Общество все еще далеко от политической стабильности. Конфликтогенные процессы разложения продолжаются, сохраняя инерцию первого десятилетия постсоветских перемен.

Демократический выход из этого положения фактически заперт на обозримое будущее либерал-реформаторами (или мимикрирующими под них политиками), которые по прихоти судьбы, оказавшись при власти, своей некомпетентной политикой скомпрометировали саму идею демократии как ключ к решению социально-политических проблем.

Остается другой путь, к которому, судя по всему, влечется Россия: усиление уже институционированных в стране авторитарных структур власти, что, как это ни прискорбно признавать, только и способно, видимо, спасти общество от дальнейшей деградации. К такому же выводу приходит даже такой убежденный адепт либерал-реформизма, как известный экономист Е.Г. Ясин. «Лучшим вариантом, – утверждает он, – была бы активная реформаторская политика авторитарного режима до начала демократизации»¹.

А разве не авторитарными методами были проведены первые демократические реформы? С тех пор (с конца 1980-х годов) демократический транзит стал реальным фактом общественно-политической жизни в России. Правда, его влияние неравномерно и непостоянно. Развивающиеся институты и процедуры демократии отмечены существенными недостатками, вызываемыми, как правило, произволом власти. Во всяком случае, демократизация в России не вполне адекватна классической модели западной демократии, в соответствии с которой либерал-демократы пытались перестроить советскую политическую систему.

А собирается ли теперь руководство страны проводить системную модернизацию по европейским образцам? Весьма сомнительно. Эти образцы предполагают установление реальной демократии, политическую конкуренцию и свободную от произвола бюрократии экономику. Деклараций по этому поводу много, но к ним по сути дела и сводятся благие намерения правящих элит, которые, по словам Ю.Д. Гранина, «больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющую асимметричную РФ.

---

¹ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. – М., 2005. – С. 66.

Последняя, действительно, до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов... Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм, был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки»¹.

В XX веке эта модель действительно весьма широко и успешно была реализована во многих странах. К началу текущего века более ста стран самых различных уровней социально-экономического развития так или иначе установили политические режимы по образцу западной демократии. Однако затем последовал ее кризис. Далеко не все постсоциалистические страны смогли освоить на практике западную модель демократии. В азиатских республиках бывшего СССР тоталитаризм сменился авторитаристскими режимами. Авторитаризм заметное влияние оказал на политические трансформации в России.

В некоторых постсоветских республиках процесс демократизации был изуродован подъемом радикал-национализма. Крайние, близкие к нацизму формы он принял на Украине. Там с начала 2014 г. на националистической почве происходят массовые погромы, убийства, травля инакомыслящих. Крайний национализм стал официальной идеологией киевского режима, который развернул массовые репрессии против мирного населения Донбасса, Киевские националисты развернули массовые репрессии на Донбассе, где от авиабомбежек и артиллерийских обстрелов погибли тысячи людей и превращены в руины целые кварталы городов и поселков.

Националистические организации Украины выступают как ревнители национальной идеи, «неуничтожимой и бессмертной», «заложенной Богом-Творцом в эволюцию человечества». Крупнейшие из них Организация Украинских Националистов (ОУН) и Конгресс Украинских Националистов (КУН), да и киевский режим в целом исходят из политических идей вскормленного фашизмом С. Бандеры – «великого наследника и воплоителя идей украинского национализма». Конечная цель этих идей – создание сильного унитарного государства,

---

¹ Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 21.

некой славянской империи, основанной на принципах великодержавного гегемонизма¹.

В ходу и тема жизненного пространства. Так депутат Рады, лидер Радикальной партии О. Ляшко опубликовал в киевской печати карту, на которой «великая Украина» простирается от Польши на западе до Волги на востоке и от Беларуси на севере до Терека на юге².

Организации, подобные упомянутым, действуют во многих странах. Национализм может превратиться в чрезвычайно активную область общественного сознания. А в определенных условиях он становится решающим фактором влияния на идеологию и поведение различных социальных групп и политических партий. Западная демократия относится к этому с должной политкорректностью. В последнее время представители националистов были избраны депутатами в парламенты и местные органы власти в Австрии, Франции, Швеции и ряде других стран, в Европейский парламент. Кстати, нацистская партия в Германии пришла к власти в 1933 г. используя демократические институты, – в результате всеобщих выборов.

Политические перевороты в Египте, Ливии, на Украине, как и другие «цветные революции» отнюдь не привели к торжеству демократии. В самих западных странах массовый электорат все более пассивно относится к участию в демократических процедурах. Падает явка избирателей на выборах – на 10 % в 49 демократических странах с начала 80-х гг. прошлого века. Затянувшийся экономический кризис стимулировал упадок веры европейцев и американцев в социальные возможности демократии. Отмечая это, газета «Ведомости» в редакционной статье пишет: «В то же время уверенный экономический рост Китая дал понять, что недемократические модели развития могут быть эффективными. Задача действующих демократий – борьба с представлением о том, что победа на выборах дает карт-бланш большинству, и создание новых возможностей для выражения политических предпочтений граждан»³.

---

¹ См.: *Евзеров Р.Я.* Украинская национальная идея // Национальная идея. Страны народы, социумы. – М.: Наука, 2007. – С. 88, 89.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://telegraf.com.ua/fales/2013/04/Lyashko>

³ *Ведомости.* – 2014. – 31 марта.

Не все ладно с демократическими правами и свободами в постсоветской России. Это подтвердили массовые протесты против фальсификации выборов в 2011 – 2012 гг. Режим защищается. Инстинкт самосохранения действует испытанным прошлым способом. Инициирована и принята на федеральном и региональных уровнях целая серия запретительных правоустановлений. Не курить. Не сквернословить. Не кощунствовать. На митингах не буяннить и прочие запреты, вполне благонамеренные, но первостепенно ли актуальные для страны, перегруженной острыми социальными проблемами и опутанной сетями повсеместной коррупции. «Законобесие» (Екатерина II)? Да нет. К чему демонизировать правотворцев. Скорей, законоблудие.

За постсоветский период Госдума ФС РФ приняла тысячи законов, многие, если не большинство, из которых мелкотравчатые и пустопорожни, либо заведомо неисполнимы. «Законодательная деятельность нынешней Государственной думы, – пишет в редакционной статье газета «Ведомости», – отчасти напоминает эпоху промышленного переворота. Законотворчество перестает быть сферой ручного труда профессионалов и все больше похоже на конвейерное производство, где каждый выполняет только предписанные ему манипуляции с поступившим законопроектом». Далее газета сообщает, что депутаты этого созыва, по данным автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности, внесли за два года 1353 законопроекта – примерно половина от 2850 новелл, которая рассматривала нижняя палата парламента¹.

Все ли они отвечают насущным потребностям жизни общества? Весьма сомнительно. Что случилось, например, с такими важнейшими правовыми актами, как законы о здравоохранении, пенсионном обеспечении, образовании, местном самоуправлении, судопроизводстве и рядом других парламентских установлений, направленных на решение коренных проблем жизнедеятельности российских граждан? По сути дела, едва ли не каждый из них не привел к тем позитивным результатам, на которые был рассчитан.

Почему? Вопрос упирается в присущие авторитаризму свойства – централизация личной власти, командное управле-

---

¹ Ведомости. – 2014. – 10 фев.

ние, снижение роли представительных институтов, иерархический тип руководства, установка на принудительные меры в отношениях с оппозицией. Под покровом Конституции 1993 г., легитимизирующей авторитарную власть президента, его администрация и прочие органы исполнительной власти действуют в обход парламентских установлений по своему усмотрению, учитывая или вовсе игнорируя их в соответствии с указаниями сверху. Нормальный порядок правоприменения при авторитарных режимах любой политической конструкции – репрессивной, как в Португалии при Салазаре, или либеральной, как в Великобритании при Тэтчер. В любом случае подобный порядок открывает для России путь к тоталитарному устройству государства.

А может это только кажется мнительным критикам режима? В отдельных случаях, возможно, так оно и есть. Следует, однако, признать, что демократический транзит, который, хотя бы порой и в виде миража, имеет место быть в современной России. Конкретизируя проблему, уместно сослаться на статью о «превентивной» демократии В.Л. Иноземцева в «ПОЛИСе»: «Безусловно, власть делает немало ошибок, она искусственно стимулирует поляризацию и радикализацию общества, но она действует строго в рамках избранного ею временного горизонта»¹.

Как назвать сменившие КПСС алчущих власти и денег номенклатурные звенья и не столь влиятельные поначалу группировки этно-сепаратистов и диссидентствующих либералов? Независимо от их самоидентификации новые политические организации и движения поддаются традиционной классификации по идеологическим парадигмам: либерально-демократическая, лево-социалистическая (включая коммунистическую) и националистическая (последняя зачастую несет отпечаток конфессиональных течений, особенно в регионах со значительным влиянием ислама). Общим местом в обосновании партиями различных политических оттенков своих идеологических платформ является способ, каким они определяют собственную социальную базу.

В партийных документах практически всех партий и, прежде всего, естественно, лево-социалистических, но и про-

---

¹ Иноземцев В.Л. «Превентивная» демократия. Понятие, предпосылки возникновения, шансы для России // Полис. – 2012. – № 6. – С. 101.

кремлевских и явно антикоммунистических находят отчетливое отражение попытки определить свою социальную базу, исходя из недавно еще непререкаемых марксистско-ленинских представлений о структуре общества как совокупности двух классов – рабочих и крестьян – и социальной «прослойки» – интеллигенции. Если применительно к советскому обществу такой подход был относительно – хотя бы в парадигме господствующей идеологии – оправдан, то в последующий период, когда легализовались прежде не признававшиеся и вскрылись новые социальные слои и группы, он выглядит явной нелепостью. Устойчивая социальная база партий вообще невозможна в условиях переходного состояния общества. Сама подвижность социальных процессов обрекает современный политический ландшафт на неустойчивость и беспорядочную динамику.

Между тем партии продолжают играть по старым правилам, хотя ни у одной нет того, что в традиционном смысле квалифицируется как социальная база. Как в этом плане предстают наиболее близкие по идеологии к коммунистическим идеям КПРФ и иные политические организации лево-социалистического толка?

Во-первых, к ним относятся несколько десятков объединений подобного рода, что само по себе отражает социальную и идеологическую плюралистичность политически активной части общества. Во-вторых, – и это главное, – и названные организации, и все прочие, включая некоммунистические, политически и идеологически отторгаются общественными движениями, если таковыми их считать не по тому, как они себя называют, а по тому, какую роль реально играют в жизни общества.

Так, организаторы и, по крайней мере, большинство участников забастовочных, этнических, конфессиональных и иных выступлений общественного протеста последних лет, как правило, отмежевываются от всяких политических партий, в том числе рабочих, социалистических, национал-патриотических и т.д. И экологическое, и движение обманутых вкладчиков, и прочие столь же решительно не приемлют не только руководство, но и организационное участие любых политических партий в своих выступлениях и повседневной деятельности.

Разумеется, надо принимать во внимание и несомненно присутствующий в массовом сознании и психологии антипартийный, а точнее аполитичный синдром, возникший во времена однопартийной политической системы. Одно сравнение. Если, двухпартийная система в США базируется на 30 % политически активных граждан, то многопартийная в России – всего лишь на нескольких процентах, что объясняется неразвитостью политической культуры, неспособностью масс к самоорганизации, их недоверием, даже отвращением к навязываемым партиями нормам политического поведения. Сверху это подтверждается непрерывными попытками партийных лидеров создавать всяческие блоки и объединения – правые, левые, центристские, патриотические, про- и антипрезидентские и т.д., которые всякий раз закольцовываются марксистско-ленинским понятием: «партия – наш рулевой».

Многолетние усилия правящих элит создать такую партию увенчались в 2003 г. учреждением «Единой России», провозгласившей тогда свой Манифест «Путь национального успеха». Возникла партия власти, сравнимая по влиянию на общество и государство с КПСС, которая отличается от нынешней своей эманации уровнем организованности, идеологическим догматизмом, жесткой иерархией партийной номенклатуры, строгим, без сегодняшних коррупционных вольностей, порядком распределения материальных благ и иных привилегий. В главном же – стремлении любой ценой удержать власть, сращивании с государственными структурами, неизбывной приверженности к авторитарным формам правления – они воспроизводят КПСС, генетически неотделимы от нее, являются выделившимися из нее образованиями, модифицированными постсоветской спецификой.

Критерием принадлежности к партии власти является не столько непосредственное отправление ее деятелями и структурами политических функций, сколько их положение и роль в иерархии сил, составляющих вертикаль исполнительной власти – от президента и правительства до региональных элит. В политическое поле ее деятельности вовлечены частью (во многих случаях целиком) представительные органы власти республиканского и местного уровней, которые проводят столичный курс. Партию власти формируют и финансово-

промышленные группировки, срастающиеся с политическими структурами и образующие вместе с ними неформальную олигархическую систему. Массовой такую партию делает чиновничество, заполняющее все ее клетки, а также широкая сеть организаций, фондов и иных институций, выполняющих посреднические, лоббистские, консультативные и т.п. функции. Что же касается наиболее влиятельных партий оппозиции, то они лишь имитируют противодействие властвующим элитам, помогая последним поддерживать политическое равновесие в обществе с помощью беспринципных компромиссов в верхах и социальной демагогии, амортизирующей протест масс в низах.

Развитие партий, вращение их в формирующиеся структуры власти подчиняются определенной закономерности, характерной для всех обществ переходного состояния: «По мере того как развивается процесс институционализации и возрастает мобилизационный аппарат, – отмечал французский социолог Пьер Бурдье, – на практике и в настроениях непрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов, привязывающая к себе тех, кто их занимает, всякого рода материальными и символическими интересами, в ущерб императивам стремления к достижению целей, провозглашенных аппаратом. Становится понятно, что партии могут таким образом подводиться к тому, чтобы жертвовать своей программой ради удержания власти или просто выживания»¹.

Либеральное обновление законом о партиях в 2012 г. распылило партийно-политическую систему, вернув ее к 1990–м годам, когда в стране действовало множество партий, в массе своей мелких по численности и ничтожных по влиянию. Это вообще характерно для стран переходного периода, что в свое время продемонстрировали, например, бывшие колонии при переходе к государственной независимости. В 1990 – 1999 гг. в России возникло более пяти тысяч партий и движений. Большинство из них распадалось вскоре после учредительных собраний, либо осталось в виде крошечных группировок, непонятно на какие средства и во имя чего существующих. Ситуация, похоже, повторяется.

---

¹ Бурдье П. Социология политики. – М., 1993. – С. 217.

Причем и сегодня даже относительно крупные и влиятельные партии представляют собой не унитарные организации общегосударственного масштаба, а конгломераты региональных отделений, зачастую проводящих политику, весьма отличную от той, которую отстаивают их столичные лидеры. В целом демократические, либеральные, социал-демократические, национал-патриотические, да и почти все прочие партии продвигаются к тому, с чего начинали: к малым по численности и слабым по влиянию сектам политически амбициозных деятелей, заявляющих о себе в предвыборных кампаниях столичными тусовками, которые проводятся под видом «партийных съездов». Вот они наши партии. Других у нас нет. Да и нужны ли они?

Закон о партиях 2012 г. был призван оздоровить партийную систему, упростив создание и регистрацию политических организаций. Он предполагал переход от прежней системы, ограничивающей рост численности партий, к формированию новой многопартийной системы широкой плюралистической ориентации. За первый год действия закона число зарегистрированных партий увеличилось с 7 до 64. Но среди них не оказалось ни одной, способной выдвинуться на роль лидера политической оппозиции, и привлечь массовую поддержку избирателей. Колебания партийной политики власти, делают вывод социологи П.М. Козырева и А.И. Смирнов, «свидетельствуют о том, что многопартийная система России, получившая развитие на волне радикальных преобразований конца 1980-х – начала 1990-х годов, находится в состоянии перманентного кризиса, а регулярные трансформации партийной системы, осуществляемые «сверху» с целью оптимизации и обеспечения более полного соответствия запросам общества, только мешают созданию действительно конкурентоспособных политических партий и дезориентируют избирателей»¹.

Политическое сознание российских граждан и без того травмировано нескончаемыми социальными и прочими новациями власти, нередко исключаящими друг друга. По социологическим опросам избирателей лишь половина российского электората оценивает многопартийную систему как суще-

---

¹ Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // ПОЛИС. – 2014. – № 4. – С. 27.

ственный компонент демократизации общества, как политическую структуру, отвечающую интересам большинства населения, а наличие конкуренции политических партий – как необходимое условие укрепления демократии. Те же опросы выявляют авторитаристскую тенденцию, показывающую, что россияне полагаются не столько на государственные институты и политические организации, сколько «на различные сверхъестественные, высшие силы, неких верховных, наделенных особыми и безграничными полномочия правителей, от которых они ожидают помощи и поддержки»¹.

Такое состояние массового сознания делает весьма вероятной возможность перехода при определенных обстоятельствах отдельных из существующих политических течений к широким протестным выступлениям, активному участию в свержении разложившихся верхов и т.д. Такая возможность всегда существовала в Российской империи для различных политических сил, включая крайне радикальные. Еще в начале XX века А.С. Изгоев в «Вехах» отмечал, что в периоды кризисов, массовых выступлений, любого «общественного возбуждения», крайние элементы в России «очень быстро овладевают всем, не встречая почти никакого отпора со стороны умеренных»².

По мнению С.Л. Франка, российский радикализм отнюдь не исчерпывается революционными направлениями. Напротив, «общее существо его духа было независимо от политического содержания, в которое он вкладывался», а доминировала та его разновидность, которая «всегда тяготеет к крайностям, отрицанию всяческих духовных начал, к вере в одну лишь физическую силу...»³.

Известно, что эти оценки полностью подтвердились катастрофическими для народов всей Российской империи событиями 1917 – 1921 гг. Они подтверждаются и сегодня событиями начала 2014 г. на Украине, где закономерный социальный протест масс против коррумпированного режима перерос в нацио-

---

¹ Там же. – С. 83.

² Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи. Интеллигенция в России. – 1991. – С. 207-208.

³ Франк С. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4.

налистический путч, возглавленный экстремистскими группами националистов.

В России же пока что сложившаяся на пороге XXI века структура политических партий объективно служит лишь воспроизводству тех общественных отношений – реальных и виртуальных, – которые вырастают из распавшегося социализма.

Так вот и протекает демократический транзит в России. Середина пути или около того. Споткнулись об авторитаризм. До какой демократии мы добрались? Каждому, кто пытается найти ответ, приходится, говоря ленинским слогом, «обламывать» общее понятие, называя ее «суверенной» или «превентивной», подобно тому, как не находится социально адекватного названия постсоветскому капитализму. В какую сторону будет раскручиваться спираль развития? Вперед к капитализму? Назад к социализму? Или к иному устройству, коему название еще не придумано.

ГЛАВА II.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ – СССР – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В порядке введения в дискурс по заявленной теме: в него вовлечены не только ученые, идеологи, публицисты, но и широкие круги российской общественности, зарубежные аналитики и журналисты. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления в средствах массовой информации авторов различных идейно-политических направлений. Более того, тема исторической преемственности в данном ключе стала отчетливо проявляться в заявлениях государственных деятелей и даже в законодательных актах. Примеров тому множество. Наиболее показательный – многолетняя дискуссия по проблемам новейшей истории, которая, так или иначе, затрагивается в обсуждениях проектов школьных и вузовских учебников по истории, в парламентских диспутах России, Украины, Прибалтийских и других бывших советских республик¹.

Столь широкое внимание к этим проблемам, по-видимому, объясняется переосмыслением их в общем процессе ломки прежних идеологических стереотипов, вызванной развалом Советского Союза и последующими общественными трансформациями.

Как отмечалось, Россия вновь переживает смутное время, кульминация которого, по мнению некоторых историков, еще впереди². Заклучая коллективную монографию о месте России в глобализирующемся мире, академик Д.С. Львов писал: «В последние годы мы теряем себя, осмысленный образ своего прошлого, настоящего и будущего, и уже давно пришла пора говорить о реалистических целях, способных объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода из смутного времени. При этом неизбежен разговор о перспективах, может быть и не самых близких»³.

---

¹ См.: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М.: АИРО-XXI, 2005; *Карацуба И., Курукин И., Соколов Н.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М., 2005.

² См.: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М., 2005.

³ Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки. – М.: Наука, 2004. – С. 724.

2.1. РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДИСКУРСА

Поиск перспектив, видимо, надо начинать с исторического прошлого России, когда тысячелетиями формировалась ее судьба, устойчивые тенденции и направления ее развития, а не со вчерашнего дня постсоветских реформ, уводящих перспективы страны непонятно куда, наверное, в «светлое будущее».

Способна ли современная Россия занять достойное место в глобальном мире, играть в международных процессах самостоятельную роль? Это, в конечном счете, зависит от того, смогут ли интеллектуальные, политические элиты страны выработать адекватную этим процессам идейно-политическую позицию, выражающую коренные интересы российского общества и государства. Но к решению данного вопроса не стоит и подступаться, не уяснив суть другого, более сложного – вопроса о самоидентификации.

Кто мы? Откуда мы? Куда идем? Вот главные загадки, на которые он распадается. Всякая попытка, минуя их, строить сценарии будущего России, теоретически и практически бесплодна. Как и отдельный человек, страдающий амнезией, общество, утрачивающее историческую идентичность, становится беспомощной жертвой окружающего мира, жестокого и опасного. Уместно сослаться на А. Тойнби, который отмечал, что по мере развертывания процесса решения формулы «Вызовы – Ответы», наблюдается тенденция к смещению действия из области внешнего окружения в область внутреннего». Иными словами, «критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения»¹.

Взаимодействие процесса становления глобального мира с теми общественными процессами, которые предшествуют ему или совпадают с ним по времени, сопровождается дестабилизацией и нередко распадом прежних человеческих общностей, способных оснастить индивида устойчивым набором норм, ценностей, мотивов, определяющих его отношение к социуму и тем самым – композицию его идентичности. Авторы коллективной монографии о проблемах российской идентичности на основе социологических исследований, проведенных в 2011–2012 гг., так характеризуют эту проблематику: «Современное российское

---

¹Тойнби А. Постигание истории. – М., 2003. – С. 258.

общество находится в состоянии оценки последствий советской эпохи, перехода к демократии и выбору своего пути и места в мировом сообществе. При этом выбор идет как в сферах политики, экономики, культуры, так и идеологии, в соответствии с которыми формируется пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал»¹.

Формирование нового миропорядка меняет положение человека в обществе. Главное последствие этого в замене непосредственных связей между людьми, замыкавшихся ранее в рамках локальных сообществ, безличными и функциональными, которые разрушают механизм передачи от поколения к поколению высших моральных ценностей. В своем поведении люди руководствуются уже не этими ценностями, а теми практическими задачами, которые ставит перед ними сиюминутная ситуация.

В тотально взаимосвязанном и взаимозависимом мировом сообществе макросоциальные отношения людей выходят за рамки национально-государственного пространства, в котором замыкались его связи с обществом, приобретают транснациональный характер. Как отмечает У. Бек, в этих условиях рушится структура основных принципов, на которых организовывались и жили общества и государства, представляя собой территориальные, ограниченные друг от друга единства. В результате «образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой»².

Хаос, вызываемый нарушением общего уклада мироздания в России, усугубился радикальным изменением общественного строя и обрушением Советского государства. Поблекли исторические традиции. Нарушилась связь времен. Возник переполох в массовом сознании. Шоковая терапия сломала ментальные стереотипы, окаменевшие в нем за десятилетия господства государственной идеологии, а разнородные влияния едва не привели ко всеобщему помрачению не готовых к этому

---

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2013. – С. 6.

² Бек У. Что такое глобализация. – М., 2001. – С. 45.

умов. Словом, Россию охватил хаос. Казалось, страна катится в тартарары (от древнегреческого Тартар, представленный одной из школ античной философии как бездна полного небытия, из которой нет возврата).

Глобализация опрокинула мир прямых смыслов и адекватных идентичностей, сформированных в специфических условиях отдельных государств. Возник кризис национальной идентичности, который, по словам политолога С. Кортунова, для ряда государств «приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из них уже не только означает выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратилось в вопрос выживания»¹.

В новых условиях гражданские общества размываются и дробятся на разнородные идентичности, поскольку исчезает неразрывность связи между логикой власти в условиях глобального сетевого мира и логикой формирования и влияния специфических обществ и культур. Отмечая это, Кастельс пишет: «В современную эпоху, характеризующуюся широкой деструктуризацией общественных организаций, делегитимацией политических учреждений, исчезновением прежних социальных движений и самобытных культур, поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур»².

Сохранили ли мы идентичность в этом суматошном мире? А если она изменилась, то каким образом и до какой степени? Кто мы теперь? Вопросы чрезвычайно сложные. Чтобы найти на них внятные ответы, попытаемся вступить в дискурс издавна и с той его стороны, которая отражает позицию зарубежных авторов по проблемам российской идентификации.

Еще в XVI веке немецкий авантюрист Генрих фон Штаден, служивший опричником у Ивана Грозного, характеризовал «московитов» как людей полудиких, «нехристей», предлагая германскому и шведскому монархам проекты колонизации России³.

---

¹ Кортунов С. Глобализация и национальная идентичность // Вестник аналитики. – 2007. – № 1. – С. 109.

² Castells M. La era de la informacion: economia, sociedad y cultura. – Vol. 1. – La Sociedad Red. – Madrid, 2001. – P. 53.

³ См.: Штаден Генрих фон. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л-М., 1925.

Спустя три века другой классик русофобии маркиз деКюстин, путешествовавший в XIX веке по России, резюмируя свои впечатления об «этой пустыне без покоя, этой тюрьме без отдыха» писал, что, по мнению его «очень умных и наблюдательных» знакомцев, участь ее состоит в том, чтобы «завоевать Восток и затем распасться на части»¹.

Запад никогда не принимал и не принимает идентификацию России в качестве цивилизованной державы. Всякие попытки сблизиться с ним, наладить добрососедское сотрудничество никогда не приводили к успеху. Почему? Может он нас плохо знает? «Смешны эти оправдания мудрой, как змий Европы – ее незнанием, наивностью и легковерием, точно, будто об институтке дело идет, – писал в XIX в. Н. Я. Данилевский. – Европа не знает, потому что не хочет знать; или лучше сказать знает так, как хочет, – то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению... Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в Славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации...»².

Что изменилось в отношении Запада к России за прошедшие сто с лишним лет? Стала ли новая, некоммунистическая, демократическая Россия ближе к западному, капиталистическому миру в целом? Конечно, многое изменилось. Но в сознании правящих элит Запада сохранился синдром неприятия несуразного, по их убеждению, феномена России – гигантского геополитического «монстра», которого просто не способен освоить западный мир, ибо она «лишняя» (Зб. Бжезинский), вообще «не страна, а автозаправка» (американский сенатор Дж. Маккейн). Она, по их мнению, никак не уместается в устроенный по либерально-демократическим стандартам миропорядок. Как показал украинский кризис 2014 г., это мнение разделяют прозападные элиты Украины, Молдавии, прибалтийских республик, где он поднял волну русофобии.

---

¹ Кюстин Астольф-де. Николаевская Россия. – М., 1990. – С. 147.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2002. – С. 66 – 68.

Либеральная мысль Запада не столь однозначно представляет современную Россию. Идентификация ею России двойственна, амбивалентна: перед нами янусоподобный образ страны, один лик которого выражает зло, дьявольское начало, другой – начало благолепное, привлекательное. С одной стороны, она воспринимается как великая культурная держава, исторически связанная с европейской цивилизацией, с другой – как агрессивная держава, враждебная западной демократии.

Беда в том, что, когда идентификаторами выступают политические лидеры Запада, Россия, как правило, видится им только со второй, демонической ипостаси. Похоже, в их сознании укоренился синдром ампутированной ноги: ноги нет, а она все еще болит. В нашем случае это фантомный страх перед фантомным противником, сохранившийся со времен «холодной» войны.

Велика ли беда? Невелика, но вполне осязаема. Страх и недоверие все еще во многом ориентируют реальную политику Запада в отношении России. Но не наоборот ли обстоит дело? Сошлемся на авторитет А. Тойнби. Отмечая, что на Западе бытует понятие о России как агрессоре, он писал: «Хроники вековой борьбы... отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот»¹.

В то же время и в самой России находится немало идеологов и политиков, заимствующих скроенную за рубежом модель российской идентичности, либо самостийно создающих из былых страхов и комплексов фантомный образ врага. Такого рода представления органичны для общей идейно-политической ситуации и состояния массового сознания в стране. В этой обстановке прежние идентичности сменились на симулякры и фикции, выступающие под видом новых идентичностей. Это закономерно для радикального переустройства общества, когда характер текущих изменений приобретает кризисность, бифуркационность, поток событий прерывается внезапными катаклизмами, когда ломаются привычные уклады жизни, когда реформы дают результаты, обратные задуманным.

Общество впадает в пограничное состояние, в котором грани между миром реальным и воображаемым размываются, а то и вовсе исчезают. Речь идет не просто об одном из абсурдов

---

¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – С. 106–107.

жизни реформирующегося общества. Перед нами существенный феномен, уже давно ставший объектом серьезных исследований политической социологии. Известный политолог М.В. Ильин определяет этот феномен как «остентативность» (от англ. ostentation – «показушность» в несколько вольном переводе – Ю.О.), которая в нескончаемо «перестраивающемся» обществе становится «в полном смысле образом жизни и способом выживания». Причем отдельные институты функционируют «как если бы они были иными». Без такого «притворства» и «оборотничества», пишет ученый, невозможно развитие. «При этом то, что внешне выглядит как вульгарный обман и самообман («потемкинские деревни»), на практике поддается рационализации и превращается в основу особого способа существования»¹.

Социум погружается в эзотерический омут, где перемешаны тайное с явным, подлинное с мнимым, где реальные вещи и явления неотличимы от их имитаций, от их ложных либо искаженных идентичностей. В современной России, к примеру, открытая, легитимная экономика столь тесно переплетена с подпольной, незаконной, что их почти невозможно отличить друг от друга. Какую же из них идентифицировать как национальную?

А крупный бизнес? Чтобы он, бизнес, обрел российскую идентичность, стал отличимым от зарубежного, его стали определять как «дикий» или «бандитский». Отечественная идентичность демократии также корректируется, выступая в виде демократии «суверенной» или «либеральной». А наши партии? Хотя их идентичность в качестве политических организаций и удостоверяется Минюстом, большинство из них в действительности представлена случайными группировками, объединенными частными интересами. Налицо контрафакты, подобные тем вещам с ярлыками известных европейских брендов, которые изготавливаются мигрантами в подпольных цехах. Видимо, есть спрос на политическом рынке России идентичностей и их суррогатов. Кто же делает бизнес на этом рынке?

Сперва от либералов. По их убеждению, Россия была и остается врагом западной демократии. Для них «совок» – это не только советская, но и современная российская идентичность, которая-де слишком много удерживает от недавнего прошлого.

---

¹ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. – М., 1995. – С. 64.

Речь тут, в сущности, идет о сохранении, сбережении России как общества, государства, народа. По мнению автора, необходимо преодолеть, прежде всего, разорванность исторического сознания, вызванного в российском обществе доморощенной идеологией антикоммунизма, адепты которой с упоением клянут и очерняют советское прошлое, которое, собственно, их и породило. Как решается ими проблема идентификации советского общества? Ключ к данному вопросу и содержит жаргонный концепт антисоветизма «совок». Он снимает задачу поиска смыслов. Одним лексическим плевком обозначается все советское. Это и советский человек – существо убогое, безродное, раболопное. Это и само общество, которое и не общество в «цивилизованном» понимании, а так, нечто вне-социальное и внеисторическое. Это и образ жизни, унижительный для человека. Это и государство – уродливый продукт «единства партии и народа». Словом, нечто маразматическое, обреченное на жалкую участь. Таковы ли мы?

Идеологические вирусы, размноженные СМИ, потоком публицистических и околонаучных публикаций, призваны исковеркать общественное сознание. Недостаточно ли и внешних русофобских воздействий на российских граждан?

Но если не «совок», то что же? По мнению либералов, разумеется, демократия, скроенная по западному лекалу. Но ведь сами апологеты этой модели утверждают, что она непригодна для реализации в современной России, что для этого страну следовало бы разделить на отдельные независимые государства. Возникает дилемма: либо великая держава, либо произвольная совокупность разделенных государственными границами страна. Она не поддается паллиативному решению. Тут либо-либо. Какой выбор сделает Россия?

Будущее покажет. Сегодня же ясно, что путинская установка на усиление «духовных скреп», объединяющих российское общество, связующих исторические традиции и современность, не устраивает либералов, которые относят ее к отжившим формам миропонимания.

Нам не нужно подлаживаться под чужеродную идентичность. По определению академика Ю.С. Пивоварова, мы образуем пронизанное противоречиями единую социально-историческую общность: «Все у нас едино, а потому – всеедин-

ство. Церковь, государство, народ, интеллигенция, идеология, мысль, «Мы – мирозерцание», Советы как сверхиндивидуальная демократия, партия (и «нового типа», и «партия власти»). Все диффузирует друг в друга, перетекает из одного в другое и в третье и обратно, все в постоянной смуте и хаосе, подмораживание сменяется оттепелью, перестройка застоєм, ускорение реакцией, лысый правитель обязательно уступает место волосатому, и наоборот, каждая эпоха отрицает предыдущую и этим отрицанием продолжает железную историческую последовательность, все одновременно западники и славянофилы, патриоты и космополиты, моральные проповедники и циники, верующие и атеисты...»¹.

Такое всеединство, которое выражает «единство единого, противоположного, антагонистического, хаотического, кристаллического, высокого, низкого, общего, личного, жизни, смерти, земли, неба», совершенно чуждо либеральной трактовке российской идентичности, одномерной, статичной, отдающей нетерпимостью к несовпадающим с ней взглядам. Постсоветские либералы не приемлют диалектику преемственности в социально-историческом процессе.

К примеру, профессор В.И. Михайленко, пишет: «Сойдя с либеральных рельсов, Россия утратила стратегическую инициативу. Комплекс идей, предлагаемых современной правящей элитой и для современной правящей элиты черпает свои ресурсы в феодально-имперско-советском прошлом. Одно дело использовать историческую мифологию для развития исторического самосознания народа и обоснования исторической общности. И совсем иное дело опираться на архаичные идеи, итогом реализации которых станет «откат» к социализму, политическому, экономическому и духовному порядку прошлого»².

Не вступая в дискуссию с автором по затронутым им вопросам, обратим внимание его единомышленников лишь на одно: есть ли у них основания считать либеральными те ре-

---

¹ Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 137.

² Михайленко В.И. Россия – не СССР: о ценностных основах консолидации российского общества // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – С. 298.

формы, которые были проведены в 90-е гг. XX века? Ведь, кроме эпитета, эти реформы ничего общего не имеют с гуманистическими принципами и западного, и дореволюционного российского либерализма. А вот с левыми коммунистами (как было показано ранее) по экстремизму, авантюризму – сходство очевидное. Россия, если и пыталась переходить на «либеральные рельсы», то разве что в ходе реформ 60-х гг. XIX века и Февральской революции 1917 г.

Антисоветский переворот начала 90-х гг. прошлого столетия и последовавшие реформы нелепо называть «либеральным», если, разумеется, не считать либеральными последствия: всестороннюю деградацию общества и реальную угрозу распада страны. «Свершившаяся в России перестройка, – пишет политолог В.И. Якунин, – показала, как дорого могут обойтись для геополитической мощи и статуса державы установки на полный отказ от своей исторической и цивилизационной идентичности во всех сферах жизни страны: в ценностном, идеологическом, экономическом, социальном, государственном устройстве. Если Россия не найдет в себе силы извлечь уроки последнего десятилетия и не возьмется выправить свою историческую траекторию, то самый вероятный вариант ее политической судьбы незавиден – вторичная роль сателлитного государства в связке Европа – Россия или (и) Китай – Россия»¹.

Еще одно последствие «либеральных» реформ: отторжение народом навязываемых ему заемных ценностей западной демократии. Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, верховный хранитель демократических прав и свобод в России, выступая на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации», заявил: «Священное слово “демократия” можно извратить до такой степени, что в народе его будут употреблять не иначе как “дерьмократия”. Но народный язык, язык улицы не возникает на пустом месте. Чтобы до такой степени произошло лингвистическое превращение, народ надо было очень сильно обидеть. Причем обидеть под флагом “демократии”! Надо было так исказить все смыслы социальной справедливости, надо было так утопить народ в кор-

---

¹ Якунин В.И. Политическая тектоника современного мира // ПОЛИС. – 2013. – № 4. – С. 30.

рупции и бандитизме. Надо было пойти на расстрел своего – российского Парламента – символа демократии. Все это и многое другое вызвало у народа такую ненависть к этому изначально чистому понятию. И теперь потребуются много труда, чтобы вновь вернуть словосочетанию “демократия в России” его достойное место»¹.

«Либеральными» реформами в области образования обрекаются на историческое беспамятство молодые поколения. Американский публицист Доминик Вестуотер констатирует: «Чиновники, возглавляющие систему образования, видимо, не беспокоятся, что ребята не знают истории своей страны. Из российской прессы я даже узнал, что последние реформы в этой области вообще должны свести на нет преподавание этого предмета. В результате такое некогда могучее государство, как Россия, распалось на сто с лишним империй карликов – по числу жителей. А ведь это грозит стране реальным распадом на отдельные княжества областного масштаба. Для меня остается загадкой, почему федеральная власть не предпринимает ничего для исправления этой ситуации»².

Здесь не место отвечать на этот вопрос. Мы лишь фиксируем известное явление. Оно, разумеется, возникло не случайно, а было целенаправленно подготовлено тем направлением постсоветской идеологии либерализма, которое замкнулось на догмах антикоммунизма и в 90-е гг. прошлого века приобрело решающее влияние на политику возникшего тогда режима.

Теперь о тех фигурантах политического рынка, которых Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. назвал «так называемыми русскими националистами». Для них, как и для либералов, неприемлем не только советский строй, но и нынешний режим. Русский национализм многолик.

Это убедительно показали Э.А. Паин и С.А. Простаков в статье, основанной на анализе результатов большого коллективного исследования с участием авторов в 2012 – 2014 гг. Оно сфокусировано на кристаллизации идейно-политических течений в постсоветском национализме, проявляющихся в Рунете, который охватывает сегодня почти 60 % взрослого населения

---

¹ Цит. по: Российская газета. – 2006. – 6 сент.

² Политический журнал. – 2006. – № 15. – С. 96.

России. Отмечая оппозиционную направленность политических умонастроений националистов, авторы пишут: «В конце 2000-х появились признаки того, что совокупность разрозненных протестных настроений в среде русского национализма сливается в некий единый поток, на базе которого зарождается новая для России разновидность национализма – “национал-демократия”, противостоящая традиционной и основной ветви русского национализма – “национал-имперской”, которую иногда называют иначе “национал-патриотической”»¹.

Идеологи традиционного национализма предвещают неизбежную гибель «россиянского режима», когда, по словам В.Н. Севостьянова, «его антирусская сущность станет окончательно всем ясна, а ценности национализма приживутся в массах, перейдут из разряда инстинкта и эмоций в разряд само собой разумеющихся идеологем»².

Представитель другой ветви национализма, «национал-патриот» И.Б. Чубайс мало чем отличается в трактовке российской истории от «традиционалистов». Категорически отрицая ее советский период как закономерный этап развития российского общества, в своей книге под характерным названием «Разгаданная Россия (что же будет с Родиной и нами)» он обосновывает с «позиций патриотизма» («иммунной системы общества») идею о том, что историческая Россия выстраивалась на системе ценностей, включавшей «три фундаментальных начала» – правослабие, собирание земель и общинный коллективизм, составляющих суть «русской идеи». По его убеждению, революционные события 1917 г. означали «разрыв России с собственными корнями, который вызвал глубочайший раскол общества, на чем, собственно, и завершилась российская история, возродить которую – задача нынешних русских патриотов»³.

Какие перспективы сулят националистические проекты переустройства российского общества? Самые мрачные: взрыв национализма малых наций, регионального сепаратизма и, в

---

¹ Паун Э.А., Простаков С.А. Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010-2014 гг.) // ПОЛИС. – 2014. – № 4. – С. 101.

² Севостьянов А.Н. «Россия для русских!» Третья сила: русский национализм на авансцене истории. – М., 2006. – С. 23.

³ См.: Чубайс И.Б. Разгаданная Россия («что же будет с Родиной и нами»). – 2-е изд., испр. – М., 2005. – С. 86.

конечном счете, развал Российской Федерации. Утешает утопизм проектов: их реализация немыслима в стране, где веками тесно сожительствовали на одной территории сотни этносов с дисперсно-рассеянной государствообразующей русской нацией, чуждой этническому национализму.

Важно в этом плане учитывать следующие обстоятельства, на которые указывает известный социолог Л.М. Дробижева: «Демократическое государство России предстояло строить на территории с громадным разнообразием культур населяющих ее народов. И если в целом посттоталитарное Российское общество представляет вариант демократизации, то одним из существенных проявлений этой вариантности является способ ответить на этнический вызов, взрыв национальных, этнических чувств народов, надеявшихся в новых условиях получить возможность для удовлетворения их интересов»¹.

Устроенная по националистическим проектам, Россия скорее всего окажется аморфным государственным образованием в границах Московского княжества, не исключено, что под управлением «инородцев». По сути, националисты ставят перед российской идентичностью ту же дилемму, что и либералы. Кстати, и те, и другие нередко демонстрируют общность своих позиций по ряду проблем противостояния режиму. Либералы вместе с националистами участвуют в русских маршах, а, например, один из идеологов «нового национализма» К. Крылов заявляет, что «национализм и демократия – это практически одно и то же»².

Как трактует проблемы российской идентичности отечественная научная мысль России? Отмечая, что «позитивные объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать», Л.М. Дробижева пишет: «Когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизации».

---

¹ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М., 2013. – С. 88.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>

онном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности... Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям»¹.

Всякая идеология нежизнеспособна, если она не основывается на базовых ценностях, отторгается обществом, если хотя бы не отражает их. Но сохраняются ли (и в какой мере) советские ценности в сознании, психологии постсоветского человека?

Приведем некоторые результаты репрезентативных опросов населения РФ, проводившихся в постсоветские годы. Весьма показательны, например, данные об идеологических предпочтениях опрошенных россиян, полученные в ходе крупномасштабного всероссийского исследования «Русская самотождественность и новые ценности». 72 % из них не согласны с утверждением, будто «в истории СССР найдется мало того, чем можно гордиться»; для 64,8 % характерно ощущение причастности к общему делу; 73,3% идентифицируют себя с великим народом².

Характерны и проводившиеся ВЦИОМ по общероссийской выборке опросы по программе «Советский человек». Социолог Ю.А.Левада, обобщая эти данные, констатировал, что изменения последних лет «на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностном нормативном строе социальной жизни». Исследователи рассматривают «сформированный прошлой эпохой феномен в ме-

---

¹ Дробизжева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. - Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: ИС РАН, 2006. – С. 28-29.

² См.: Вестник Российской Академии наук. – 2009. – № 4, 8.

няющихся общественных условиях как лабильный, адаптирующийся и благодаря этому в высшей степени устойчивый. Поэтому мы можем сейчас говорить о судьбе характеристик «человека советского» в постсоветских условиях»¹.

Социологические исследования показывают, что большинство российских граждан живет не в соответствии с навязываемыми новым социальным порядком, электронными и прочими СМИ нормами. Они позиционируют себя в том ментальном, нравственном пространстве, которое сами же продолжают воспроизводить согласно нормативно-ценностным представлениям, сложившимся в обществе до постсоветских перемен.

Наблюдается процесс восстановления единства исторического сознания общества. Академик М.К. Горшков пишет: «В целом распределение мнений по ключевым событиям и периодам истории XX века позволяет утверждать, что историческое самосознание россиян не обнаруживает той тенденции к фрагментации, которая была характерна для ситуации идейно-политического раскола в российском обществе в начале 1990-х годов»².

Пришло ли время отрезвления? Настала ли пора восстанавливать связь времен? Как сказать. Независимой, идеологически не ангажированной мысли все еще малодоступны сферы реального влияния на общество.

Российская идентичность обращается в фикцию, если отделить ее от советской эпохи, которая обеспечивает идентификационную преемственность в истории России. Только дискурс, сконцентрированный на реальной действительности, конкретном историческом опыте, может привести к объективным выводам. Из такого подхода и соответствующих ему критериев, общепринятых в исторической науке, неизбежно следует аксиома: Россия обречена быть великой державой. Иного ей не дано. Она сохранит свою идентичность, останется сама собой только в этом качестве и в этой роли. Другая – станет не Россией.

---

¹ Левада Ю.А. Человек советский: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения // Вестник общественного мнения. – 2003. – № 1 (67). – Сентябрь-октябрь. – С. 8.

² Горшков М.К. Российское общество ... С.77.

2.2. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Важнейшей предпосылкой возрождения и усвоения традиционных духовных ценностей является формирование консолидирующей, интегративной идеологии, которую нередко отождествляют с национальной идеей.

Такая идеология всегда стихийно вызревает в массах. Первоначально в виде социальных инстинктов, неосознанных позывов, стимулируемых теми или иными историческими обстоятельствами, и лишь затем улавливается, формулируется и внедряется в массовое сознание профессиональными идеологами в качестве известных установок, ориентирующих на определенное политическое поведение. Вне этой обратной связи всякая идея, претендующая на звание «национальной», оборачивается либо идеологической выморочкой, либо, в лучшем случае, иницирует некие умозрительные концепции в узких кругах националистически настроенных интеллектуальных элит.

Первый случай убедительно демонстрирует запущенная верховной властью в идеологический оборот в XIX веке известная формула «самодержавие, православие, народность», несостоятельность которой показали не только совершенные «низами» революционные встряски России, но и фактическое отречение от заключенных в ней принципов в критические моменты российской истории «верхов» – правящих классов, включая кичившееся своей сословной честью дворянство.

Весьма показателен и второй, облагороженный высоким интеллектом и благими намерениями, пример: интенсивная разработка в течение многих десятилетий целой плеядой блестящих мыслителей России «русской идеи», каковая, по В. Соловьеву, «выявляет себя в своей глубочайшей изоморфности Божественную первосущность»; по Н. Бердяеву, является «мессианской идеей Царства Божьего», индетерминированной формой прорыва имманентной замкнутости мира, «окном в трансцендентное»; по П. Флоренскому, идеей общежития, «как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, назовется ли она по-гречески кинови-ей, или по-латыни – коммунизмом».

В последние годы возникла обширная литература, посвященная этим проблемам, переизданы старые и опубликованы новые труды, содержащие их многосторонний анализ¹.

Но эта идея осталась невостребованной общественным сознанием, так и не выйдя за ограниченные пределы интеллектуально-мистических медитаций и не повлияв сколько-нибудь заметно на развитие российского общества.

Нет в мире страны и народа, которые не обладали бы своей национальной идеей, отражающей коренные интересы данной общности. При этом, однако, та своего рода политическая философия жизни, которая на протяжении столетий вдохновляет развитие каждой нации, не обязательно называется «национальной идеей». В действительности национальная идея отнюдь не всегда существует как некая официальная доктрина. В поисках ее мыслители, политики, идеологи обычно сводят дело к выявлению в истории, менталитете, культуре нации набора объединяющих ее ценностей, извлечению из глубин общественного сознания принципов, лежащих в основе национальных интересов. Естественно, у каждой страны и народа этот набор ценностей и принципов посвоему уникален.

Но можно выделить и определенные общие свойства. Крупным европейским державам (Франции, Германии, Великобритании), например, присуща тесная взаимосвязь роли государства как гаранта внешней безопасности и величия нации с ее внутренним единством. В государствах, где почти все население составляют иммигранты в том или ином поколении (США, Канада, Австралия, Израиль), особенно остро ощущается инстинктивное стремление сплотиться воедино под знаменем патриотизма.

Особенностью целого ряда стран является яркая политико-идеологическая окраска национальной идеи, которая в известных ситуациях не объединяет, а раскалывает народы, по-

---

¹ См., например: Русская идея. – М., 1992; *Троицкий Е.С.* Возрождение Русской идеи. – М., 1995; *Чубайс И.Б.* От Русской идеи – к идее Новой России. – М., 1996; *Осинов Г.В.* Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. – М., 1997; Россия в поисках идеи. – М., 1997; Русский космизм. – М., 1998; *Максимов А.В.* О национальной государственной идее России. – М., 2000; *Зиновьев А.* Русская трагедия. – М., 2006 и др.

скольку в разные периоды истории патриотическое знамя поднимают друг против друга самые различные политические силы. В этих случаях национальная идея становится не основой общественного консенсуса, а полем идеологического соперничества, где под знаменем патриотизма выступают враждебные политические силы.

Многочисленные примеры такого рода дает история постсоветской России. После крушения социализма государственная идеология, игравшая роль национальной идеи, уступила место конгломерату различных мировоззренческих концепций. Одни из них со временем оказались несостоятельными, другие утвердились в общественном сознании. Отмечая это, политолог А.М. Салмин писал: «Не оправдались надежды «демократов» начала 90-х годов на то, что в основу национальной идеи могут лечь такие лозунги, как “демократия и рынок!”, “обогащайтесь!” или “вперед на проторенный другими путь!” (такова квинтэссенция множества конкретных слоганов тех лет. К концу 90-х годов уже не только слово “патриот”, но и нелепое словосочетание “национал-патриот” перестают быть пугающими и ругательными даже для большинства “демократов”, и тема патриотизма, как естественной, не придуманной национальной идеи начинает звучать все громче»¹.

В связи с этим нельзя обойти так называемый «русский вопрос». Он, разумеется, существует. Без него дискурс о национальной идее в России был бы несостоятелен. Это естественно. Русский этнос составляет подавляющее большинство населения страны, служит основой российской государственности. Однако полной ясности в понимании места и роли русского вопроса в жизни общества нет.

«Можно сказать, что русский вопрос сегодня – самоочевидная неочевидность, – пишут С.И. Васильцов и С.П. Обухов. – Несомненно, он существует, напоминая о себе практически во всех сферах жизни. Однако не менее ясно и другое: в обществе нет четкого понимания того, в чем он состоит и каковы пути его решения»². И далее подчеркивают: «... та политическая

---

¹ Салмин А.М. Миф истории и история мифа // Национальная идея: страны, народы, социумы / Отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 7.

² Васильцов С.И., Обухов С.П. Русский вопрос России. – М., 2006. – С. 4.

сила, которой удастся идентифицировать себя в глазах русских с русским же началом, будет доминировать в отечественной политике не годы и десятилетия, а века. Русский плацдарм в политике свободен, и борьба за него – острая и жесткая борьба – впереди...»¹.

Признавая огромное значение русского вопроса для духовного и политического развития общества целесообразно, думается, рассматривать его вне националистического контекста. Само понятие «национализм» одиозно, слишком тесно ассоциируется с крайне негативными явлениями российской и мировой истории. Поэтому трудно согласиться с историком С.П. Перегудовым, который отличает «замешанный на насилии этнонационализм экстремистского толка» от «позитивного национализма». Последний «нацелен не на достижение превосходства одной нации над другими, а на их плодотворное сотрудничество и взаимодействие. Этот национализм не противостоит политической нации, а, напротив, составляет те кирпичики, из которых складывается, хотя и не механически, российская политическая нация и без которых она превращается в мало что значащий фантом»².

Такая постановка вопроса озадачивает. Зачем, собственно, увязывать с национализмом исторически оправданные, закономерные, гуманистические устремления русского народа? Всякая уступка национализму, пусть и облагороженному благовидными эпитетами, несет в себе деструктивное начало. Ее политическая реализация на практике в многонациональной, полиэтнической стране с федеративным устройством чревато опасными рисками подъема этнонационализма и сепаратизма других этносов и национальных автономий. С.П. Перегудов утверждает, что «при целенаправленных усилиях центра и субъектов федерации» подобного рода риски «вполне можно свести к минимуму и надежно маргинализировать»³.

Но стоит ли искусственно умножать риски, каковых и без того предостаточно в сегодняшней жизни россиян? Новейшая история России, Украины, Прибалтийских и других постсовет-

---

¹ Там же. – С. 11.

² Перегудов С.П. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений // МЭиМО. – 2013. – № 3. – С. 86.

³ Там же. – С. 80.

ских республик показывает, как окрашенный в розовые тона национализм легко превращается в оголтелый шовинизм, русофобию, погромную идеологию.

Уясним простейшую истину: национальные ценности по определению неразменны. Применительно к духовной, идеологической ситуации в современной России это означает, что от таковых неотделимы те, которые возникли в дореволюционной России и в СССР, включая, разумеется, и концепты русской идеи.

Ведь самые значимые из них, по существу, подобно библейским заповедям, меняя названия, сохранялись и сохраняются в массовом сознании и в идеологемах независимо от смены социально-политических режимов. Разве что недомыслием можно объяснить охаивание в средствах массовой информации таких понятий советского времени, как «дружба народов», «коллективизм», «интернационализм» и т.п., каждое из которых обозначает вековые духовные ценности русского народа: национальную терпимость, общинную взаимопомощь, открытость внешнему миру.

И еще одно заслуживает внимания: в царской России, а затем в СССР русские, занимая исключительное положение в качестве главного субъекта исторического развития страны, традиционно воспринимали ее как собственное национальное государство. Хотя в период существования РСФСР они сами не обладали многими атрибутами государственности, имевшимися в остальных советских республиках. Поэтому, в частности, в «перестроечной» России не возникло сколько-нибудь массового национального движения русского народа.

Сознание, психология русских оказались также существенно меньше подвержены националистическим деформациям, чем у иных народов СССР (правда, иммунитет этот подвергается сегодня серьезным испытаниям как со стороны разного рода националистических и фашиствующих политических деятелей и организаций, так и со стороны стихийно возникающих национально-этнических коллизий, окрашенных сепаратизмом, русофобией и т.п.).

Характерно, что ни в одной из бывших союзных республик со значительными массивами русского населения, несмотря на разгул русофобских настроений, национально-этническую

дискриминацию, не возникло сколько-нибудь политически влиятельное организованное движение протеста русских, которые по-прежнему все свои надежды связывают с протекционистской политикой Москвы.

Такого рода связь можно проиллюстрировать (с известными оговорками и на примерах иных революций) Великой французской, китайской и прочих, – равно как и контрреволюций – в Германии, Чили и других странах. Механизм ее действия в основных своих функциях неотличим и от того, который обеспечивает такую связь в эволюции западных демократий. Благополучие и само существование их немислимы вне идеологического, духовного климата, создаваемого общенациональной идеологией (как правило, формировавшейся и вживлявшейся в народное сознание веками), в той или иной форме и степени, прямо или косвенно влияющей на гражданское поведение людей независимо от их политических взглядов, социальной, этнической, религиозной принадлежности. Причем «верхи» по укоренившейся традиции постоянно заботятся не только о сохранении ее жизнеспособности, но и об опережающем ожидания народа наращивании ее новыми привлекательными для масс смыслами и проектами.

Скажем, пресловутая «американская мечта», основная составляющая такой идеологии в США, периодически подпитывается, начиная по крайней мере с Рузвельта, в инаугурационных речах, посланиях Конгрессу президента популистскими, но близкими к реальным потребностям народа и потенциально исполнимыми новациями («Новый курс», «Великое общество» и т.п.), в чем, кстати, одно из разительных отличий от программ российских либерал-реформаторов, чьи прокламации обычно отличаются бестолковой риторикой и заведомо неисполнимыми обещаниями.

Вместо былой исторической общности, при всех ее изъянах, возникла новая разобщенность народов, ранее входивших в СССР. Интернационализм опорочен. Дружба народов осмеяна либералами. У России нет национальной политики. Сохраняется угроза развала страны по национально-этническому и региональному признакам, которая усугубляется ростом ксенофобии, общим оскудением общественной морали, утратой ценностных ориентаций.

В столь сложной, напряженной идейно-политической обстановке потребность общества в объединяющей идее приобретает особое значение. Национальная идея в РФ не может не отражать полиэтничность генезиса русского народа и современного российского общества в целом.

Кто из нас не общался более или менее тесно с «лицами» разных национальностей? А дети от «смешанных браков»? Фактически все они (ни много, ни мало) примерно 50 миллионов – по языку, образованию, культуре, в своей бытовой и духовной жизни в той или иной мере ассимилированы русской нацией и не могут быть отторгнуты от национальной идеи.

М.Ю. Лермонтов, с учетом его шотландского происхождения по отцовской линии, – разве не русский поэт? А.С. Пушкин – этот, по словам «лица украинской национальности» Н.В. Гоголя, «русский человек в его развитии, в каком он может быть явится через двести лет», – «лицо эфиопской национальности»? А сколько капель «русской крови» найдут в 300-летней династии Романовых (да и в собственных родах) их нынешние почитатели из блюстителей «чистоты крови»?

Еще одно отступление статистического характера, связанное с нравственностью правящих элит. Никогда в России, и особенно после октября 1917 г., для властей предрежащих человек не был «единицей» ни в реальном существовании, ни в понятиях постжизненной судьбы. Как, не лукавя, выразился Владимир Маяковский в хрестоматийной в свое время поэме, «единица – вздор, единица – ноль». Счет идет только на миллионы. Даже с точностью до десятка миллионов никто с уверенностью не может сказать, сколько людей погибло в годы Гражданской войны, в последовавшем за ней жутком голоде в Поволжье и иных областях России, во времена коллективизации, массовых репрессий, Великой Отечественной войны.

Между прочим, американцы и спустя многие десятилетия после окончания корейской и вьетнамской войн, – с пофамильной точностью – «до единицы» – на общественном и правительственном уровнях упорно пытаются найти в дальних странах, если не выживших, то останки своих соотечественников. У нас же, на нашей земле через 70 лет после Победы заброшены, не захоронены останки сотен тысяч защитников Отечества.

Это отступление сделано не для красного словца. Автор просто пытается вместить проблему в общий поток российской жизни. И тут в связи со «статистической» темой приходится констатировать, что к живым у нас подчас относятся еще хуже, чем к мертвым. Кто же, в самом деле, не читывал, не слыхивал речений некоторых видных деятелей либерал-реформизма о том, что реформы «пойдут» лишь после того, как вымрут «мешающие» им поколения «строителей коммунизма»?

Обратимся непосредственно к нашей теме. В политическом плане национальная идея – это не идеология в трактовке кремлевских чиновников, как бы она не называлась, а органически вытекающая из традиций и особенностей национального бытования народов духовная норма общежития равноправных граждан. Она должна определять место и роль страны в составе мирового сообщества, не провоцировать эксцессы национализма, и поскольку его проявления неизбежны в полиэтническом обществе, напротив, гасить их, прививать национализму цивилизованные формы участия в общественных процессах.

И этому призвано способствовать возрождение Русской идеи, свободной от извращающего ее сущность воздействия правящих бюрократических структур. Она синтезирует духовные ценности не только собственно русского народа, но и всех российских национальностей, ибо русская нация формировалась на огромных территориях в процессе взаимодействия с множеством других племен и народов. В советский период русский народ ценой ограничения своих интересов во имя «интернационального долга» обеспечил рост национального сознания других народов Союза и оказался сегодня перед проблемой национальной самоидентификации, нового осмысления своего исторического предназначения.

Анализируя диалектику русской идеи, академик Ю.С. Пивоваров пишет: «“Русская идея” всегда есть отрицание “современной жизни”. Каждой “современной жизни” в любую эпоху. Он – домодерн и постмодерн. “Русская идея” и модерн несовместимы. Здесь царствует вечность – вечность-в-прошлое или вечность-в-будущее (или обе вместе, одновременно). Эти вечности и образуют русское “настоящее”»¹.

---

¹ Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., Наука. – 2007. – С. 358.

Следовало бы осознать, что в наше время бессмысленно ломать голову над «идеологическими проектами», что исконную идею являет – по крайней мере, имплицитно, интенционально – современная практика общественной жизни.

Как это всегда бывало в поворотных периодах истории государства (а именно таковой переживает ныне Россия, и он, скорее всего, продлится на многие годы, если не на десятилетия), идея возникает самостийно. С некоторых пор она уже не только латентно во многом определяет духовное состояние общества, но и выражается понятийно, более того, начинает принимать материально осязаемые формы, причем – и это тоже некая закономерность – и в «низах», и в «верхах» одновременно. Вот она: сохранение единой России. Речь не идет о некой концепции или лозунге. Автор далек от алармистских настроений. Речь идет о трезвом осмыслении нынешних реальностей, поставивших перед нами совсем не сакраментальный вопрос: сохранится ли Россия?

Сошлемся на мнение В.В. Путина, который заявил после отречения Б.Н. Ельцина: «Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет – экономически, политически и морально»¹.

Эта тревога озвучивается и в социологических опросах, и в выступлениях различных политических деятелей по поводу бедственного состояния российской экономики, и даже в законодательных актах последнего времени, направленных на борьбу с сепаратизмом, коррупцией, на укрепление оборонного потенциала России. Разумеется, общий интерес складывается здесь из разнородных устремлений: «низы» озабочены проблемой выживания (во многих случаях в прямом смысле), «верхи» – проблемой удержания власти и богатства. Как бы там ни было, названная идея создает некую, пусть и внутренне противоречивую, общность, потенцию общественного согласия. Можно с уверенностью утверждать, что в обозримом будущем никакая иная идея в России не обретет статуса общенародной.

Другое дело, в какие конкретные формы воплотится этот статус. Сейчас он размыт, неустойчив. В зависимости от своих

---

¹ Цит. по: Российская газета. – 1999. – 30 дек.

идеологических и политических пристрастий различные партии, движения, общественные деятели пытаются втиснуть в национальное сознание собственные стереотипы: одни видят панацею в реанимации коммунистической идеологии, для других единственный спасительный рецепт замешан на духовных ценностях западной демократии, не говоря уже о множестве паллиативных, либо экстремистских проектах.

Каким виделось будущее посткоммунистической России дореволюционным русским мыслителям? Философ И.А. Ильин, уже будучи, эмигрантом, писал: «После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически-интернационального провала – Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета»¹.

Такая Россия, разумеется, не появится по велению сверху. Хотелось бы предостеречь в связи с этим от глупости, совершенной в свое время, когда «сверху» был спущен «социальный заказ» на национальную идею. Сам по себе такой заказ оправдан потребностью общества, разлагающегося под воздействием социальных, национальных и других противоречий. Оно объективно нуждается в консолидирующей идее, способной смягчить эти противоречия, предотвратить перерастание их в губительные для людей и государства конфликты. Резонно ожидать и соответствующей реакции на такой заказ со стороны творческих сил общества.

Но ведь в наше-то время не нужно делать его как былой социальный заказ. А сделано было именно так. Помимо посулов самых высоких лиц государства, прејскурант включал и объявленный правительственной «Российской газетой» всероссийский конкурс идеологических проектов, победителя которого ожидал приз в 10 млн неденоминированных рублей².

Подобные затеи властей привлекают не только привластных публицистов и всякого рода странных личностей, одержимых маниакальным стремлением благодетельствовать сооте-

---

¹ Ильин И.А. О русском национализме. Сборник статей. – М., 2006. – С. 30.

² Итоги этого конкурса были подведены Потаповым В. в статье «Что показал конкурс» // Российская газета. – 1998. – 1 авг.

чественников, но и некоторых государственных деятелей. Например, экс-спикер Совета Федерации В. Шумейко предъявил тогда обществу свою идеологию, неуклюже скомпонованную из перефразированных заповедей Нагорной проповеди и «Кодекса строителей коммунизма».

Не следует, ли, наконец, отказаться от благоглупостей подобного рода (каковых, к слову, предостаточно и в программных документах многих партий и движений)? Идеология – дело серьезное. Она требует профессионализма, когда речь идет о ее соединении с политикой государства. Для идеолога много более чем для врача значима заповедь «не навреди», ибо – история тут свидетель – идея, способная, говоря языком марксизма, овладеть массами, может наделать много чего непредсказуемого даже большими умниками.

Что, собственно, в понимании властной элиты конкретно означает понятие «национальная идея»? Вопрос имел бы чисто понятийное значение, если бы возник в ходе общественной, либо научной дискуссии, теоретических споров, поисков. Он, однако, неизбежно приобретает интригующую политическую актуальность, если инициируется «сверху».

Какая национальная идея имеется в виду? Татарская? Якутская? Или некая иная из взлелеянных ныне десятками национальностей России? Возможно, какая-то синтезирующая все их – «общенациональная»? Похоже, инициаторы подобного означенному выше «социальному заказу» не задумываются ни над этими бестактными вопросами, ни над обескураживающими ответами на них, если, конечно, не пытались намерено или по недомыслию накалить и без того напряженную национально-этническую обстановку в России.

Едва ли стоит доказывать, что при таком подходе в условиях страны, где русские теперь составляют подавляющее большинство населения (свыше 80 %), общенациональной может быть лишь навязываемая сверху «русская идея». А это чревато серьезной угрозой сохранению целостности государства Российского. И отнюдь не потому, что вызовет бурный рост национализма крупнейшей нации: у русских, слава Богу, в силу специфических исторических условий все еще действует глубоко укоренившийся в прошлом в национальном сознании иммунитет к этой опасности, который пока что стойко выдержи-

вает разного рода искушения и испытания как со стороны русофобов, так и со стороны отечественных шовинистов, и, будем надеяться, выстоит и перед идеологическим давлением тех, кто пытается использовать русскую идею в своекорыстных интересах. Опасность – в побочном эффекте этих попыток: вспышке национализма малых наций, который, как убедительно показывает чеченский опыт, способен взорвать российскую державу. Естественно поэтому стремление российской научной и культурной общественности рассмотреть и оценить истоки русской идеи, определить ее сущность, цементирующую роль в перестройке общества, возрождении нации.

О том, что, по мнению автора, должна означать возрожденная идея, чему служить, сказано выше. Здесь нет нужды расчленять ее на некие принципы и «пункты» национального единения – это уже многократно обнародовано в программных и иных «судьбоносных» заявлениях официальных лиц и их оппонентов, причем в формах и выражениях по существу идентичных (сравним, например, «Пакт о национальном согласии» КПРФ с иными документами подобного рода). Беда в том, что они не действуют, что процесс духовного разложения российского общества продолжается, перерастая то и дело в острые социальные и национально-этнические конфликты.

Вернемся, однако, к собственно идеологическим проблемам. Прежде чем что-то предпринимать для их решения на государственном уровне, следует, видимо, иметь более или менее ясное представление о конкретном состоянии массового сознания граждан.

Тут опять не обойтись без обобщающих данных социологических опросов последних лет. Вот как выглядит отношение опрошенных представителей пяти поколений к жизненно важным социально-экономическим, политическим и этническим явлениям – отношение, которое показывает интегральный образ современного общества и государства, сложившийся в массовом сознании россиян. Бездуховность (77,4 %), уважение к православной церкви (32,4 %), тяжелое экономическое положение (77,2 %), кризис (82,2 %), возможность стать богатым (84,3 %), неуверенность в своем будущем (88 %), социальная несправедливость (75,1 %), межнациональные конфликты (85,9 %), бюрократизация (35,3 %), гражданские и политиче-

ские свободы (71,7 %), преступность, бандитизм (93,5 %), коррупция, взятки (77,7 %), страх (30,9 %)¹.

Предстает образ государства, потерпевшего крах по всем существенным для массового сознания параметрам и отчужденного от своих граждан. Обратим особое внимание на следующие моменты. При осознании социально-политического коллапса подавляющее большинство респондентов видит широкие возможности для быстрого обогащения, что свидетельствует о признании паразитизма как нормы социального бытия.

Время «застоя» закрепилось в памяти большинства как годы социальной справедливости, оптимизма, успехов в образовании и науке (чтобы не перегружать монографию цифрами, автор данные не приводит, равно как и по следующим пунктам). Пики страха в истории страны приходятся, по мнению большинства, на сталинскую эпоху и наше время, отличительной чертой которого, не в пример той эпохе, стало отсутствие идеалов и утраты традиционных национальных ценностей. Опросы показывают совпадение взглядов представителей различных поколений на основные проблемы современной России.

Словом, перед нами народ, умонастроения, нравственное состояние которого правящим и прочим элитам надо понять, усвоить, проникнуться его нуждами и потребностями, постоянно учитывать в своей деятельности для того, чтобы возродить не только материальные, но и духовные ценности многонациональной российской державы.

Заемная идеология, каковую пытаются навязать постсоветской России неолбералы в виде опошленных идей философии прагматизма, не привились в расстроенном едва ли не до умопомрачения сознания российского общества. Выросшие на социально-исторической почве США идеи (успеха, обогащения, выгоды и т.п.) естественным образом оформились в цельную идеологию американского капитализма, весьма эффективно воздействующую на его развитие и формирующие духовные основы национального согласия. Пресловутая «американская мечта» – стать миллионером – для американца повседневная бытовая установка, божий промысел, по У.

---

¹ См.: Проблемы национальных отношений в условиях глобализации. – М., 2010. – С. 73.

Джеймсу, одному из основоположников философии прагматизма, «...просто выгодное в образе нашего мышления»¹.

Российское общество не приняло эту идеологию. Искусственное внедрение в массовое сознание россиян принципов западных форм собственности, демократии и морали мало пригодно. Над их сознанием по-прежнему довлеет идея общественной собственности на средства производства, социальной справедливости. Для них право само по себе не является гарантом цивилизованных отношений в сфере частной собственности, поскольку соблюдение законов лишено государственной гарантии.

Даже либерал А.Б. Чубайс, нарицательный персонаж российского капитализма, в программном рода лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете и названной «Миссия России в XXI веке», заявил: «Без всякого сомнения, в России “делать деньги” никогда не станет национальной идеей, а менталитет русского предпринимателя никогда не будет американским. Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека»².

Да, стяжатель не герой российской истории, если, разумеется, не считать таковым Чичикова, купчины толстопузого или любого такого же рода типов из пьес А.Н. Островского. Наши герои Степан Разин, Емельян Пугачев и иные исторические лица вовсе не из благородных сословий, в отличие, к примеру, от аристократа Робин Гуда. Нам симпатичней мечтатель Обломов, чем вроде бы его антипод Штольц, хотя мы с почтением относимся к Демидовым, Морозовым и другим первопроходцам рыночного капитализма в России. Но согласитесь, их едва ли примут в круг джентльменов, романтизированных в саге о Форсайтах, и, пожалуй, даже в клуб мистера Пиквика и его друзей. Нет, нет и нет. Раньше били зеркала в парижских ресторанах, теперь куралесим в Куршавеле. Мы не из американских «Простаков за границей» (Марк Твен), мы – из «Наших за границей» (Н.А. Лейкин), из путевых очерков, опубликованных лет сто назад.

---

¹ См.: Джеймс У. Прагматизм. – СПб, 1910. – С. 222.

² Чубайс А. Миссия России в XXI веке. – М.: Посев, 2003. – С. 24.

Продолжая эти реминисценции, подкрепим их ссылкой на В.И. Ленина, который так идентифицировал различные ответвления либерализма: «Либералы отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы. Но эта прогрессивная буржуазия боится демократии и движения масс больше, чем реакции»¹.

Не применима ли с некоторыми оговорками эта характеристика к оценке идеологической ситуации в современном российском обществе? Надо, разумеется, несколько отойти от прямолинейности ленинских оценок в присущую этой ситуации атмосферу социально-политических симуляций, подлогов, профанаций и прочего несуразного. Поясним.

В годы советской власти сложилась такая форма организации общества, которая давала мощные идеологические и социально-политические рычаги для его модернизации (индустриализация, коллективизация и пр.), что позволило в кратчайшие исторические сроки создать модель военномобилизационной экономики и выдержать тяжелейшие испытания войны с нацистской Германией.

Почему же распалось столь мощное государство? Чем объяснить столь бесславный конец? Вот в сжатом виде совокупность причин:

- перерождение правящей элиты СССР в паразитический класс, утрата им способности аккумулировать настроения, материальные и духовные потребности масс и соответственно реагировать на них;
- формализация и бюрократизация идейных связей с «низами», омертвление идеологической общности с ними.

Парадоксальным образом эти же причины (с известными оговорками) адекватно можно объяснить и кризис того режима, который возник на месте советской системы власти. Устранение губительных для страны последствий его правления – необходимая предпосылка возрождения России как великой державы.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 175.

2.3. ПОСТИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ

Идеология вновь востребована в России. Надо же? Еще совсем недавно, при «похоронах» советской власти неисчислимая армия адептов марксизма-ленинизма отсеклась вообще от всякой идеологии, прежде всего, от собственной не без влияния, впрочем, модной тогда среди снобистски настроенных интеллектуалов теории «конца идеологии».

К примеру, американский социолог Фрэнсис Фукияма в своей статье «Конец истории?», опубликованной в 1989 г., закат идеологии связывал с окончательной победой либерализма, ибо ему «не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»¹.

Оказалось, однако, без идеологии нельзя обойтись ни власти, ни обществу в целом, в каком бы социально-политическом пространстве они ни обретались. Общественный организм поражает дисфункция. Он теряет социальные ориентиры. Возникает угроза самим основам его существования. Тот же Фукияма уже в наше время написал не менее резонансную статью, но принципиально иной идейной направленности под названием «Будущее истории», в которой, исходя не из всеобщей победы либеральной демократии, а, напротив, из ее глубокого кризиса, выдвигает концепцию создания новой идеологии.

По-прежнему полагая, что «марксизм давно умер», он, тем не менее, совсем по-марксистски считает, что «идеи не способны обрести силу, если они не обращены к нуждам большого количества обычных людей»². Автор, разумеется, не отрекается от либеральной демократии. Он хочет ее радикального идеологического обновления. Не стоит ли учесть эту перемену во взглядах маститого идеолога западного либерализма российским либералам?

Общество нуждается в идеологической ориентации, чтобы не заблудиться в изменившемся мире. Власть нуждается в идеологии, чтобы вести общество в нужном ей направлении. Кремлевский идеолог Владислав Сурков в свое время призывал как можно скорее выработать государственную идеологию, заявив на встрече российских политологов «Суверенное государ-

---

¹ В 1992 г. названный автор на основе этой статьи опубликовал книгу; см. русск. пер. *Фукуяма Фр. Конец истории и последний человек.* – М., 2004.

² *Фукияма Фр. Будущее истории* // *Foreign Affairs.* – 21.02.2012.

ство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность»: «Если мы не создадим свою публичную идеологию, приемлемую для большинства граждан, то с нами не будут считаться. Зачем говорить с немymi»¹.

В советском прошлом наш человек понимался как выражение универсальной сущности социального бытия народов, в чем усматривался исток его всемирного влияния. «Советский человек – властитель дум современного человечества», – писал Г.Л. Смирнов, наделяя его образ такими свойствами, как социалистическая направленность мысли и действия, коллективизм, братство, интернационализм, высочайшая нравственность. Соответственно советский народ представлялся в качестве знаменосца, ведущего человечество к всеобщему счастью, а советское государство – как орудие осуществления этой всемирно-исторической миссии².

Очевидно, что эти идентификации без труда, самым естественным образом коррелируются с мессианистскими определениями имперских времен – русские – народ-богоносец, российское государство – Третий Рим, – отвечают мысли философа В.С. Соловьева о том, что «вопрос о смысле существования России во всемирной истории» является важнейшим для русского человека³. Тем легче большевикам было переориентировать сознание и психологию общества в постмонархической России на свои идеологические догмы и символы, превратить их в органические компоненты советской идентичности. И тем трудней для постсоветского режима оказалось привить обществу либеральную идеологию, совершенно чуждую историческим традициям России.

Прошлое стало актуальным. Какое именно прошлое? Повидимому, то, которое сохраняет и подтверждает преемственность в социально-историческом процессе, – несущую конструкцию всякой устойчивой, жизнеспособной идеологии. Далеко ходить не надо. Искомое живет в духовной жизни российского общества – имперская идея, которая за несколько столетий существования империи неотторжимо вросла в национальное бытие народа.

---

¹ Российская газета. – 2006. – 31 авг.

² См.: Смирнов Г.Л. Советский человек. – М., 1971.

³ См.: Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – М., 1989. – Т. 2. – С. 219.

«Имперское сознание, – пишет политолог И. Яковенко, – вошло в плоть общества, пронизало собой все уровни культуры, отпечаталось в массовой психологии... Для людей традиционного склада, сложившихся в рамках имперского бытия, империя – целый космос, способ жизни, система мировидения и мироощущения. Именно этот космос им ограничен, другого они не знают и не принимают.

Традиционный человек склонен воспринимать устойчиво, как вечное и неизменное. Тем более, что о вечности и нерушимости СССР ему говорила государственная идеология. С этих позиций распад империи – случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору внутри «нашего» общества»¹.

Многовековая история имперской России – и царской, и советской – в политическом плане представляла собой процесс развития самодержавной власти. В стране сложился тип государственности, благодаря которой она стала органической целостностью, а ее огромные пространства не фактором обособления отдельных регионов и дезинтеграции, а фундаментом централизованной империи, которая, в отличие от большинства других империй (кроме, Австро-Венгерской) существовала на единой, не разделенной морями территориях. Разнородные этнонациональные, конфессиональные, культурные и иные образования, разных уровней развития объективно нуждались в имперском патернализме.

Централизованное государство служило объединяющим началом. В России не было каких-либо иных структур, призванных обеспечить целостность и жизнеспособность складывавшейся общности. Развитие страны шло под всепроникающим воздействием государства. В стране не возникли какие-либо иные эффективные механизмы интеграции и социально-политической институционализации. К имперской власти были привязаны и к ней апеллировали все сословия, социальные, этноконфессиональные группы. Она подавляла любые попытки автономизации формировавшихся институтов гражданского общества. Имперский склад ума россиян стал специфиче-

---

¹ См.: Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. – 2005. – Т. XVI. – С. 64.

ской особенностью их мировоззрения, идентичности, самоидентификации как подданных империи.

В.И.Ленин, бескомпромиссно боровшийся с великодержавным шовинизмом, возглавив советское государство, стал проводить фактически имперскую политику, прикрытую лозунгами пролетарского интернационализма. Тем самым вождь мирового пролетариата и его соратники, и последователи сумели сохранить великую державу – Советский Союз, который, по словам Е.Т. Гайдара, «был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав»¹.

Крайне поверхностна и необъективна трактовка Октябрьской революции (ставшая едва ли не аксиоматичной в зарубежной и отечественной советологии) как материализации «марксистской утопии», насильственно навязанной большевиками России. А не верней ли интерпретировать российскую версию марксизма как воплощение революционной идеи, слившейся с массовым сознанием и обратившуюся в идею национальную, а интернационализм – как форму имперской идеологии?

При всех известных негативных (и всячески демонизированных антикоммунистами) свойствах большевиков, они никогда не смогли бы добиться создания сверхдержавы, если бы адекватно для своего времени не ответили на реальные потребности и чаяния народа, озвучив марксизм в понятные, ставшие для масс «своими», посулы и лозунги («Мир – народам!», «Земля – крестьянам!» и т.п.), если бы оперативно, зачастую противореча собственным догмам, по ходу развития революции идеологически и политически не приспосабливались к особенностям, изменениям ментальности, социокультурного бытия многонационального населения страны, если бы не учитывали ее имперское прошлое.

И в последующие годы коммунисты неизменно поддерживали в напряженном состоянии обратную идеологическую связь с массами через обслуживающий ее гигантский, изощренно развитый пропагандистский аппарат. В течение десятилетий коммунизм, внушенный массам, в сущности, выполнял роль и функции имперской идеологии.

---

¹ *Гайдар Е.Т.* Гибель Империи. Уроки для современной России. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 12.

Новый строй разрешил фундаментальные противоречия, неподъемные для царской России, осуществил базисную модернизацию общества путем создания репрессивного режима, насильно унифицировавшего все стороны народной жизни, но оказавшегося в целом приемлемым для населения страны. Геополитик А. Дугин утверждает: «Советское государство воспринималось народом как строительство “Новой Империи”, “царства Света”, “обители духа”, а не как создание наиболее рационального устройства администрирования и управления количественными единицами»¹.

Советская власть уладила национализм и сепаратизм, соединила в наднациональное объединение советский народ – людскую массу, расчлененную социальными, этническими, культурными, конфессиональными различиями, практически наглухо оградила воссозданную империю от зарубежных влияний.

Во времена тоталитаризма репрессии против отдельных народов, установка на упрощение национально-этнической структуры населения, искусственные препятствия на пути развития языков некоторых народов СССР и т.п. представляли собой систему мер. Последняя была призвана подавить влияние национального фактора в той же мере, в какой подавлялись всякие проявления социальной и идеологической неоднородности, не соответствовавшие модели унитарного государства.

С другой стороны, многонациональное государство и до и после 1917 г. отнюдь не было «тюрьмой народов», а столетиями служило складыванию уникальной общности, объединяющей людей различных национальностей, этнических групп бесчисленными культурными и социально-экономическими связями.

От дореволюционной истории неотрывны десятилетия советской власти, вызвавшие радикальное преобразование традиционных укладов российской жизни и породившие новые традиции совместного бытия, противодействие которым может оказаться столь же пагубным для России, как и былой отказ от ее «предыстории» до октября 1917 г.

Философ Пантин И.К. вполне обоснованно утверждает, что Октябрьская революция «не только встряхнула, подняла к ис-

---

¹ Дугин А. Основы геополитики. – М., 2000. – С. 195.

торической деятельности глубинные слои народа России, веками остававшимися забитыми и угнетенными, но и стала для нашей страны прологом современности»¹.

Новая историческая общность – советский народ – не вымысел партийных идеологов, а историческая реальность, воплощенная в названных событиях и подтвержденная всеми перипетиями «холодной» войны. Противники СССР приложили колоссальные усилия и средства для того, чтобы подорвать отнюдь не мифическое, а вполне реальное единство многонационального народа, которое составляло одну из опорных конструкций советского общественного строя. Не случайно, что кульминация борьбы за и против его сохранения пришлось на 1990 – 1991 годы, когда решался вопрос о Союзном договоре. Распад Советской империи стал одной из основных (если не главной) предпосылок крушения социалистического строя.

Однако существует реальная угроза распада страны, которая все более осознается всеми, кто озабочен судьбами России – от крайних националистов до убежденных западников. Что эффективно может противодействовать этой угрозе?

В идеологическом плане – идея укрепления российской государственности. И в этом есть глубокий исторический смысл. Сильное государство явилось в России объединяющей константой, обеспечивающей целостность и жизнеспособность складывавшегося имперского суперсоциума и прораставшего сквозь его клеточные структуры политического устройства. Самодержавная власть метрополии замыкала на себя существовавшие автаркии и тем самым интегрировала их, обеспечивала относительно равномерную модернизацию различных регионов и этносов, жестко перекрывая обходные пути развития через стихийно возникавшие институты гражданского общества.

Этатистская ориентация, постимперский синдром и сегодня остаются подкорковыми доминантами политического сознания подавляющего большинства населения постсоветской России. По генетической укорененности они сопоставимы с поведенческими инстинктами первобытного «дологического мышления». Заведомо бесперспективны попытки решать проблему преемственности в истории России без учета роли эта-

---

¹ Пантин И.К. К вопросу о характере Октябрьской революции // ПОЛИС. – 2013. – № 6. – С. 131.

тистских традиций. Идея сильной государственности была и остается главной образующей массового сознания. Она таковой и останется, и будет продуктивно осуществляться в процессе развития России, если, конечно, к власти вновь не придут слабые умом и характером политические лидеры.

Деятели самых разных политических пристрастий выступают в качестве проводников и пропагандистов имперской идеи. В одном из романов пламенного патриота писателя А. Проханова читаем: «...великие империи прошлого выше великих республик. Они несли в себе замысел объединенного человечества, способного услышать и воплотить замысел Бога. Вот почему сегодняшняя либеральная, омерзительная Россия хуже, убожачней великого Советского Союза, который был империей и был безрассудно нами потерян»¹.

Но и некоторые деятели иных, подчас противоположных идейных ориентаций поддаются воздействию постимперского синдрома. Либерал-реформатор А. Чубайс усматривает будущую Россию как «либеральную империю», неodemократ М. Касьянов – в «империи свободы», а известный политтехнолог С. Белковский предрекает ей «имперскую судьбу». Имперская идея заметно влияет на политические позиции В.В. Жириновского, который в начале 2014 г. в момент обострения украинского кризиса, публично выступил за присоединение к России юго-восточных областей Украины с преобладающим русскоязычным населением.

Принципиально иной характер приобретает влияние постимперского синдрома в других бывших республиках СССР. Здесь у значительной части национальных элит она обращается в навязчивую идею, порой переходящую в манию преследования, которая внушает им панический страх перед «угрозой» реставрации советской империи. Пример. Незадолго до выборов в Российской Федерации 2008 года эстонский политик, бывший посол в Москве Март Хельме заявлял: «Сегодняшняя Россия – это растущий монстр, какого мир в своей истории еще не видел. Этот монстр расправит плечи в 2008 г. после президентских выборов. И тогда мы увидим, какое чудовище выползает из ворот Кремля»².

---

¹ Проханов А. Господин Гексоген. – М., 2002. – С. 426.

² Цит. по: Известия. – 2007. – 31 янв.

Пронизанные экстремизмом русофобские заявления характерны для украинских националистов, которые (после государственного переворота в феврале 2014 г.) вражду к России поставили во главу своей внутренней и внешней политики. Речь пошла даже о прямом участии в организации на сопредельных российских территориях массовых выступлений по образцу киевского майдана. Иного от необендеровцев нельзя и ожидать. Как заявил один из них, «у независимой Украины есть только один реальный внешний враг – это стремящееся к ликвидации украинской независимости соседнее российское государство»¹.

Возможна ли индоктринизация имперской идеи в государственную идеологию, каковая, похоже, формируется в России²? Едва ли дело пойдет дальше официальной символики и геральдики, умозрительных упражнений историософов и иллюзорных видений романтиков империи. Крым, однако, актуализировал постимперский синдром. Российский формат его решения всполошил общественно-политическую жизнь в России и на международной арене. Здесь – взрыв патриотизма, там – вспышка русофобии. В России отпраздновали торжество исторической справедливости. На Западе заклеили «аннексионистскую политику» Москвы. Пропагандистская конфронтация по ожесточенности (как обычно, отчасти, симулятивной) напомнила времена «холодной» войны. Возобновились поиски примет тоталитаризма в России. Страну стали травить санкциями и угрозами международной изоляции. Кто виноват? Что делать?

Нет смысла искать политически внятных ответов на эти сакраментальные вопросы. Важнее осмыслить другое. Россию четверть века испытывали на стойкость. В смутные 90-е прошлого века ее пытались развалить, загнать на задворки мировой политики. Она выстояла. Ее позиция в крымском вопросе со всей очевидностью доказала это. Крымский вопрос разрешен. Судя по всему обратный ход невозможен. Это не значит, что он исчерпан. Он породил новые, по-видимому, более слож-

---

¹ UAINFO. 22. 02.2014.

² Заметим, кстати, что история знает случаи, когда такие архетипы обращались в идеологемы, используемые авантюристами при основании квазиимперий, таких как Вторая империя Наполеона III во Франции середины XIX века или **Центрально-африканская** империя Бакасси I в 70-х гг. XX века.

ные и долговременные проблемы, решение которых и определит значение возникшего кризиса в российской истории. В международном плане это – нормализация отношений с западными странами, стабилизация геополитической обстановки в Европе, а в конечном счете утверждение России в роли независимого, равноправного субъекта мировой политики. Способна ли она ответить на эти вызовы времени?

Так или иначе, постимперский синдром влияет на формирование массового сознания, идеологии правящих элит на постсоветском пространстве. В нашей стране же, как отмечал в свое время Е.Т. Гайдар, «примеров апелляции к постимперской ностальгии в современной России не счесть». Концепция империи, по его словам, – «продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются». Толку от этого, по мнению идеолога российского неолиберализма, все равно никакого: «Сказать: “восстановление империи – благо для народа” – не трудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно»¹.

С этим выводом трудно не согласиться. Постимперский синдром интересен другим. Он подает сигнал: идеология снова актуальна. Для темы данной главы следует подчеркнуть и другой аспект: имперская идея представляет собой одну из связующих линий исторической преемственности триединства «Российская империя – Советский Союз – Российская Федерация».

---

¹ Гайдар Е.Т. Гибель империи... С. 9.

ГЛАВА III. ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ДИЛЕММЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Социальный разлом – очевидный итог буржуазной трансформации российского общества. Возможно ли, в такой ситуации миновать системный кризис?

Едва ли в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном, где основные социальные слои придерживаются различных мировоззренческих установок и социальных ориентиров. Государство призвано предложить обществу стратегию возрождения России, которая опиралась бы на вековые традиции Российской империи, на все те позитивные перемены, которые произошли в стране в процессе социалистических преобразований и в ходе постсоветских реформ. Реализация такой стратегии предполагает, как представляется, рациональные методы политики, учитывающие национальный менталитет, в соответствии с которым улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой и предприимчивостью, сколько с патерналистской поддержкой власти.

В последние годы ожидания и требования граждан обращаются и к социальной ответственности отечественного капитала. Сошлемся на В.В. Путина, который в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию подчеркивал, что власть и бизнес должны принять условия, учитывающие потребности и ожидания общества. В послании 2006 г. он следующим образом заострил эту проблему: «Разумеется, мы и впредь будем стремиться к тому, чтобы поднять престиж государственной службы. Будем поддерживать российский бизнес. Но и бизнесмен с миллиардным состоянием, и чиновник любого ранга должны знать, что государство не будет беспечно взирать на их деятельность, если они извлекают незаконную выгоду из особых отношений друг с другом»¹.

Уровень разработки заявленной проблематики пока еще относительно невысок, что естественно: она фактически оформилась совсем недавно и не стала еще предметом широкого круга социально-экономических и политических ис-

---

¹ Цит. по: Российская газета. – 2006. – 11 мая.

следований. Это научное направление имеет, однако, свои традиции.

В советские годы были изданы многочисленные работы по проблемам взаимодействия государства и капитала в до-революционной России и в западных странах. При всей идеологической ангажированности, они содержат не только массу структурированных фактов, но и глубокие мысли по названной тематике, которые, как представляется, актуальны и сегодня.

Это, прежде всего, относится к критике советскими учеными процесса первоначального накопления капитала и начальных стадий развития капитализма, которые по ряду признаков – сомнительной легитимности присвоения собственности, коррумпированности, сращиванию с властью и т.п. – вполне сопоставимы с современной фазой развития капитализма в России. К ним относятся труды таких видных ученых, как: Е.С. Варги; К.Н. Тарновского; Я.И. Лившина; В.И. Бовыкина и других советских исследователей¹.

Несомненную ценность для современных исследований представляют и труды советских ученых по проблемам взаимодействия бизнеса и власти в зарубежных странах: Г.С. Вайнштейна, И. Семененко, С.П. Перегудова и др.²

---

¹ *Варга И.Ф.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. – М., 1964; *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. – М.: 1958; *Лившин Я.И.* Монополии в экономике России. – М., 1961; Об особенностях империализма в России: Сб. ст. – М., 1963; *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. – М., 1967; Политическая экономия современного монополистического капитализма. – Т. 1-2. – М., 1970 и др.

² См.: *Вайнштейн Г.* Цели руководства современной капиталистической корпорации // Буржуазия развитых капиталистических стран. – Ч. 1. – М., 1977. – С. 121-148; *Он же.* Социологический портрет руководителя корпорации // Буржуазия развитых капиталистических стран. – Ч. 1. – М., 1977. – С. 149-187; *Семененко И.* Группы интересов на Западе и в России. Концепция и практика. – М., 2001; *Перегудов С.П.* Корпоративный капитал в российской политике // ПОЛИС. – 2004. – № 4; *Он же.* Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003.

В последние годы данное направление нашло свое развитие в работах таких экономистов, как Е. Гайдар, С. Миньшиков, Н. Шмелев, Г. Явлинский, Е. Ясин и др.¹

В ряде зарубежных исследований рассматриваются проблемы влияния корпораций на политический расклад сил в обществе, анализируются конкретные методы их воздействия – через лоббизм, использование СМИ. Влияние международных финансовых рынков в контексте рассматриваемой проблематики отражены в работах К. Буха, Р. Дорнбуша, А. Ослунда, Дж. Стиглица и др.²

Отношения власти и бизнеса порождают дилемму, которую образует противоречие между обслуживанием общественных интересов и обеспечением прибыли. Каким образом разрешается эта дилемма, как она влияет на социально-экономические отношения в стране, какие последствия ожидают общество в результате передачи частному сектору производств и услуг, традиционно относящихся к сферам государственной деятельности, зависит от зрелости гражданского общества, силы государства, развитости общественных институтов контроля за деятельностью госаппарата, прозрачности самой партнерской деятельности. Соблюдаются ли эти условия в реформирующейся России?

---

¹ Гайдар Е.Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. – 2004. – № 9. – С. 4 – 23; Он же. Гибель империи. – М., 2006; Миньшиков С. Анатомия российского капитализма. – М., 2004; Шмелев Н. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских реформ. – М.: Весь мир, 2006; Явлинский Г.А. Реформы 1990-х и экономическая система современной России: генезис «периферийного капитализма» // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – Т. 9. – № 1 – С. 82 – 96; Ясин Е.Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня? // Экономический журнал ВШЭ. – 2001. – Т. 5. – № 2. – С. 157 – 178.

² Buch C.M. Globalisation of Financial Markets: Causes of Incomplete Integration and Consequences for Economic Policy / Kiel Studies Kiel: IfW, Springer; 2004; Dornbusch R. The Folly, the Crash and Beyond: Economic Policies and the Crisis in Mexico 1994 // Anatomy of Emerging Market Crash. – Washington D.C., 1997; Ослунд А. Строительство капитализма. – М.: Логос, 2003; Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003; Он же. Революция девяностые. – М.: Современная экономика и право, 2005.

3.1. Власть – собственность: ЭФФЕКТ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Крутой поворот российской экономики от планового хозяйства к рыночному, от общественной собственности к частной, от теневого бизнеса к легальному произошел и происходит (процесс далеко еще не завершен) под непосредственным воздействием государственной власти. Именно она выступила инициатором и главным актором этих трансформаций, которые, со своей стороны, приспособляли ее к собственной логике развития. Именно государственная (социалистическая) собственность стала источником первоначального накопления капитала в постсоветской России. Различные этапы приватизации – номенклатурный, ваучерный, залоговый, инвестиционный – привели к формированию крупных устойчивых структур, объединенных общими экономическими интересами.

Перед бизнесом возникла альтернатива: либо ориентация на рыночное увеличение своего дохода, либо использование связей с властью как источника конкурентных преимуществ. Поскольку в современной России власть практически не ограничена в возможностях вмешательства в экономику, полагаться на ее поддержку надежно и выгодно для бизнеса, чем на собственную конкурентоспособность. Формируется своеобразная система обратной связи, результатом чего может быть доминирование на рынке корпораций, ориентированных на государство как на источник доходов.

Поскольку закрепление результатов приватизации непосредственно зависит от протекционистской по отношению к бизнесу политики государства, согласование интересов власти и капитала регулируется под эгидой органов различных ветвей власти, включая судебную. Реализуемые государством в последние годы меры в области экономической политики направлены на то, чтобы решить проблему «власть – собственность» путем создания корпоративной вертикали в экономике, что означает дальнейшее проникновение крупного бизнеса во власть, а власти в бизнес-процесс, который ведет к усилению зависимости рыночных структур от корпоративных интересов правящих элит.

Обозначенная ранее проблема весьма актуальна в экономическом и политическом отношениях. Она постоянно нахо-

дится в центре внимания как власти, так и бизнес-сообщества, о чем, в частности, свидетельствуют регулярные встречи президента В.В. Путина с представителями российского бизнеса. На одной из них тогдашний глава Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (ТПП РФ) академик Е.М. Примаков, заявив, что считает «оптимальным курс, которым Россия пошла при президенте Путине», выразил тревогу в связи с тем, что «младолибералы», объединяясь с олигархами и содействуя сращиванию государства с бизнесом, стремятся «построить административно-рыночное общество». Это и многие другие заявления представителей государства и бизнеса свидетельствуют о том, что верховная власть отходит от рыночного детерминизма, ориентировавшего реформы 90-х гг. XX века, которые по существу исходили из абсолютизации возможностей рыночной самоорганизации экономики и общества.

Углубление кризиса, принявшего системный характер, заставило государство усилить свою регулирующую роль в области социально-экономических отношений. В кризисных ситуациях к этому неизменно прибегали и прибегают все страны «свободного рынка». Достаточно вспомнить «новый курс» Ф. Рузвельта в годы американской депрессии или жестко ориентированную государством социально-экономическую политику в ФРГ в послевоенный период, чтобы убедиться в этом. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. вновь показал, что наиболее значительные по оздоровлению экономики и финансов мероприятия, как и в целом антикризисную стратегию, проводят отнюдь не местные или межнациональные корпорации, не международные финансовые организации, а именно правительства, парламенты, другие органы государственной власти.

Международный опыт свидетельствует, что государство и в нормальных, бескризисных ситуациях активно участвует в экономической жизни. Его воздействие на экономику выражается прежде всего в организации своей роли в создании гарантированного рынка для национального капитала и в мероприятиях, обеспечивающих поддержание эффективного спроса. Это достигается прежде всего за счет увеличения доли национального дохода, изымаемого в госбюджет. До Второй мировой войны в США, Великобритании и Франции удельный вес госбюджета в национальном доходе составлял от 20 до 25 %, а по-

сле нее – свыше 30 %. Наиболее отчетливо чисто экономическая основа роста бюджета, связь его с увеличивающейся ролью государства в процессе воспроизводства видна на примере ФРГ, Италии и Японии. Здесь, несмотря на относительно небольшую роль военных расходов в 50–60-е годы, доля госбюджета в национальном доходе сохранялась примерно на таком же уровне, как в США, Великобритании и Франции.

В начале XXI века значительно выросло число международных корпораций при участии государства. Только за период с 2004 по 2008 гг. среди 2 тыс. глобальных компаний, по данным журнала «Форбс», появилось 117 государственных предприятий из Бразилии, России, Индии и Китая. Если в 2008 г. ни одна из них не входила в список 20 ведущих глобальных компаний, то в 2012 г. их насчитывалось более десятка¹.

Усиление экономической функции государства является во всех развитых и развивающихся странах одним из важных факторов, способствующих увеличению нормы накопления капитала и ускорению темпов роста производства. Государство прямо и косвенно определяет размеры и характер инвестиций в основной капитал (от трети до половины общего количества). Создаваемый государством обширный гарантированный рынок для корпораций оказывает не только прямое, но и косвенное воздействие, не поддающееся точному статистическому учету. Государственные инвестиции и заказы создают цепную реакцию в экономике, поскольку они обеспечивают возможность реализации товаров не только для фирм-контракторов, но и фирм-субконтракторов, не вступающих непосредственно в сделку с государством.

Еще один момент. Логика конкурентной борьбы на мировом рынке вынуждает бизнес все более широко прибегать к помощи государства в качестве соучастника в капиталовложениях в те сферы экономики, которые в наибольшей мере зависят от технического прогресса. Во всех странах растет роль государства в финансировании научных и опытно-конструкторских работ. Доля государства в их финансировании составляет в США и во Франции около 2/3, в Великобритании свыше 1/2, в ФРГ 2/5 и в Италии 1/3 всех затрат. Инвестиции государства в науку становятся важнейшим фактором тех-

---

¹ См.: Кондратьев В. Указ. соч. – С. 3.

нического прогресса и повышения конкурентоспособности национального капитала на мировом рынке.

Полноценное исследование взаимоотношений государства и бизнеса в современной России едва ли возможно вне международного контекста. Во-первых, потому, что эти отношения формировались и формируются под сильным воздействием зарубежного опыта, зачастую копируемого без учета национальных особенностей.

Во-вторых, потому, что в условиях глобализации, когда российский бизнес становится неотъемлемой частью мировой экономики, его конкурентные возможности на международной арене в значительной, если не в решающей степени, зависят от поддержки государства. Таковы основные составляющие международного контекста, в котором рассматриваются взаимоотношения государства и бизнеса в постсоветской России.

Современный российский капитализм отличается от западного тем, что формировался, во-первых, не в течение столетий, а в считанные годы, во-вторых, тем, что этот процесс протекал не под действием классической формулы «товар–деньги–товар», а под влиянием далекой от нее, по существу, внеэкономической формулы «власть – деньги – власть». Если первое отличие носит временной характер, обусловленный спецификой исторического момента, особенностями скоротечного перехода от социализма к принципиально иной социально-экономической системе, то второе коренится в глубоких традициях экономической жизни российского общества, смысл которых, по мнению ряда исследователей, свое концентрированное выражение находит в понятии «власть-собственность», все более широко употребляемое в последние годы отечественными и зарубежными экономистами и социологами «для характеристики российской действительности и/или российского прошлого¹.

Что конкретно означает это понятие? В чем его суть? Ответ на эти вопросы можно найти в работах российского экономиста Ю.В. Латова. По его характеристике, коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры и национальной ментальности, со времен Средневе-

---

¹ См. *Цирель С.В.* «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // *Общественные науки и современность.* – 2006. – № 3. – С. 119 – 131.

ковья, стали своего рода основой «государственного способа производства», при котором «власть-собственность» представляет собой нерасчлененное единство властных и собственнических функций: «Речь идет, – пишет автор, – о таких “правилах игры”, когда политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета»¹.

Первоначально препятствием для развития капитализма являлись регламентация торговли и ремесла и наделение гильдий и цехов правами монополий. Поэтому все буржуазные революции сопровождались ликвидацией этих монополий, существовавших в рамках феодального общества, и провозглашением свободы конкуренции. Борьба буржуазии против государственной регламентации и монопольных прав гильдий и цехов была теоретически обоснована в трудах У. Петти и А.Смита, провозгласивших принцип полной свободы действий, за которым скрывались, говоря словами К. Маркса, «ничем не стесняемая свободная конкуренция, освобождение промышленности от всякого государственного вмешательства, устранение монополий и т.д.»²

Но буржуазия, борясь с феодальным государством за неограниченную свободу конкуренции, в то же время добивалась от государства мероприятий, способствовавших росту ее прибылей. Так, в Великобритании вплоть до XVIII в. действовали законы против коалиций и нищенства, согласно которым запрещались союзы рабочих, а беднота заключалась насильственно в работные дома, служившие для фабрикантов местом получения дешевой рабочей силы, эксплуатация которой не была ограничена никакими законами. «Нарождающейся буржуазии, – писал К. Маркс, – нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы “регулировать” заработную плату, т.е. принудительно удержи-

---

¹ Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Российского государственного университета. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 114 – 115. См. также: Гуревич А.Я. Избранные труды. – Т. 1. – М.-СПб, 1999; Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. – М., 2001; Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М., 1993. – С. 62 – 87; Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? // Вопросы экономики. – 2002. – № 6. – С. 10 – 31.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 1. – С. 24.

вать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и самого рабочего держать в нормальной зависимости от капитала»¹.

В западных государствах в ходе буржуазно-демократических революций и развития капитализма собственность, обращенная в капитал, отделилась от власти и стала относительно независимой от нее, следуя законам рыночных отношений. Капитал не стал здесь полностью независимым от власти, прежде всего государственной, но обрел относительную экономическую свободу, которую американские экономисты У. Бич и Дж. О'Дрисколл определяют как «отсутствие государственного принуждения или ограничений в области производства, распределения и потребления товаров и услуг за пределами уровня, необходимого гражданам для защиты сохранения самой свободы»². Таков был естественно-исторический процесс формирования капитализма на Западе.

В постсоветской России этот процесс имел иной социальный характер. Бывший советник по экономике президента РФ А. Илларионов пишет о реформаторах 90-х гг. XX века: «Люди, провозглашавшие отделение собственности от власти, на практике захватывали госкомпании, государственные здания, получали госфинансирование, добивались вначале пониженных ставок арендной платы, а затем и полного освобождения от платежей государству. Такие действия дискредитировали не только конкретных людей, но и идеи, с которыми они ассоциировались в общественном сознании»³.

В странах развитого капитализма в отношениях государства и бизнеса в целом утвердились основные элементы экономической свободы: конституционные гарантии на законно приобретенную собственность, право заключать добровольные сделки как на Родине, так и за рубежом, свобода от государственного контроля над условиями транзакций, совершаемых людьми, а также гарантии от экспроприации прав собственности в пользу государства.

---

¹ Там же. – Т. 33. – С. 748.

² *Beach W.W., O'Driscoll G.P., jr.* Explaining the Factors of the Index of Economic Freedom // *The Wall Street Journal*. – 2003. – P. 49.

³ Цит. по: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/71965/>

По иному пути вступил в XX век российский капитализм, скованный самодержавием, которое не позволило выйти своим отношениям с капиталом за пределы, ограниченные парадигмой «власть-собственность». Хотя после отмены крепостного права капитализм в России развивался быстрыми темпами, вполне сопоставимыми с теми, которые являл тогда западный опыт, его экономические свободы были жестко ограничены властными структурами империи, о чем свидетельствуют труды видных экономистов того времени¹.

С рассматриваемой здесь проблемой напрямую перекликается опубликованная в 1905 г. работа польского исследователя Э. Вишневски «Капитал и власть в России. Политическая деятельность российских предпринимателей в начале XX века», в которой анализируются попытки русских промышленников консолидироваться и выработать единую политическую платформу в борьбе за экономические и политические свободы в условиях революционной ситуации. П.П. Рябушинский, С.И. Четвериков и другие либерально настроенные крупные предприниматели, не посягая на основы монархии, требовали ограничить вмешательство власти в экономику принятыми на Западе правовыми нормами².

В западных странах власть денег по мере роста капитализма стала превалировать над властью государства. В конце прошлого века в США был опубликован ряд трудов, внесших принципиально новые моменты в исследование данной проблематики. Так, Ф. Штерн в работе «Лучший конгресс, который можно купить за деньги» провел детальный анализ наиболее известных случаев лоббирования в высшем законодательном органе США, самой механики взаимодействия бизнеса и власти. Весьма важный раздел работы Ф. Штерна – анализ деятельности более ста Комитетов политического действия, опыта организационного взаимодействия предпринимателей и партий-

---

¹ См.: *Рафалович А.* Промышленные синдикаты в России и за границей. – СПб, 1904; *Кафенгауз Л.Б.* Синдикаты в русской железнодорожной промышленности. – М., 1910; *Загорский С.* Синдикаты и тресты. – СПб, 1914; *Гольдштейн И.* Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? – М., 1913.

² См.: *Вишневски Э.* Капитал и власть в России. Политическая деятельность российских предпринимателей в начале XX века (Переиздание). – М., 2000. – С. 236-240, 264.

но-политических структур, который может быть поучительным для российских политиков и бизнесменов¹.

В США и других странах развитого капитализма притязания на власть крупного бизнеса умеряются институтами гражданского общества и правового государства, каковые отсутствовали и при становлении капитализма и в дореволюционной, и в нынешней России. И при первом, и при втором своем рождении капитал сразу же оказывался в неразрывной связке с властью. Крупный бизнес в РФ возник в результате проведения государством радикальных либеральных реформ и в первые постсоветские годы был неотделим от властных структур, обеспечивавших ему эксклюзивный доступ к приватизации государственного имущества.

В результате распада СССР Российская Федерация стала владельцем находившейся на ее территории всесоюзной собственности. К тому времени в стране уже было создано агентство по приватизации – Госкомитет Российской Федерации по управлению государственным имуществом (далее – ГКИ), основная функция которого состояла в осуществлении прав государства как собственника предприятий. К началу 1992 г. принадлежавшие государству активы были разделены на три категории собственности: федеральная, региональная и муниципальная. К муниципальной собственности были отнесены, прежде всего, мелкие предприятия торговли и сферы обслуживания, а к федеральной и региональной – крупные и средние предприятия.

В конце 90-х гг. прошлого века 74,4 % хозяйственных предприятий и организаций страны находились в частной собственности. Только 11,2 % были отнесены к государственной, федеральной или муниципальной собственности, 6,9 % приходилось на долю общественных объединений, остальное – 7,5% – на смешанные формы собственности или на собственности иностранных юридических или физических лиц. Из 2,3 млн частных предприятий 1,4 млн приходилось на крупные и средние предприятия с числом занятых свыше 100 чел. Здесь работало 40 % трудового населения страны, а если исключить

---

¹ Stern Ph. The best Congress Money Can Buy. – N.Y., 1998; См. также: Connor P. Dimensions in Modern Management. – Boston, 1974; Heller R. The Great Executive Dream. – N.Y., 1972; Corporation Man. L., 1971; Goldstien K. Interest Groups, Lobbying, and Participation in America. – N.Y., 1999.

здравоохранение, образование и управление, где по-прежнему преобладала государственная собственность, то доля занятых на частных предприятиях превышала 50 %¹.

В ходе приватизации интересы бывшей партийно-государственной бюрократии и нарождавшегося бизнеса фактически совпадали, проблемы их согласования решались, как правило, в кулуарах большой политики. Возникновение в 90-х годах прошлого столетия финансово-промышленных групп (далее – ФПГ) – крупных корпораций, сочетающих различные виды финансовой и промышленной деятельности, – изменило ситуацию в этой области, потребовало проведения глубоких институциональных и правовых преобразований, призванных придать политическому взаимодействию власти и бизнеса системный характер.

Этому содействовало образование государственных унитарных предприятий (далее – ГУПов), которые стали основой «государственного бизнеса». Они были созданы как своеобразный компромисс между рыночной и плановой экономикой и юридически представляли собой акционерные общества со стопроцентным участием государства. В 2003 г. в стране насчитывалось 9 846 федеральных ГУПов и 37 081 федеральных учреждений, среди которых 40 % считаются убыточными².

По характеристике О.В. Крыштановской, в ходе начального периода приватизации «власть партийно-государственной номенклатуры была обменяна на собственность. Государство, по сути дела, приватизировало»³ само себя, а результатами этого воспользовались сами «приватизаторы» – государственные чиновники. Параллельно в России создавался **народный капитализм**, вызвавший к жизни новую буржуазию. Затем началась эра массовой приватизации, в ходе которой и родилась нынешняя бизнес-элита – группа крупных собственников, вышедшая из недр советской номенклатуры и достигшая огромного финансового и политического могущества благодаря беспрецедентным экономическим привилегиям.

Согласно принятым в начале 90-х гг. XX века законодательным актам, предприятия независимо от их принадлежно-

---

¹ Российский статистический ежегодник. – М., 2000. – С. 277.

² Профиль. – 2003. – 24 марта. – С. 42-43.

³ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М., 2004. – С. 317, 322.

сти к тому или иному виду собственности, подразделялись на четыре категории:

- 1) подлежащие обязательной приватизации;
- 2) те, которые могли быть приватизированы только по специальному разрешению правительства России или ГКИ;
- 3) фирмы, которые могли быть приватизированы по решению региональных властей;
- 4) предприятия, приватизация которых не допускалась. Предприятия, исключенные из процесса приватизации в 1992 – 1994 гг. (объекты военного назначения, атомные электростанции, железнодорожный транспорт и т.д.), оставались под контролем отраслевых министерств.

Разрешение федерального правительства или ГКИ требовалось при приватизации предприятий энергетики, финансового сектора и ряда других отраслей. К ним относились фирмы с балансовой стоимостью основных фондов, превышавшей 1 млрд рублей, независимо от их отраслевой принадлежности. В результате в течение немногих лет подавляющее большинство государственных предприятий было преобразовано в частные компании.

Начало формированию нормативно-правовой основы финансово-промышленных групп положил Указ Президента РФ «О создании финансово-промышленных групп в Российской Федерации» от 5 декабря 1993 г. № 2096. Он утвердил развернутое Положение о финансово-промышленных группах и порядке их создания¹. Первые финансово-промышленные группы были зарегистрированы в 1994 г.

Специалист в области предпринимательского права С.Э. Жилинский отмечает негативные последствия преждевременного появления нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность ФПГ. Принимаемые в условиях отсутствия опыта функционирования легитимных финансово-промышленных групп, эти акты были умозрительны, не отражали в полной мере специфику российских экономических отношений, а нередко и препятствовали созданию ФПГ, тормозили их естественное развитие и снижали конечный результат деятельности. Утвержденное Указом Президента РФ Положение содержало, например, такие ограничения, как регламентация размеров групп по

---

¹Собрание актов Президента и Правительства РФ (САПП). – 1993. – № 49. – Ст. 4766.

количеству входящих в них предприятий (не более 20), общей численности работающих на них (не более 100 тыс. чел.), доле государственной собственности в объединяемом участниками капитале (не более 25 %) и т.д. Не допускалось перекрестное взаимное владение акциями участников ФПГ¹.

На ранней стадии, в самом начале 90-х гг. прошлого столетия, бизнес действовал как бы на двух уровнях. На первом из них – официальном – были представлены государственные структуры, на базе которых в конце 1980-х гг. был создан ряд крупных компаний и концернов.

В качестве примеров можно привести «Газпром», выделившийся из Министерства нефтедобывающей и газовой промышленности СССР, концерны «Трансстрой» и «Тяжэнергомаш», в которые были преобразованы еще два министерства СССР – транспортного машиностроения и тяжелого и энергетического машиностроения (соответственно), «Автобанк», основу которого составило бывшее финансовое управление Министерства автомобильной промышленности СССР и др. О. Крыштановская именует данный процесс «номенклатурной приватизацией», осуществлявшейся на основании соответствующих постановлений Совета министров СССР².

Второй уровень – неформальный – вырос снизу, из стихийной и постепенно организующейся самодеятельности населения. Наиболее известными структурами, рекрутирующими бизнесменов в этот период являлись центры научно-технического творчества молодежи (далее – ЦНТТМ). Благодаря близости к структурам ВЛКСМ, они получили эксклюзивную возможность обналичивания денег, превратившись в незаменимых партнеров при осуществлении различных торговых и посреднических операций. На базе одного из таких ЦНТТМ, функционировавшего при Фрунзенском районном комитете ВЛКСМ г. Москвы, впоследствии сформировалась одна из крупнейших ФПГ «Менатеп – Роспром – ЮКОС».

Официальный уровень с самого начала реформ был захвачен и «приватизирован» бывшей и действующей госпартно-

---

¹ Жилинский С.Э. Предпринимательское право. – М.: Норма, 2004. – С. 656. Здесь и далее юридические сведения о ФПГ даются по этому изданию (С. 656-680).

² Компания. – 2003. – № 18. – 12 мая. – С. 22.

менклатурой. Неформальный был освоен наиболее деятельной и активной частью общества, вовремя осознавшей открывающиеся перед ней возможности.

После приватизации предприятий их акции (за исключением закрепляемых в государственной собственности) передавались Российскому фонду федерального имущества (далее – РФФИ) – специальному финансовому учреждению, созданному в 1992 г. с целью продажи государственных активов. В процессе приватизации РФФИ сначала передавал часть акций работникам предприятия, а остальные акции продавал на чековых аукционах, инвестиционных конкурсах и денежных аукционах в соответствии с планом приватизации предприятия.

В ходе российской приватизации работники предприятия становились, как правило, собственниками 40–56 % его акций в зависимости от метода приватизации. На чековые аукционы обычно выставлялись 29 % акций, а 15–31 % акций компании предназначались для продажи через инвестиционные конкурсы или денежные аукционы. Организация этих мероприятий была возложена на РФФИ. Программа постваучерной приватизации прямо обязывала региональные фонды имущества продать остававшиеся у них пакеты акций до января 1995 г., но это положение часто нарушалось¹.

Масштабы политического участия на названных уровнях были различными. Например, тот же «Газпром» и нефтяная компания «ЛУКОЙЛ», сразу после выделения из структуры соответствующего министерства, получили широкие возможности лоббирования своих интересов в органах власти. Апофеозом их политического влияния явилось назначение в декабре 1992 г. председателем правительства РФ бывшего главы «Газпрома» Виктора Черномырдина. Он привел с собой главу Тюменской нефтяной компании Юрия Шафраника, назначенного министром топлива и энергетики, и представителя «Газпрома» Владимира Квасова, ставшего руководителем аппарата правительства.

Влияние «Газпрома» на внутреннюю и внешнюю политику России остается весьма существенным до сих пор. И это естественно. Ибо компания, наряду с «ЕЭС России», занимает ис-

---

¹ См.: *Радыгин А., Мальгинов Г.* Государственная собственность в российских корпорациях: проблемы эффективности управления и государственного регулирования. – М.: ИЭПП, 2001.

ключительно важное место в российской экономике. Приведем некоторые данные обобщающего характера.

Во власть пришли и представители других финансово-промышленных групп. В. Черномырдин, заняв пост премьера, ввел в правительство целый ряд магнатов российского капитала. Глава ОНЭКСИМ-банка Владимир Потанин стал вице-премьером, а Борис Березовский, возглавлявший группу Логоваз, – заместителем секретаря Совета безопасности. Следующий премьер Сергей Кириенко назначил министром топлива и энергетики бывшего вице-президента нефтяной компании «ЮКОС» Сергея Генералова. С другой стороны, Андрей Вавилов, являвшийся в 1992–1997 гг. заместителем министра финансов, встал во главе компании МФК, входившей в группу ОНЭКСИМ-банка. Виктор Илюшин – в течение многих лет советник президента, а далее вице-премьер – после ухода из правительства стал вице-президентом «Газпрома».

Что касается неформальных бизнес-структур, то большинство из них пребывали в маргинальном состоянии вплоть до залоговых аукционов 1995 – 1997 гг. Однако их инкорпорация в экономическую и политическую жизнь была значительно ускорена событиями 1993 г. благодаря той поддержке, которую они оказали исполнительной власти в ее противостоянии с законодательной. В частности, ряд представителей неформального бизнеса получил доступ в Государственную Думу ФС РФ, пройдя в нее в декабре 1993 г. по спискам избирательного блока «Выбор России».

Определенное время официальный и неформальный уровни бизнеса практически не соприкасались, существуя как бы в разных плоскостях. Но, по мере интенсификации политического участия, а также углубления экономического спада в реальном секторе, стал очевидным рост их взаимосвязей. Свою роль сыграло и принятие Федерального закона РФ «О финансово-промышленных группах», в соответствии с которым ФППГ получали некоторые привилегии, например, возможность передачи в управление государственных пакетов акций, зачет задолженности при покупке группой на инвестиционном конкурсе акций своего участника и т.д.¹

---

¹ См.: Мухин А.А. Бизнес-элиты и государственная власть: кто владеет Россией на рубеже веков. – М.: ГНОМ и Д, 2001. – С. 8.

Этот процесс стимулировала так называемая денежная приватизация, в ходе которой правительство пыталось получить дополнительные доходы для покрытия дефицита бюджета. Оно приступило к составлению списка стратегически важных предприятий, акции которых не подлежали продаже. Список из 2799 таких фирм появился к сентябрю 1995 г. В 1996 – 1997 гг. он был расширен приблизительно до 3000 предприятий. В 1997 году вступил в силу второй закон о приватизации, который не устанавливал точных сроков закрепления в государственной собственности пакетов акций стратегических предприятий. Все государственные пакеты, имевшие к середине 1997 г. статус закрепленных на определенный срок, были преобразованы в бессрочно закрепленные.

В 1998 году, когда правительство РФ срочно искало источники дополнительных доходов, список был сокращен до 697 компании. Более 2 тыс. пакетов акций, утративших статус закрепленных, автоматически перешли в разряд предназначенных к продаже остаточных пакетов, но из-за разразившегося в августе 1998 г. финансового кризиса надежды на их скорую продажу были потеряны. Таким образом, большинство закрепленных в 1995 – 1997 гг. пакетов осталось в собственности государства (в качестве остаточных пакетов). Список закрепленных пакетов с 1998 г. был несколько раз пересмотрен и к середине 2000 г. включал 723 компании¹.

Преодоление последствий того кризиса, как и кризиса 2008 – 2009 гг. базировалось на монетаристских методах, направленных, прежде всего, на спасение крупного финансового капитала. Эффективность этих методов, заимствованных у западной политэкономии, уже давно ставятся под сомнение самими западными экономистами, видный представитель которых Дж. Гэлбрейт писал о «чуде монетаризма»: «Оставьте все на усмотрение Центрального банка, фиксируйте денежную массу в обращении, меняйте ее объем только соответственно росту экономики – и проблема решена... В последние годы мы узнали, что такое чудо помогает лишь постольку, поскольку порождает огромную безработицу и огромные бездействующие производственные мощности. Вот так работает монетаризм. Он действительно останавливает инфляцию, но мы, од-

---

¹ См.: Вопросы экономики. – 2003. – № 5. – С. 105 – 106.

нако, обнаружили, что такое лекарство гораздо опаснее болезни, которую им стараются вылечить»¹.

Возникший в считанные годы крупный бизнес не позволил сформировать в России цивилизованный рынок ценных бумаг. ФПГ рассматривали акции лишь как орудие захвата и сохранения контроля над предприятиями, материальными и финансовыми потоками. Для привлечения инвестиций эти долевые бумаги стараются не применять, поскольку это неизбежно ломает сложившуюся структуру собственности в корпорациях.

Получившие ее ни с кем делиться не хотят. Например, в США доля «free float» (акций, доступных для сделок) составляет 90 % от акционерного капитала компаний, в РФ – в среднем 5–10 % и никогда не превышает 25 %. Указывая на это, экономист Л. Макаревич пишет: «Такой тип имущественных отношений и хозяйствования для поддержания и пополнения капитала больше ориентирован на долговые инструменты, которые создают монополистам меньшую угрозу как владельцам и заемщикам. Они постарались обезопасить себя и юридически. Было употреблено все их влияние, чтобы сделать российское законодательство по отчуждению собственности за долги, защите прав акционеров и инвесторов, налогообложению и другим важнейшим вопросам, максимально размытым и неопределенным, с огромным количеством пробелов и нестыковок»².

В такой ситуации государству становилось все труднее находить ресурсы для формирования и исполнения бюджета, отмечает Л. Макаревич, снижение доходов казны заставляло правительство увеличивать внутренние и внешние заимствования, которые давали возможность решать текущие проблемы платежного баланса, но не решали стратегически важные для страны задачи. Бюджет примерно на половину формировался за счет фискальных и иных обязательных отчислений, оставшаяся часть – за счет размещения гособлигаций. В 1998 г. это привело к разрушительному системному кризису. Как эмитенты ценных бумаг монополии и их кредитные организации

---

¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www/business-gazeta.ru/article/71965/>

² Общество и экономика. – 2005. – № 10-11. – С. 76.

не могли конкурировать с государством, которому надо было возмещать значительные доходы, выпавшие в результате отказа от госмонополии и массового уклонения от налогов.

Финпромгруппы поступили иначе. Они профинансировали и организационно помогли запустить механизм кратко- и среднесрочных заимствований с помощью гособлигаций (ГКО и ОФЗ), навязав свои банки в качестве основных первичных дилеров данного рынка, выступавших главными посредниками на нем для российских и иностранных портфельных инвесторов.

Пока цены на российскую нефть оставались высокими, пирамиду ГКО удавалось рефинансировать. Но в первой половине 1998 г. баррель марки «Юралс» подешевел до 8–10 долларов при тогдашней себестоимости добычи и транспортировки 13–15 долларов. Понижились цены на другое отечественное сырье. Соответственно, упали внешнеторговые доходы монополий и налоговые поступления в казну. В июле наступил коллапс бюджета. Для обслуживания самых неотложных расходов кабинету требовалось как минимум 60 млрд руб., доходы же составили всего 20 млрд руб. Кассовый разрыв в 40 млрд руб. оказался нечем оплатить. Госдолг по ГКО достиг суммы, эквивалентной 70 млрд долл. США, половину которого держали зарубежные спекулянты.

Специфической чертой взаимодействия власти и бизнеса в России является преобладание в них коррупционных отношений – системный фактор, отсутствующий как таковой в странах развитого капитализма. Экономист В. Клейнер выделяет в составе государственного сектора следующие коррупционно-емкие сферы: фискальные органы, связанные со сбором налоговых поступлений и распределением средств на социальные и иные общегосударственные нужды; учреждения регулирования и контроля за соблюдением правил и норм, установленных государством для граждан и юридических лиц, включая судебную власть, правоохранительные органы, патентование, лицензирование и т.п.; ведомства по управлению имущественными комплексами, компаниями и предприятиями, принадлежащие государству полностью или частично. Автор отмечает: «Наличие большого государственного сектора не обязательно обуславливает высокую коррупцию. Так, в годы советской власти при тотальной государственной собственности уровень

коррупции был значительно ниже, чем после перестройки»¹.

После развала СССР государство, по существу, утратило системное управление экономикой, а пришедшие ему на смену структуры общественного и институционального контроля оказались слабо эффективными, либо коррумпированными.

«Кроме того, – пишет В. Клейнер, – государство нередко не обращает внимания на не всегда законную деятельность бизнесменов, которые становятся участниками своего рода государственно-частного партнерства. По сути, речь идет о торговле индульгенциями со стороны государства. Таким образом, государственное управление, по существу, свелось к методам допетровского управления на Руси: государственные чиновники и приближенные к ним физические и юридические лица получают на откуп крупные государственные корпорации, отраслевые и межотраслевые комплексы»².

Сравнительный анализ системы государственного управления хозяйствующими субъектами³

	Административная система управления (СССР)	Государственный контроль (Россия)
Преобладающая форма собственности	Государственная и колхозно-кооперативная собственность – 100%	Частная, есть отрасли с преобладанием госсобственности – газовая отрасль, банковский сектор (>50%), в нефтяной отрасли – значительная доля государства
Система контроля, сбора информации и планирования	Госкомстат, Госплан, Госснаб и их региональные подразделения	Аккуратность и актуальность информации, собираемой Росстатом, вызывает серьезные вопросы, не отслеживается корпоративная структура бизнеса, часто отсутствуют показатели, отражающие деятельность предприятий в рыночной среде. Госпланирование фактически отсутствует

---

¹ Клейнер В.Г. Коррупция в России, Россия в коррупции: есть ли выход? // Вопросы экономики. – 2014. – № 6. – С. 84.

² Там же. – С. 87–88.

³ Там же. – С. 88.

Целеполагание	Государство отвечало за планирование и координацию деятельности предприятий, ставило кратко- и долгосрочные задачи, обеспечивало необходимыми ресурсами и контролировало исполнение планов	Бизнес сам ставит себе задачи, как правило, компании связанные с максимизацией прибыли или доходов доминирующих акционеров
Общественный контроль	Осуществлялся через партийные и профсоюзные организации, народный контроль, реже – прессу	Партийная организация – круговая порука (коррупционные скандалы с представителями «Единой России»), Счетная палата не справляется с контролем, ее деятельность носит закрытый характер, а по итогам ее отчетов не принимают соответствующих решений. При контроле государства над многими средствами массовой информации и отсутствии их защиты от криминального давления прессу нельзя считать независимой
Контроль со стороны правоохранительных органов	Был эффективен в отношении хищений на нижнем уровне, иногда использовался в качестве средства политического давления	В связи с высоким уровнем коррупции правоохранительные органы, имеющие отношение к расследованию экономических преступлений, превратились крупнейшими участниками рынка по незаконному переделу собственности изъятию коррупционной ренты у экономических субъектов
Судебная система	Успешно функционировала на бытовом уровне, корпоративные конфликты часто решались на управленческом и государственном уровнях	Определенное улучшение в системе арбитражных судов были нивелированы объединением ВАС в Верховном суде. Суды общей юрисдикции, по сути, перестали выполнять функцию судопроизводства, а превратились в исполнителя политических/государственных или коррупционных заказов и реализуют канцелярскую функцию по закреплению необходимых решений и приговоров

Таблица убедительно показывает, почему в СССР было невозможно возникновение тотально распространенной коррупции. Там сама система власти создавала непроходимый заслон для этого. Плановые структуры запирали выходы на коррупционные решения экономических вопросов, равно как и иные стороны жизни общества – социальные устройства, идеология, культура, мораль и т.д. Коррупция стала фактически неформальным способом перераспределения национального дохода. Более 80 % населения считают коррупцию одной из главных проблем России, которая углубляет социальное неравенство и мешает развитию стран в целом. Образовавшийся же в постсоветской России дикий рынок, построенный на принципах безоглядной наживы, предполагает, напротив, рост коррупции как необходимое условие своего существования. На развалинах социализма возникла, сформировалась, по выражению В. Иноземцева, «коррупционная цивилизация».

Несмотря на ужесточение антикоррупционного законодательства, многочисленные аресты и судебные процессы над взяточниками, в том числе высокопоставленными чиновниками, коррупция продолжает расти. По признанию главы МВД России В.А. Колокольцева, средний размер взятки в 2013 г. вырос вдвое¹.

Это закономерно. Именно коррупция дает наибольший эффект обратной связи между властью и бизнесом. Доцент Высшей школы экономики С.Ю. Барсукова, подводя итоги специального исследования, делает вывод о реализации в России двух стратегий сращивания бизнеса и власти. Первая из них – «рыночная» состоит в систематическом и устойчивом приобретении бизнесом **услуг** власти, оказываемых в «теневом» режиме, что превращает отношения чиновника и предпринимателя в подобие контрактной сделки коррупционного характера.

Вторая стратегия – «инвестиционная» заключается в том, что бизнес покупает не услуги чиновника или законодателя, а место во власти для своих ставленников. «Теневая» экономика и «теневая» политика в современной России, пишет автор, неразрывно связаны. Они воспроизводят друг друга. Эконо-

---

¹[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://finance.rambler.ru/news/gks/143185113.html>

мические агенты «теневируют» политику, покупая места во властной иерархии, продвигая своих людей в ходе выборов или покупая и финансируя политические партии, что является способом вхождения во властное поле. С другой стороны, политика активно «теневирует» экономику, предлагая широкий спектр продаваемых в «теневом» формате услуг¹.

Проблема взаимодействия власти и бизнеса в России, с учетом означенной и иными особенностями отечественного капитализма, так или иначе связана с вопросом о роли государства в его решении, точнее о мере его участия в развитии бизнеса. Многие аналитики рассматривают участие государства в капитале предприятий как фактор, ухудшающий результаты их деятельности. Они связывают снижение эффективности с дефицитом стимулов, обусловленных асимметрией информации и неполнотой контрактов. Выделяются два типа аргументов, объясняющих неэффективность государственной собственности. Согласно «управленческой» точке зрения, государство не способно эффективно контролировать работу менеджеров предприятия. Угроза поглощения или банкротства, дисциплинирующая деятельность частных фирм, также не действует на принадлежащих государству предприятиях. Сторонники «политической» точки зрения подчеркивают риск политического вмешательства, которое вынуждает менеджеров смещать акцент с максимизации прибыли на другие цели, например, максимизацию занятости.

Хотя участие государства связано с появлением многих проблем, нет никаких гарантий, что приватизированные компании в странах с переходной экономикой более эффективны в социально-экономическом отношении.

Два примера. В свое время, либерал-реформаторы, настаивая на необходимости приватизации энергетической корпорации РАО ЕЭС, утверждали, что это приведет к повышению ее рентабельности и послужат интересам потребителей. На деле же, деятельность приватизированной компании осуществляется во многом благодаря государственным дотациям, а тарифы на электроэнергию выросли на десятки процен-

---

¹ Барсуков С.Ю. Стратегии сращивания бизнеса и власти // Свободная мысль. – 2006. – № 3. – С. 5-6,14.

тов. Другой пример: постоянно растут цены на бензин после приватизации в 90-е гг. XX века нефтедобывающих компаний.

Приватизация в России привела к передаче контроля над государственными активами экономическим агентам, основной целью которых было быстрое обогащение. Она состояла в фактическом расхищении активов, что объясняется плохой защитой прав собственности, и напоминала дешевую распродажу. Тем большее недоумение вызывает новая программа приватизации сохранившейся государственной собственности. «Главные риски готовящейся приватизации, – пишет В. Кондратьев, – заключаются в том, что бывшие госкомпании перестанут решать содержательные государственные задачи и что грандиозные планы модернизации экономики страны могут оказаться под большим вопросом»¹.

В ряде исследований приведены свидетельства того, что роль государственной собственности не всегда была негативной. Авторы показывают, что результаты деятельности компаний, полностью принадлежавших государству, едва ли отличались от результатов приватизированных фирм, в которых участие государства было незначительным или совсем отсутствовало. Делается также вывод, что участие государства в российских компаниях ограничивает возможности рентоориентированного поведения частных акционеров².

Данные этих и других исследований показывают, что в большинстве случаев показатель производительности труда на предприятиях с любыми формами участия государства существенно ниже, чем в частном секторе. Но это объясняется, кроме прочего, не столько неудачными усилиями государства по управлению собственностью, сколько сосредоточением государственной собственности в непривлекательных сегментах отраслей. Причем акционерные общества со 100-процентным и контрольным пакетом у государства, которые

---

¹ Кондратьев В. Указ. соч. – С. 18.

² Перевалов Ю., Гимади И., Добродей В. Анализ влияния приватизации на деятельность промышленных предприятий. Научный доклад РПЭИ (EERC) № 2К/01. – М., 2000; Кузнецов П., Муравьев А. Структура акционерного капитала и результаты деятельности фирм в России: анализ «голубых фишек» фондового рынка. Научный доклад РПЭИ (EERC) № 2К/01. – М., 2002.

гипотетически должны быть близки к ГУПам по своим показателям, оказались наиболее слабыми из всех АО с государственным участием. Отмечая это, А. Фоминых пишет: «из этого можно заключить, что рынки, на которых оперировали АО с государственным участием, были либо менее закрытыми для других продавцов, либо в пользу первых **перераспределялось** меньше бюджетных средств»¹.

Эффективность того или иного курса экономической политики государства, включая либеральный, превращаются в преимущества, а при ошибочном курсе – в негативные факторы. «К этой категории относится в первую очередь наличие сырьевых ресурсов, особенно нефти и газа. При правильном использовании доходы от этих ресурсов могут обеспечить финансирование развития инфраструктуры и перестройки других секторов экономики. Если же они становятся источником накопления личных состояний на первоначальном этапе реформ, то способны выполнять эту функцию лишь в ограниченных масштабах. Кроме того, появление нуворишей и резкий рост социального неравенства после крушения коммунизма отравляет атмосферу в обществе. Очевидным примером такого развития событий является ситуация в России»².

Как показывает международный опыт, и государство может оставаться собственником акционерных предприятий, работающих прибыльно в рыночной среде без финансовой поддержки из бюджета (Китай, Индия, Бразилия). Это опровергает миф о том, что частная собственность всегда эффективней государственной – тезис, не подтверждаемый серьезным анализом. Во всяком случае, для современного этапа перехода от социализма к капитализму этот вопрос остается открытым.

---

¹ Фоминых А. Сопоставление эффективности государственного и негосударственного секторов: статистический подход // Вопросы экономики. – 2004. – № 9. – С. 70 – 71.

² Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 64.

3.2. СТРАНА ДЛЯ ОЛИГАРХОВ?

Проблемы развития взаимоотношений государства и бизнеса характерны для любой экономической системы: бизнес всегда хочет больше свободы, чем имеет, а государство больше налогов. Иначе говоря, в основе институтов отношений бизнеса и государства лежит принцип обеспечения законом свободы в обмен на эффективность. Даже в развитых странах с их мощной институциональной базой партнерских отношений государственные структуры нередко используются для реализации преимущественно частного интереса. Подобные негативные явления приводят к деформациям в экономической политике, нарушению условий конкуренции, росту недоверия к партнерским отношениям между государством и частным сектором. На практике эти явления часто принимают форму финансовых и прочих злоупотреблений, допускаемых как властью, так и бизнесом. Экономическая политика правящей элиты России, направлена на то, чтобы с помощью правовых и институциональных новаций утвердить курс на превращение страны в корпоративное государство, в котором власть и собственность слиты воедино.

Принципиально важный этап этого пути открыли залоговые аукционы и конкурсы. Именно они, по словам А.А. Мухина, явились «формирующими и мобилизующими» для «олигархов», заложив основу их будущих «империй». Кроме того, по мнению аналитика, на них «обкатывались» и «новые технологии воздействия на власть», а сами крупные предприниматели перешли в категорию «протоолигархов»¹ (или, по выражению Б. Березовского, в «семибанкирщину», получившую это название по количеству бизнесменов, осуществлявших в 1996 г. контроль более чем над половиной российской экономики).

Соглашаясь с такой формулировкой, отметим, что требуется дополнительное разъяснение в вопросе, когда «протоолигархи» перевоплотились в «олигархов». На наш взгляд, это произошло в ходе легализации результатов залоговых аукционов. Смысл инициативы, принадлежавшей группе предпринимателей во главе с Владимиром Потаниным, занимавшим в

---

¹ Мухин А.А. Указ. соч. – С. 8,10.

этот период пост одного из первых заместителей председателя Правительства РФ, заключался в том, чтобы предоставить государству краткосрочный кредит, взяв в залог принадлежащие ему крупные пакеты акций важнейших предприятий, прежде всего, в сырьедобывающем секторе.

В этих целях 30 марта 1995 г. был образован межбанковский консорциум, в который, наряду с «ОНЭКСИМ-банком», вошли банки «МЕНАТЕП» и «Российский кредит». Этот момент, на наш взгляд, и можно считать отправной точкой формирования группы «протоолигархов». Трансформация же ее непосредственно в «олигархов» (или бизнес-элиту), которых сам А.А. Мухин характеризует как «персон, сделавших свое состояние в период приватизации и либерализации экономики, приблизившихся за счет этого к властным структурам» настолько, чтобы «олицетворять собой власть»¹, произошла в 1997 г. в связи с проведением серии аукционов, в ходе которых заложенные пакеты акций, вследствие невозврата кредита, перешли от государства к выделившим его бизнесменам. С того момента взаимосвязь власти и крупного бизнеса перманентно укреплялась. Это привело к тому, что элитные бизнес-структуры стали все активнее восприниматься как часть самой власти, породив сугубо российский феномен в виде социально-политической прослойки «олигархов».

С течением времени в деятельности олигархических структур стала преобладать не экономическая, а политическая мотивация. Данная тенденция была отмечена рядом ученых и политиков, многие из которых рассматривают вопрос о межгрупповой интеграции в рамках стоящего перед Россией выбора между цивилизованными рыночными отношениями и всевластием монополистических групп, использующих эти отношения во вред государству².

По характеристике академика Е.М.Примакова, «миссией олигархов», провозглашавшейся Борисом Березовским и другими представителями крупного бизнеса, являлось «управление государством»³.

---

¹ Там же. – С. 4.

² См., например: *Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс...* – М.: Мысль. – 2001. – С. 231.

³ Там же. – С. 208

А.А.Мухин считает приближенность к власти основным критерием принадлежности к крупному бизнесу. По его мнению, власть сама порождает «олигархию», создавая рядом с собой «всевозможные советы и коллегии»¹.

Участие в залоговых аукционных и приватизационных конкурсах сопровождалось определенными инвестиционными условиями. Это потребовало мобилизации имевшихся у ФПГ финансовых ресурсов, предопределив тесную интеграцию банковских активов с промышленными. Иначе говоря, банковские группы стали превращаться в банковско-промышленные, а сам крупный бизнес от финансовых «пирамид» и ограниченных коммерческих операций стал переходить к более масштабным проектам, нацеленным на развитие связей с международным рынком.

Российские корпорации на первоначальном этапе своего развития пользовались не только откровенной поддержкой со стороны государства, но и удачно сложившейся социальной конъюнктурой. Как справедливо заметил отечественный исследователь Я. Паппэ, «в России большой бизнес сформировался, пожалуй, быстрее и удачнее, чем другие экономические институты, а его удельный вес и роль оказались, пожалуй, выше, чем в большинстве развитых и переходных экономик»².

В итоге к середине 90-х гг. XX века указанные процессы слились воедино, сформировав мощную, долговременную тенденцию. Своеобразным сигналом об их объединении, на наш взгляд, явились итоги Международного экономического форума в Давосе, состоявшегося в начале 1996 г. Обнародованное после него так называемое «обращение тринадцати» – письмо ведущих предпринимателей, – стало прологом к решительной поддержке объединенными силами крупного бизнеса действующей власти, что в немалой степени способствовало победе Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г.

Другим фактором, обеспечившим быстрое укрепление позиций олигархов, явился монополизм российской экономики. Активно способствуя концентрации ресурсов и созданию достаточно замкнутых сфер влияния, он, тем самым, сформирова-

---

¹ Мухин А.А. Указ. соч. – С. 4-5.

² Паппэ Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника. 1992-2000. – М., 2000. – С. 17.

ровал предпосылки сначала для возникновения финансовых и промышленных группировок, а затем – для их концентрации и образования на этой основе мощных конгломератов, охватывающих своим влиянием целые сектора экономики страны.

Возникшая система строилась по принципу: государству – риск, олигархам – прибыли. Пользуясь трудностями правительства, монополии менее чем за два года подняли доходность операций с ГКО до 350 % годовых и выше, втянули в них практически все средства финансового рынка – валютного, ссудного, фондового. Когда деньги иссякли, олигархические банки бросили на сделки с гособлигациями накопления граждан, предприятий, инвестиционных и пенсионных фондов, страховых компаний.

Под нажимом монополий правительство объявило в 1998 г. дефолт, то есть приостановило обслуживание государственных долгов и всех внешних обязательств российского бизнеса. Одновременно оно выполнило и другое требование «энергосырьевиков»: в четыре раза девальвировало рубль. Для сохранения рентабельности производства при снизившихся мировых ценах, крупные корпорации экспортных отраслей промышленности надеялись не обесценение национального дензнака хотя бы на 30–50 %. Получили же 400 %, которые вскоре превратились в 500 % из-за последовавшего скачка инфляции.

Это была новая экспроприация гигантской части национального капитала в пользу монополий и западных кредиторов. В результате девальвации, падения ориентированного на внутренний рынок производства и сбора налогов, российский ВВП в 1998 г. сократился втрое – до 150 млрд долл. США, и стал меньше, чем у Бельгии. Капитализация рынка ценных бумаг упала с 200 млрд до 10–20 млрд долл. США. Россия превратилась в одного из крупнейших должников в мире. Ее официальные внешние обязательства выросли до 220 млрд долл. США (165 млрд – долги государства, 30 млрд – банков, 25 млрд – компаний). Данная сумма была в пять раз больше всех годовых доходов казны и равнялась 147 % ВВП¹.

Не менее важным в этом плане является политическая сторона вопроса. Один из наиболее последовательных крити-

---

¹ См.: Общество и экономика. – 2005. – № 10-11. – С. 78-79.

ков радикально-либерального варианта реформ, экономист Михаил Делягин, например, отводил новым корпорациям роль «государственной скрепы», компенсирующей угрозу распада властной вертикали¹.

В проведении указанной линии либералы опирались на финансово-экономический альянс крупных государственных структур, включавших Центральный (ЦБ) и Сберегательный (СБ) банки Российской Федерации, Внешторгбанк (ВТБ) и Внешэкономбанк (ВЭБ), контролирующуюся Центральным банком систему бывших советских зарубежных банков, а также ряд других финансовых и промышленных структур. Некоторые из исследователей именовали этот альянс не иначе, как «сверхкоалицией»².

Первоначально в основу отношений власти и крупного капитала были положены два тезиса, сформулированных главой государства во время первой встречи с предпринимателями:

- «равное удаление» различных ФПГ от власти и политического участия;
- социальная ответственность бизнеса и его участие в крупных проектах, осуществляемых государством.

Эти предъявленные властью требования можно дополнить отказом от информационных войн против государства, а также друг против друга, если это оказывает негативное воздействие на государственные интересы и общественно-политическую стабильность. Кроме того, в условиях формирующегося «режима управляемой демократии», по мнению А.А. Мухина, весьма актуальной становится общая лояльность власти. Смысл этих инноваций он видит в том, чтобы аннулировать прежние договоренности, спровоцировать серию новых войн за собственность, а также заставить крупный бизнес играть по правилам власти, отлучив его от бюджетных источников³.

Выживают в этих условиях не все, а только те, кто смог переориентироваться на деятельность внутри страны, пере-

---

¹ См.: Делягин М.Г. Олигархиада // Совершенно секретно. – 2001. – № 4. – С. 10-11.

² Черников Г.П., Черникова Д.А. Кто владеет Россией? – М.: Центрполиграф, 1998. – С. 38-39.

³ Мухин А.А. Указ. соч. – С. 11, 4-5.

неся, в частности, свою активность в субъекты РФ. Те же, кто был слишком тесно связан с иностранными партнерами и выступал фактическим проводником транснациональных интересов, оказались вне игры, либо лишившись своих активов, как например, Владимир Гусинский, либо, подобно Борису Березовскому, очутившись в вынужденной эмиграции.

Комментируя эти перемены, О. Крыштановская отмечает: «В посткризисный период изменилась не только сама бизнес-элита. Изменилось и ее влияние на политический процесс. «Старые» олигархи ельцинской эпохи уходят в тень, уступая место новой генерации предпринимателей. Эти «новейшие русские» более провинциальны, теснее связаны с отечественной промышленностью, не так наивно амбициозны. Катастрофы «старых» олигархов, пострадавших от своей близости к власти, научили их осторожности. Новые олигархи стараются не эпатировать публику, не бахвалиться своим богатством, а пытаются выстраивать прочные и неброские отношения с истеблишментом на всех уровнях, действуя все чаще не лично, а через своих представителей»¹.

Среди новых тенденций в развитии бизнес-элиты автор выделяет следующие:

- укрепление государства поставило крупный бизнес в более жесткие рамки и ограничило свободу их действий, что в целом привело к снижению его прямого влияния на политические процессы. Прежде всего, это коснулось кадровой политики, где государство вернуло себе роль главного управляющего, и публичной политики в СМИ. Оппозиционно настроенные СМИ были переданы в руки тех структур, которые доказали свою лояльность; методы грубого диктата со стороны бизнес-сообщества в политической сфере сменились на различные формы диалога с властью;
- происходит вытеснение московского капитала из регионов и усиление концентрации власти на региональном уровне; в то же время в ряде республик продолжается процесс сращивания бизнеса и власти и образования местных олигархий;
- меняются интересы крупного бизнеса: если сперва они касались, лишь, привилегий для своих компаний, то с ростом

---

¹ Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элиты в России: 1998-2000 // СОЦИС. – 2002. – № 8. – С. 24.

масштаба их деятельности лоббистские устремления предпринимателей стали распространяться на законодательное регулирование экономики в целом. Это привело к возрастанию экономического влияния частного бизнеса, которое в какой-то степени компенсирует утраченное политическое могущество;

- крупный бизнес становится пристанищем для многих отставных политиков. В высшем руководстве практически всех крупных коммерческих структур присутствуют бывшие высокопоставленные чиновники, министры и прочие сановники структур исполнительной власти. Политика «равноудаления» для крупного бизнеса означает выбор: или поддерживать власть во всех ее начинаниях, или «уйти в тень». Новая власть занята восстановлением государственных механизмов, которые на время были приватизированы бюрократами и бизнесменами. При новом порядке нет места реальной оппозиции, непредсказуемым выборам и своенравным олигархам¹.

Несмотря на то, что персональное влияние олигархов первой волны заметно снизилось, роль крупных бизнесменов в обществе в целом имеет тенденцию к возрастанию. Удельный вес ставленников бизнеса в различных органах власти заметно вырос: в целом по всем элитным группам рост представительства бизнеса во власти увеличился более чем в два раза.

В оценках формирующихся тенденций, а также последствий новой политики большинство экспертов существенно расходятся. В наиболее концентрированном виде вся совокупность существовавших (и по-прежнему существующих) ожиданий и взглядов отражена Я. Паппэ в заключении к книге «Олигархи». «Одни, – пишет он, – указывали на неизбежность нового передела собственности, другие заявляли о полной смене сложившейся парадигмы отношений государства и бизнеса..., третьи просто попытались под шум предвыборной кампании провести выгодные для себя решения»². Следует признать, что в указанный контекст, в целом, укладывается абсолютное большинство высказанных за прошедшее время точек зрения.

Евгений Ясин, например, в отличие от того же Алексея Мухина, считающего, что принцип «равного удаления» не

---

¹ См. Крыштановская О.В. Указ. соч. – С. 27 – 28.

² Паппэ Я.Ш. Указ. соч. – С. 195.

сработал и обвиняющего власть в непоследовательности¹ напротив, указывает, что бизнесменам, вместо попыток установления двусторонних отношений с Кремлем, следует консолидировать свои требования, чтобы совместно противостоять осуществляемому на них давлению².

Нестабильность «правил игры» и неустойчивость экономической ситуации побуждают бизнесменов, особенно крупных, заручаться поддержкой в органах власти и государственных структурах.

С другой стороны, государственная бюрократия также заинтересована в сближении и даже сращивании с бизнесом для совместной защиты общих корпоративных интересов. Такова специфика согласования интересов власти и бизнеса в современной России. Развитие ситуации показывает, что курс на «равное удаление» ФПГ от центров политической власти, призванной регулировать согласование интересов государства и бизнеса, будучи не реализованным в полной мере из-за обострившейся внешней обстановки, а также очередного выборного цикла, совершил постепенную трансформацию в новый виток противоречий.

Свои позиции в экономической и политической жизни крупный бизнес несколько утратил, но не утратил стремления к их восстановлению и укреплению. Данная тенденция в связи с ее принципиальной новизной, по нашему мнению, является настолько важной, что имеются основания выделить ее в отдельный период эволюции отношений корпоративного капитала и власти в России.

Возникшие в ходе изложенных ранее процессов олигархические группировки отличаются от большинства западных, причем, принципиально.

Во-первых, они образовались в кратчайшие сроки, как итог бурного и непродолжительного периода «первоначального накопления» капитала, частью которого явилось получение из рук государства собственности в рамках сделок, легитимность которых весьма сомнительны. В отличие от России, в большинстве западных стран этот процесс занял многие десятилетия и, в целом, проходил в рамках постепенно эволюционирующего законодательства.

---

¹ Мухин А.А. Указ. соч. – С. 5.

² См.: Ведомости. – 2002. – 4 апр.

Во-вторых, правовая регламентация деятельности российских корпораций морально устарела и не соответствуют сегодняшней роли, которую играют (или пытаются играть) ФПГ. Это приводит к правовым перекосам, находящим выражение в «силовом» характере борьбы за передел собственности, захвате предприятий с помощью силовых структур, заказных убийств и пр. В результате значительная, если не преобладающая, часть деятельности олигархических групп протекает в теневой сфере.

В-третьих, политическое влияние крупного капитала также реализуется, в основном, «в тени», поскольку тесно связано с лоббистской деятельностью, осуществляемой в соответствии не с государственными, а с корпоративно-групповыми интересами. Происходит это потому, что порядок и правила такой деятельности до сих пор не урегулированы в законодательном плане.

По мнению многих исследователей, современное российское государство само есть «комитет по управлению делами олигархов». Известный экономист С.М. Меншиков пишет: «И если олигархи недовольны президентом и правительством, то главным образом потому, что ждут от них больше пользы для себя и хотели бы либо сами управлять государством, либо иметь там своих прямых приказчиков. Равноудаленность, провозглашенная Владимиром Путиным, их не устраивает, как и его двусмысленная позиция по приватизации: в принципе ее не пересматривать, но и амнистии за нарушения закона не объявлять»¹.

Таким образом, изыскиваются паллиативные решения дилеммы взаимодействия власти и бизнеса. Учитывается ли при этом международный опыт? Разумеется, учитывается, но лишь в той мере, в какой он соответствует избранному курсу. Россия, как всегда, идет своим, особым путем.

Для России, по-видимому, более всего приемлема концепция социального рыночного хозяйства, которое, в целом, наглядно подтвердила свою эффективность за сравнительно короткий отрезок времени в Германии, Швеции и других западноевропейских странах.

---

¹ Меншиков С.М. Указ. соч. – С. 5 – 6.

Почему до сих пор в России не удалось выйти на подобный путь социально-экономического развития? Что надо сделать для этого?

Отвечая на эти вопросы, экономист А.В. Семенов указывает, что экономический строй призван решить две проблемы: ввести хорошо функционирующую хозяйственную систему, в рамках которой правильно определялось бы, что и в каких количествах следует производить, каким образом это должно быть произведено; разрешить проблему экономического стимулирования, побуждающего людей к усердному труду, к созданию максимального количества жизненных благ наивысшего качества. Но это достижимо только при наличии рационально организованного современного конкурентного рынка в органическом сочетании с разумным, четким государственным регулированием.

Под таким экономическим порядком автор понимает совокупность правил и норм, касающихся организационного строения народного хозяйства, призванная решить три задачи в обществе: сформировать и обеспечить работоспособность экономики, осуществлять координацию всех видов общественной деятельности, обеспечить достижение политической цели¹.

Уже многие годы в мире возрастает интерес к проектам развития инфраструктуры, в финансировании и управлении которыми участвуют государство и частный бизнес, что сопровождается повышением роли государственного управления. Принимаются меры для поддержки механизмов такого партнерства, главным образом в индустриально развитых государствах. Причем социальная направленность взаимодействия власти и бизнеса сохраняется и даже усиливается и в тех случаях, когда проводятся меры по масштабной приватизации.

Об этом свидетельствует, например, опыт Великобритании, где еще в 80-х гг. XX века правительство М. Тэтчер стало осуществлять широкую программу приватизации. Были проданы государственные пакеты акций предприятий угольной, сталелитейной и автомобильной отраслей промышленности, проведена приватизация компаний секторов общественных услуг в сфере телекоммуникаций, энергетики, железных до-

---

¹ См.: Семенов А.В. Экономика и общество: процессы модернизации и трансформации (вопросы теории). – М., 2001. – С. 272, 273.

рог и т.д. По закону о «частной финансовой инициативе» реализовано более 450 проектов на общую сумму свыше 30 млрд евро в сферах дорожного хозяйства, транспорта, здравоохранения, охраны правопорядка и обороны.

Причем проекты стоимостью более 150 млн евро составляют около 7 % их общего числа, а стоимость большей части реализованных проектов – 1,5-30 млн евро. По оценкам министерства финансов Великобритании, в период с 2002 по 2005 гг. в договорном порядке инвестировалось 36 млрд долл. США.

Численность стран, в которых в различных формах развивается партнерство государства и частного сектора, постоянно растет. По мнению Л. Шарингера, в настоящее время проявляются следующие тенденции: в Ирландии, Португалии, Испании и Италии приняты законодательные акты, облегчающие партнерство государства и частного сектора в реализации проектов; в Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Польше проводятся меры по реализации совместных проектов; в Канаде и Австралии концепция партнерства государства и частного сектора включена в правительственные программы; в Китае, Малайзии, Аргентине и ряде других стран разработаны экономические программы при участии государства и частного бизнеса.

Система партнерских отношений между государством и частным бизнесом – один из основополагающих элементов функционирования смешанной экономики. Она проявляется на практике в форме определенной институциональной среды и структуры отношений и включает широкий спектр видов деятельности. Из всего многообразия экономических функций государства главное – это формирование институциональной среды, составной частью которой и являются институты партнерства. Сложные формы ведения современного хозяйства невозможны без прямого участия государства в деятельности отраслей и сфер экономики. В той институциональной форме, в какой партнерство существует, оно представляет собой новую ступень государственного регулирования экономики, призванную играть существенную роль в развитии современных рыночных структур¹.

---

¹ См.: Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: теория и практика // МЭиМО. – 2002. – № 7. – С. 29 – 30.

Эффективная реализация партнерства обусловлена наличием гражданского общества, которое предполагает существование атрибутов демократических, рыночных отношений, таких, например, как доминирование закона, политический плюрализм, частная собственность, предпринимательство, прибыль, конкуренция, производство и распределение, движение капиталов, экономические стимулы и интересы и т.п. Все они обладают известной автономностью, относительно независимыми внутренними связями и закономерностями. Словом, вся эта совокупность горизонтальных социальных связей, объединений, созданных свободными и социально ответственными индивидами для защиты своих интересов, отделена от государства и его институтов. Это – демократическое правовое общество, в котором есть место любым организациям и инициативам, соблюдающим его законы, включая и финансово-промышленные группы, которые занимают влиятельное положение во всех демократических странах.

В таком обществе не место давлению. Оно открывает возможности для бюрократов осуществлять реальный контроль за деятельностью предприятий, а также заставляет бизнес ориентироваться на неформальные отношения с органами власти с целью получения привилегий и льгот, побуждает переводить часть своего бизнеса в теневые сферы. Подобная система отношений между бизнесом и властью зачастую устраивает обе стороны, каждая из которых извлекает из нее свои выгоды.

В подобных условиях бизнес вынужден искать такие источники влияния, которые позволили бы ему не доводить конфликты с исполнительной властью до судебных органов. Оптимальным способом, понятно, является овладение самой властью. На федеральном уровне этот способ реализуется не только путем проникновения представителей бизнеса в государственные органы управления, но и посредством воздействия, включая коррупционное, на политические и общественные объединения, прежде всего, партии. Отметим при этом, что дифференциация основных олигархических группировок по этому признаку существенно затруднена сложностью доступа к информации, тщательно охраняемой большинством крупных бизнесменов, а также характером теневых

связей, которые, в условиях отсутствия закона о лоббистской деятельности, как правило, реализуются на уровне личных договоренностей.

С введением в действие Федерального закона «О политических партиях», придавшего институту партий и многопартийности федеральный статус, политическая активность предпринимательских кругов все более четко фокусируется на предвыборной борьбе. К чему ведет активное участие в ней крупного капитала?

По мнению Е.Г.Ясина, автора одной из программных статей, посвященных этой проблематике, политическое представительство бизнеса в лице партий, равно как и поддержка организаций и институтов гражданского общества представляют собой инструменты, при помощи которых предприниматели решают главную задачу: «уравновешивают бюрократию и подпадающую под ее влияние власть»¹. Автор убежден в том, что и партии правительственного большинства и оппозиции в равной мере могут отстаивать «общие интересы бизнеса и свободного развития страны»².

Противоположной точки зрения придерживается О.В. Гаман-Голутвина, считающая, что тенденция превращения ФПП в основной элемент «селектората»³ возрождает традицию формирования общественного строя в России сверху⁴, на которую в начале XX века указывал известный русский политик и мыслитель П.Н. Милюков⁵.

Украинский кризис обнаружил опасную тенденцию использования олигархами в своих интересах радикальных партий и движений националистического толка, ориентирован-

---

¹ Ясин Е.Г. Социальная сила бизнеса // Ведомости. – 2002. – 4 апр.

² Там же.

³ «Селекторат» – система групп, осуществляющих отбор кандидатов для органов власти, по мнению Беста Г. и Котты М., является ключевым элементом системы рекрутирования парламентского корпуса. – Цит. по: Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. – М.: Изд-во ИСП РАН, 2003. – С. 159.

⁴ Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. – С. 159.

⁵ Там же. – С. 161.

ных на дестабилизацию обстановки. Последуют ли их примеру российские олигархи?

Определенные движения крупного бизнеса в этом направлении имеют место. Они выражаются в поддержке так называемых «новых правых», которая стимулирует их попытки создать экстремистскую партию с идеологией, сочетающей православие и национализм.

Взаимное переплетение политических аспектов деятельности с экономическими на уровне крупных корпораций, а, тем более, супергрупп, приводит к тесной корреляции их интересов, причем, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Все большее количество политиков, ученых и экспертов отмечают возобновление и даже углубление приостановившегося было с приходом В.В. Путина смыкания бизнеса с властью и усиления его влияния на политическую жизнь, что представительство крупного бизнеса во властных структурах по сравнению с концом 90-х гг. прошлого века выросло более, чем вдвое. В связи с этим актуальным остается вопрос о допустимых пределах политического влияния на власть крупного бизнеса. Ответ на него дали результаты президентских выборов 2012 г., которые совершенно четко ограничили эти пределы политической волей вновь избранного президента В.В. Путина.

Тем не менее, власть реагирует на политическую активизацию бизнеса довольно противоречивыми мерами. С одной стороны, ослабление административных барьеров на пути развития бизнеса или «дебюрократизация» экономики в последнее время образует важное направление экономической политики государства. В нулевых годах был принят ряд нормативных актов, направленных на устранение избыточного административного давления на бизнес (в частности, Федеральные законы «О лицензировании отдельных видов деятельности» и «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», и отменен ряд самых одиозных постановлений, ассоциировавшихся с административными барьерами.

С другой стороны, противоположная тенденция, связанная с принятием новых нормативных актов, формирующих

административные барьеры, на данный момент продолжает иметь место и на федеральном, и на региональном уровнях. Видимо потому что, она базируется на утвердившихся уже институтах, которые, образуют устойчивые структуры обязательных правил ведения хозяйственной деятельности на рынках товаров и услуг, сковывающих частную инициативу.

Надо отметить, что и в странах развитого капитализма отношения между властью и бизнесом никогда не были и не являются вполне гармоничными. Так, согласно опросу, проведенному аудиторской компанией Pricewaterhouse Coopers, в котором приняли участие 992 президента компаний Европы, Азии, Северной и Южной Америки, 48 % респондентов опасаются терроризма и глобальных военных действий, а 49 % – чрезмерного государственного регулирования, причем представители европейских компаний боятся бюрократов больше, нежели войн и терактов.

Авторы доклада Экспертного института отмечают: «Отношения власти и бизнеса никогда и нигде в мире не были безоблачными. Определенный элемент противостояния заложен в них самой природой власти и бизнеса. Поэтому проблему представляет не наличие такого рода конфликта, а уровень, степень остроты и форма его протекания, а также механизмов полноценного двустороннего диалога между бизнесом и государством порождает кризисную форму развития социально-экономических процессов»¹.

Передача объединениям предпринимателей от государства функций контроля и регулирования активизировалась после принятия законов о регистрации предприятий, о лицензировании и о процедуре проверок деятельности предприятий и индивидуальных предпринимателей, а также закона о стандартизации (технических требованиях) продукции. Декларированной целью данного процесса было кардинальное улучшение предпринимательской среды. Эти законы получили название законодательного пакета по дерегулированию.

Под дерегулированием в ведущих странах мира понимается процесс отхода государственных структур от ряда функций контроля и регулирования в экономической сфере. Он

---

¹ См.: Общество и экономика. – 2005. – № 6. – С. 49 – 50.

включает: реструктуризацию самого государственного аппарата; изменение способов госрегулирования и контроля; поддержку развития некоммерческих и общественных организаций как важнейших институтов современного гражданского общества, как дополнения к рынку и замене некоторых институтов государства.

Процесс дерегулирования охватил практически весь мир, будучи обусловлен возможностью повышения эффективности производства за счет снятия бюрократических ограничений. Специальные меры по дерегулированию проводились в США, европейских странах, Японии, Австралии и других государствах. Пересмотр законодательства, реорганизация контролирующих органов, радикальное расширение прав институтов общественного самоуправления, включая общественные организации предпринимателей, возведены в некоторых странах в ранг приоритета государственной политики.

Недостаточное развитие гражданского общества в РФ, особенности сложившейся политической системы и конституционного распределения полномочий между различными органами и ветвями власти, а также специфика социальной дифференциации, в рамках которой корпоративные (групповые) факторы доминируют над социально-политическими (партийными) являются причинами, по которым определенная часть функций, свойственных партиям, фактически перешла к крупному бизнесу.

В последние годы российские корпорации активно диверсифицируют методы и инструменты своего влияния на власть, пытаясь добиться оптимального сочетания теневых форм политического участия с публичными.

Большое внимание олигархический капитал уделяет формированию объединений, которые являются легальными лоббистскими структурами. Деятельность подобных структур прошла длительную эволюцию. Как правило, они создавались для решения весьма ограниченного круга конкретных задач и сразу после их достижения (или неудачи) распадались.

В России возник широкий спектр отраслевых лоббистских объединений. Основной проблемой в их деятельности стало запутанное переплетение интересов трансотраслевых групп влияния и более мелких «отраслевиков», которое при-

водило к острым конфликтам. Этим во многом объясняется недостаточная эффективность их деятельности в политической сфере и отсутствие конкретных результатов, за исключением поддержания диалога с властью.

В последние годы сложилась система легальных лоббистских структур, которые как властью, так и бизнесменами рассматриваются как своеобразные площадки для ведения диалога и обмена мнениями. Система носит трехзвенный характер, каждый элемент которой соответствует уровню предпринимательской деятельности. Крупный бизнес с октября 2000 г. объединен в Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) (руководитель Фонда «Политика», В. Никонов характеризует его как «профсоюз бизнеса»)¹.

Средний и малый бизнес объединен в других структурах – движении «Деловая Россия» и объединении предпринимательских организаций России (ОПОРА). Предполагается, что управление инфраструктурой легального лоббизма реализуется Торгово-промышленной палатой Российской Федерации (ТПП РФ).

О руководящей роли власти в этом процессе наглядно свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, движение «Деловая Россия» возникло в начале 2001 г. в качестве межфракционной депутатской группы в Государственной Думе ФС РФ. Но затем участники группы, включавшей 48 депутатов, вышли из-под контроля олигархов, объединив вокруг себя общественные структуры среднего бизнеса. Ясно, что без поддержки власти на это они не решились бы.

Во-вторых, усилиями администрации была создана определенная система «сдержек и противовесов», которая заключается во взаимной конкуренции и противоборстве РСПП и ТПП РФ, в руководство которых входит большинство крупных бизнесменов.

Важное направление политической активности корпораций представлено укрепляющимся влиянием ФПГ на политические партии, ведущим к усилению корпоративной мотивации их деятельности. С одной стороны, эта тенденция в некотором роде выглядит возвратом к протопартиям – сословным и клановым элитным группировкам, которые участвовали в

---

¹ См.: Сегодня. – 2000. – 20 нояб.

политическом процессе в рамках докапиталистических отношений. С другой, с учетом пусть недостаточной, но постоянно возрастающей публичности ФПГ, имеет смысл говорить о том, что в России постепенно формируется прототип корпоративно-политических организаций, сочетающих групповой срез социальной дифференциации с социально-политическим, а теневые формы деятельности – с публичными.

На этой основе возникла возможность формирования принципиально новых организаций, соединяющих социально-политические и идеологические формы электоральной мобилизации с корпоративными, что подтвердило непосредственное участие различных ФПГ в формировании центристского парламентского большинства в Государственной думе и создание на его основе партии «Единая Россия».

В западной политологии данная проблема еще в 50-е гг. XX века была поднята Р. Миллзом, выдвинувшим тезис о том, что демократические институты США, включая партии, в основном служат «ширмой», прикрывающей «корпоративность» государства и его институтов. О.В. Крыштановская, отмечая идеологическое сближение представителей «новой волны» крупного бизнеса с выходцами из советского директорского корпуса, превратившихся в крупных собственников, подчеркивает антилиберальный и даже «имперский» характер взглядов, доминирующих в настоящее время в российском бизнес-сообществе¹.

Показательным примером попыток крупного бизнеса овладеть фактическим контролем над партиями и таким образом продвинуть свои интересы во власти является проект перехода к парламентской форме правления, разработанный, по свидетельству ряда источников, аналитическими структурами компании «ЮКОС»².

Однако данная инициатива встретила жесткое противодействие со стороны президента России В.В. Путина, который подвел итог развернувшейся по этому поводу полемики заяв-

---

¹ См.: Компания. – 2003. – № 18. – 12 мая. – С. 25.

² Путь национального успеха. Манифест партии «Единая Россия». – М.: Агропринт, 2003.

лением о недопустимости изменения действующей Конституции¹.

Несколько ранее, в Послании 2003 г. Президентом РФ было заявлено о необходимости существенного повышения прозрачности партийной деятельности, прежде всего, в финансовой сфере². Что поставило реализацию планов частичной «приватизации» партий крупным бизнесом перед весьма сложными проблемами.

Поскольку идеологическая платформа крупного бизнеса эволюционирует от либеральных ценностей к традиционалистским, в эту же сторону действуют и партии – как близкие к власти, так и оппозиционные. Закономерным результатом данного процесса стало формирование так называемой идеологии «национального успеха», выдвинутой партией «Единая Россия»³. Основу этой системы взглядов составляет требование широкой консолидации общественно-политических сил, необходимой для выполнения ряда общенациональных задач, одинаково актуальных для всех социальных слоев и групп российского общества⁴.

Унификация социально-политических интересов, вплоть до стирания принципиальных различий между партийно-идеологическими платформами, а также зависимость партий от крупного бизнеса, ставит в повестку дня вопрос об их постепенном переходе к отстаиванию корпоративных интересов. При дальнейшем развитии этой тенденции появляется реальная перспектива превращения партий в своеобразные «отделы публичной политики» крупных ФПГ. Разворачивающаяся между ними борьба в этих условиях будет протекать преимущественно в корпоративной плоскости и по второстепенным вопросам, не затрагивающим основ конституционного строя и сложившейся системы мировоззренческих и ценностных установок.

---

¹ См., например: *Белковский С.Н.* Одиночество Путина // *Завтра*. – 2003. – № 19. – 7 мая; *Андрусенко Л.А.* Эффект Ходорковского // *Смысл*. – 2003. – № 8. – 16-31 мая.

² *Российская газета*. – 2003. – 21 июня.

³ *Российская газета*. – 2003. – 17 мая.

⁴ Там же.

Почва для этого, в целом, уже создана фактическим вхождением ФПГ в сферу влияния различных супергрупп. Если это разделение сохранится, велика вероятность формирования двухпартийной системы, один из субъектов которой сформируется на либерально-консервативной основе, а другой – на социально-либеральной. Подобная система может углубить социально-политическое размежевание в российском обществе, привести к радикализации националистических и крайне левых течений.

Вероятность такого развития событий обусловлено, в частности, отсутствием демпфирующих факторов. В США, например, к таковым относятся высокий уровень жизни, развитая система социального вспомоществования, мощные профсоюзы, компенсирующие отсутствие социально ориентированных партий.

Указывая на объективный характер тенденции по усилению корпоративизма в партийной деятельности в РФ, отметим, что обращение ее вспять возможно только при формировании устойчивой социальной структуры с доминированием среднего класса, конкурентной экономической средой, а также широкой системой горизонтальных социальных связей, свойственных развитому гражданскому обществу. Что из этого следует?

Прежде всего, обращает на себя внимание продолжающееся проникновение крупного бизнеса во власть, а также разрастание этого процесса до масштабов, при котором демократические институты становятся все более зависимыми от корпоративизма политической системы. Вопреки распространенному мнению, это отнюдь не сугубо российское явление, обусловленное трудностями и противоречиями переходного периода. Формирование основ корпоративного государства в России – закономерный результат некритического заимствования и копирования социально-экономических и политических схем, лежащих в основе государственного устройства ведущих стран Западного полушария, прежде всего, США. Конечно, определенную роль в данном выборе сыграли и собственно российские особенности, в частности, экономический монополизм, а также неразвитость гражданского общества и его институтов, доставшиеся в наследство от коммунистиче-

ского режима. Альтернативу такому устройству демонстрируют страны Европейского союза, экономические и политические системы которых поражены корпоративизмом гораздо в меньшей степени, чем это имеет место в США и Российской Федерации.

Представители крупного бизнеса, усиливая свое влияние на политические партии, главным образом, с целью добиться расширения вторичной структуризации Государственной думы и связанных с этим лоббистских возможностей. В этом же направлении действует то и дело возникающая инициатива по переходу к парламентской форме правления, в рамках которой исполнительную власть предлагается передать правительству, формируемому и ответственному перед контролируемым ФПГ партийным большинством Государственной думы. Эта практика встретила достаточно жесткое противодействие со стороны центральной власти. Шансы на ее реализацию, на наш взгляд, невелики, ибо подобное перераспределение полномочий требует конституционной реформы.

Первой тенденцией, проявившейся в качестве реакции на изменившиеся условия, можно считать участие крупных предпринимателей в формировании властной вертикали, укрепление которой осуществлялось взамен действовавшей ранее системы политических сдержек и противовесов.

Взаимоотношения государства и крупного бизнеса претерпели существенные изменения. Если раньше положение в экономической элите определялось финансовым весом и автономными политическими ресурсами, то в настоящее время ключевым является место бизнес-элиты в иерархически построенной и институционально закрепленной системе отношений с властью. Иначе говоря, эволюция направлена от доступа к власти к месту во власти. В ходе этой эволюции происходит отказ от активного политического участия, который гарантирует соблюдение государством бизнес-интересов. Причем, от такого решения вопроса выигрывает не только власть, но и крупный бизнес, который получает возможность избавиться от чрезмерной государственной опеки.

По мнению А.Л.Мухина, корпорации «держатся на некотором расстоянии от Кремля, однако время от времени та или иная «приближается» на длительный или короткий срок, в

зависимости от своей полезности команде Путина, которая декларирует приоритет государственных интересов»¹.

Сравнивая эту модель с той, что имела место при президентстве Ельцина, О.В. Крыштановская отмечает, что в тот период центров власти было много, а сейчас «маятник качнулся в обратную сторону», в результате чего «восстановилась кремлевская пирамида власти»².

Экономист В. Мау считает, что из трех возможных вариантов экономического развития – «дирижистского», связанного с активным государственным регулированием, «либерального», предполагающего полный уход государства из экономики, и «институционального», основанного на стимулировании предпринимателей и инвесторов к работе на внутреннем рынке, правительство избрало последний, отвергающий любые крайности. Исходя из этого, автор предлагает не противопоставлять государственное участие в экономике деятельности ФПГ и ВИК, а совместить обе тенденции, разработав соответствующие меры макроэкономической и институциональной политики. Их цель – поддержка инвестиционной активности «олигархов» при одновременной нейтрализации любых попыток монополизировать рынки. Только таким образом, – указывает автор, – мы сможем добиться превращения ФПГ и ВИК в важный инструмент совершенствования рыночной демократии»³.

Сегодня Россия стоит вновь перед сложными дилеммами. Одна из них предполагает окончательное срастание крупного бизнеса с властью и формирование корпоративной модели, опирающейся на государство и воспроизводящей многие черты советского отраслевого монополизма. Эффективность такой модели может быть высокой только в условиях постепенного ужесточения политического режима, вплоть до придания ему определенного набора признаков авторитаризма. Другой путь предполагает демонополизацию с формированием открытой экономики конкурентного типа. Именно по такому пути в конечном счете пойдет Россия, уверял на Всероссийском форуме промышленников и предпринимателей в Краснодаре в

---

¹ Мухин А.А. Указ. соч. – С. 29.

² Компания. – 2003. – № 18. – 12 мая. – С. 27.

³ Коммерсантъ. – 2002. – 28 янв.

конце января 2008 года Д.А. Медведев, заявивший, что в XXI веке госкапитализм не может быть эффективным, а создание в России госкорпораций – явление временное¹.

Формирование крупного капитала происходило в несколько этапов, на каждом из которых решался вполне определенный круг задач. В ходе этого процесса возникло противоречие между монополистической и либеральной линиями экономической политики, в основе которой лежало специфическое видение перспектив развития России. «Монополисты» апеллировали к сложившейся структуре экономики, требуя прямого участия государства в управлении протекающими в ней процессами. «Либералы», напротив, считали необходимым разрушить эту структуру, образовав ее заново на базе стихийно формирующихся рыночных связей.

Поскольку обе позиции были представлены в правительстве РФ и других государственных органах, их противостояние, в целом, способствовало сохранению баланса между дирижизмом и реформизмом. С другой стороны, этот баланс в определенном смысле препятствовал динамичному экономическому развитию России, ибо консервировал модель «двух экономик» – сырьевой, ориентированной на экспорт и потому инвестиционно привлекательной, и обрабатывающей, лишенной инвестиций и из-за этого находившейся в состоянии перманентного кризиса.

В условиях перехода предприятий реального сектора экономики в собственность финансово-промышленной олигархии, возникла новая форма идентичности – корпоративная, которая, несмотря на неустойчивость, в короткие сроки стала доминирующей. Укоренение корпоративизма происходило на протяжении всей постсоветской трансформации, дополнительно усугубляясь неразвитостью структур гражданского общества и правового государства. Институциональная слабость законодательных органов власти, фактически лишенных управленческих функций, и, главное, механизмов контроля над деятельностью исполнительной власти, а также отсутствие законодательно оформленных норм и правил регулирования лоббистской деятельности привело к укреплению

---

¹ Ведомости. – 2008. – 1 фев.

нию позиций ФПГ и превращению их в активные субъекты политики, непосредственно влияющие на власть.

Взаимодействие бизнеса с государственными институтами, властными структурами и политической элитой способствует концентрации групповых интересов корпораций, объединяя финансово-промышленные группы вокруг конкурирующих бизнес-центров – супергрупп, отличающихся от обычных ФПГ более высокими политическими амбициями и возможностями влияния на власть.

Сложившаяся ситуация достаточно противоречива: российский капитал в целом политически еще не вполне определен. Бизнес в настоящее время находится как бы на перепутье, пытается найти наиболее приемлемое для себя место в системе приоритетов и интересов – от государственных до корпоративных. Именно поэтому однозначного ответа на вопрос, в какой мере отечественный капитал повлияет на дальнейшее развитие страны, остается открытым. Сейчас можно говорить лишь о тенденциях, определяющих динамику отношений власти и бизнеса, развития форм и способов их взаимодействия.

Последующая эволюция взаимодействия «государство – бизнес» будет, по-видимому, связана с выбором одного из двух вариантов – корпоративного и конкурентного. Первый предполагает дальнейшее вовлечение крупного бизнеса во власть и его тесное переплетение с государственными и политическими институтами. При этом баланс основных групповых интересов скорее всего сохранится, но в ходе «межвидовой» борьбы будет подвергаться динамичным изменениям.

Даже полная победа одной супергруппы над другой, скорее всего, не приведет к установлению монолитной власти. Ибо, как показывает опыт новейшей российской истории, в стане победителей неизбежно обнаружатся новые очаги напряженности, обусловленные переходом в открытую форму противоречий, которые раньше, на фоне совместной борьбы с общим противником, пребывали в латентной форме.

Конечно, нельзя исключать перспективу прихода к власти прямого ставленника крупного бизнеса. Но, думается, если это и произойдет, то в неявной форме и в рамках изменения конституционно-правового поля, например, путем пере-

хода от президентской формы правления к парламентской. Одним из возможных вариантов можно считать обсуждаемый экспертами опыт Франции, с присущим ей двоецентрием исполнительной власти и передачей функций управления текущей экономической и хозяйственной жизнью в ведение полномочного правительства, формируемого парламентским большинством.

Второй вариант – конкурентный – маловероятен, поскольку налицо общее затухание демократических процессов в российском обществе, снижение общественно-политической активности, уровня неформальных связей, которые образуют основы гражданского общества в том виде, в каком оно существует на Западе. Кроме того, процесс разрушения советского монополизма, так и не доведенный до конца в ходе реформации 90-х гг. XX века, сегодня сталкивается с другим, прямо противоположным процессом, который можно охарактеризовать как «встречную» монополизацию. Наглядным примером является формирование государственных корпораций и их утверждение в качестве влиятельных субъектов российской экономики.

Сравнительный анализ взаимодействия государства и бизнеса в РФ и в странах с развитой рыночной экономикой показывает, что по всем основным линиям в структуре этих отношений – с крупным и малым бизнесом, на федеральном, региональном, глобальном уровнях – Запад значительно опережает Россию по степени их развитости. Это обусловлено, прежде всего, слабостью процессов становления гражданского общества и правового государства в Российской Федерации.

Время покажет, в какой мере оправдаются подобные прогнозы. Пока же динамика экономического и социально-политического развития России показывает другое: процесс формирования корпоративной экономики набрал сильную инерцию, и остановить его может лишь совокупное воздействие многих факторов – внутренних и внешних – экономических, политических, социальных, которые, как свидетельствуют современные российские реалии, едва ли сформируются в обозримом будущем.

3.3. СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Реставрация капитализма в России начиналась с малого бизнеса. Начало исторически оправданное. Оно отвечает социальной природе капитализма, соответствует его общему генезису и предполагает постепенное поэтапное становление рыночной экономики. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия всеобщий дефицит потребительских товаров двинул массы людей в открывшийся рынок. Повсюду возникали мелкие кафе, закусочные, торговые заведения. Массы «челноков» двинулись в сопредельные страны за дешевым ширпотребом. Обыватели предвкушали наступление эры изобилия колбасы, колготок, магнитофонов и т.п. Социологи предрекали превращение мелких бизнесменов в основу нового среднего класса. Хозяин лавки, закусочной едва ли не стал героем дня, тем кто, говоря словами известного исследователя, «гуру» малого бизнеса Майкла Гербера, «думает, что жизнь и бизнес – одно и то же», кого отличают «предпринимательский риск, азарт начинающего игрока, гордость за собственный поступок, навсегда вырвавший его из серой массы “обладателей рабочих мест”»¹.

Сбылись ли эти ожидания? Сегодня, спустя четверть века, с уверенностью можно утверждать только одно: малый бизнес действительно стал пионером постсоветского рынка. В остальном же бывшие надежды во многом оказались иллюзорными. «Колбасное» и прочее товарное изобилие состоялось. Но обеспечили его не мелкие производители, а крупные комбинаты и сетевые снабженческие и торговые структуры.

Как это не прискорбно, малый бизнес стал скорей не основой среднего класса, а одним из источников социальных изгоев. Научные работники, инженеры, учителя и другие представители советской интеллигенции, захваченные в свое время рыночной стихией, во множестве люмпенизировались, оказались за чертой бедности. Только за 2012–2013 гг. прекратили свою деятельность более 300 тыс. малых предприятий. Глава Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин в марте 2013 г. в интервью каналу РБК-ТВ отмечал: «По разным оценкам, десятки и сотни тысяч человек

---

¹ Гербер Майкл. Малый бизнес: от иллюзии к успеху». – М.: Олимп-Бизнес, 2005. – С. 6.

уже уходят реально из производственного процесса, они окажутся обузой для бюджета, перейдут на социальное иждивение, станут получать пособия, будут регистрироваться на бирже. Их семьи не смогут себя обеспечить достойным уровнем жизни, появятся “новые бедные”»¹.

Таким образом, самая попытка заняться бизнесом представляет собой большой риск, чреватый угрозой социального бедствия для начинающего предпринимателя. Где следует искать причины? Видимо, в характере и условиях перехода к рыночной экономике. Развитие капитализма в постсоветской России пошло не эволюционным путем, а скачкообразным процессом, инициированным сверху, – высшими кругами партийной и хозяйственной номенклатурой. Именно в руки ее представителей и разного рода проходимцев, сумевших заручиться поддержкой новой власти, попала львиная доля государственной собственности в результате криминальной по сути приватизации, проведенной всего лишь за несколько лет.

На развалинах советской экономики возник дикий капитализм, сформировавшийся по далекой от классической парадигме «власть – деньги – власть». Все рентабельные отрасли производства, финансов и торговли оказались под контролем крупных монополий, тесно связанных с политическими элитами.

Малому бизнесу достались лишь жалкие крохи с барского стола приватизации. Он оказался на ее обочине. Крупный бизнес его не замечает. Власть воспринимает его скорее как помеху, чем как объект социальной поддержки. Характеризуя притеснения малого предпринимательства со стороны власти, председатель организации защиты предприятий «Бизнес-солидарность» Яна Яковлева, отмечает, что «чиновник всегда прав, а предприниматель вечно виноват». У чиновников, – по ее словам, – «нет никакой ответственности и спросить не с кого: мелких предпринимателей они давно воспринимают как «погрешность»»².

Если крупный капитал благодаря своей экономической мощи внедрил в власть и разделил с ней ряд важнейших политических функций, то средний и мелкий бизнес в России

---

¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rcsme.ru/news.asp?SectionId=1&NewsId=66210>

² См.: Новые известия. – 2013. – 25 марта.

фактически отстранен от принятия решений в политике и экономике. Правда, государственное стимулирование развития объединений малых предпринимателей получило законодательное оформление еще на первой стадии российских рыночных реформ.

В Федеральном законе «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», принятом в 1995 г., определено, что органы федеральной и региональной исполнительной власти, местного самоуправления должны оказывать поддержку в организации и обеспечении деятельности союзов (ассоциаций) субъектов малого предпринимательства, создаваемых в установленном порядке как общественные объединения в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития малого предпринимательства, добросовестной конкуренции, повышения ответственности и компетентности субъектов малого предпринимательства, коллективной защиты их интересов в органах государственной власти.

Хотя в России такого рода меры и предпринимаются, они, как правило, остаются на бумаге. Власть больше заинтересована в сотрудничестве с крупным капиталом. А это ставит малый бизнес в бесправное положение. Интересы различных по характеру объединений крупных предприятий, особенно тех, кто призван выражать интересы олигархов, сильно отличаются от интересов и потребностей малого бизнеса. Проблемы экспортеров нефти, металлов, крупных финансистов кардинально отличаются от проблем малого и среднего бизнеса, характеризующих его взаимодействие с властными структурами.

Нельзя сказать, чтобы власть совсем не поддерживала малый и средний бизнес, а он, в свою очередь, был беззащитным «мальчиком для битья». Российское законодательство предоставляет ему целый ряд социальных льгот, связанных с налогообложением, выделением земельных участков, арендой помещений и т.д.

Знаковым событием стал первый в истории страны Всероссийский съезд представителей малых предприятий (февраль 1996 г.). Согласно материалам съезда, на конец 1996 г. в России насчитывалось 817 тыс. малых предприятий, которые обеспечивали средства к существованию 40 млн чел. Однако в

последующие годы темпы роста численности малых предприятий в России начали сокращаться. На тысячу граждан страны в 1998 г. приходилось всего 5,64 предприятия по сравнению с 74,2 – в США, 68 – в Италии, 49,6 – в Японии и 46 – в Великобритании.

Причем отмечались существенные диспропорции в уровне развития малых предприятий в регионах России. 40 % их расположены в Москве, Санкт-Петербурге. Еще 40 % малых предприятий приходилось на четыре относительно благополучных региона – Уральский, Западно-Сибирский, Северо-Кавказский и Поволжский. В остальных восьми регионах малый бизнес находился в зачаточном состоянии. Еще одна диспропорция в развитии малого предпринимательства в России – его приоритетная ориентация на сферу обращения, преимущественно торговлю и торговое посредничество.

В Российской Федерации прямые отношения малого бизнеса с властью ограничиваются в основном кругом общения с представителями региональной и местной администрацией: губернаторами, их чиновным окружением, выборными депутатами различных уровней, муниципалитетами, органами правопорядка. И практически каждый контакт с любым из них – от губернатора до рядового полицейского и пожарника таит в себе определенную социальную угрозу. Откуда она исходит?

Л. Слуцкий суммирует их так: отсутствие стабильной правовой базы; отсутствие условий добросовестной конкуренции; ярко выраженный фискальный характер налоговой политики; административное давление; затрудненность ресурсного и финансового обеспечения¹.

Но кроме этого, весьма опасны для малого бизнеса риски, создаваемые бюрократическим произволом и криминалитетом, «социально близким» администрации именно на региональном и местном уровнях, тогда как такого рода близость на уровне федеральном – между олигархами и правительством – после прихода В.В. Путина к верховной власти оказалась в значительной мере подорванной. Взаимоотношения региональной власти с малым и средним бизнесом пронизаны всепроникающей коррупцией. Отравляющей деловое общение бизнесменов

---

¹ *Слуцкий Л.* Развитие малого предпринимательства в Российской экономике. – М.: Финансы и статистика, 2000. – С. 69,73.

с чиновниками местной администрации, служащими санэпидемстанций, работниками экологических служб и т.д. Региональная коррупция связана с федеральными коррупционными схемами, охватывающими системы здравоохранения, образования, детских домов или социальных пособий.

«В этих коррупционных взаимоотношениях, – пишет В. Клейнер, – участвуют не только чиновники, непосредственно вовлеченные в процесс принятия решений (сотрудники ФНС, соответствующих федеральных министерств), но и те, кто призван бороться с коррупцией при реализации указанных решений, а именно представители правоохранительных органов, прокуратуры и др. Так выстраивается коррупционная цепочка, при которой чиновники-коррупционеры уже в процессе получения незаконной выгоды делятся коррупционными доходами с чиновниками, отвечающими за контроль над коррупцией, обеспечивая себе защиту с их стороны. В результате государство и общество теряют десятки миллиардов рублей ежегодно»¹.

Социальные риски испытывает малый бизнес и в постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы. Но здесь, по-видимому, они не столь значительны, как в России. На это, в частности, обращают внимание зарубежные исследователи. Так, английский экономист А. Килгрэн отмечает, что из-за названных препятствий в России рост малого бизнеса происходил гораздо медленнее, чем в постсоциалистических странах Восточной Европы, и не оказывал существенного влияния на экономику. По его данным, в 1997 г. в Польше насчитывалось 2 млн малых предприятий, тогда как в России всего 900 тыс. Этот разрыв представляется еще более внушительным, если учесть, что в России население в 3,5 раза превышает польское.

Вновь созданный сектор экономики малого бизнеса в Польше был основной силой экономического развития: в конце 1990-х гг. малые и средние предприятия производили две трети ВВП. В Чехии и Венгрии также отмечался стабильный рост малых предприятий, которые значительно увеличили свою долю в общем выпуске промышленной продукции. В 1996 году на малые и средние предприятия в Венгрии при-

---

¹ Клейнер В. Указ. соч. – С. 85.

ходилось 64 % занятого населения. В России же доля малого бизнеса в общей занятости составляла в 1999 г. всего 12,8 %, а ВВП не превышала 10-12 % в течение всего периода 90-х гг. XX века¹.

Важными показателями для определения роли и места малого бизнеса в экономике и социальной жизни являются его функциональные характеристики:

- участие в инновационном проектировании и экспериментальном внедрении инноваций;
- в США на малые предприятия приходится более половины создаваемых инноваций, а на одно рабочее место на малых предприятиях инноваций внедряется в 2,5 раза больше, чем в крупном бизнесе;
- сдерживание монополизации рынка крупными производителями; оперативное «заполнение» ниш рынка или целых отраслей, где крупный бизнес малоэффективен.

Как правило, это отрасли сферы услуг, в которых важным элементом деятельности является личное взаимодействие продавца, как представителя предприятия, и покупателя. Малый бизнес выполняет также важные социальные функции:

- является фундаментальной основой формирования среднего класса; создает новые рабочие места, причем их стоимость, обычно, ниже в сравнении с крупным бизнесом;
- вовлекает в процесс общественного воспроизводства дополнительные трудовые ресурсы (пенсионеров, несовершеннолетних, многодетных матерей и др.);
- формирует в обществе «идеологию предпринимательства».

Дело в том, что в постсоветской России малый и средний бизнес не стал социальной основой формирования среднего класса. Это подтверждают исследования Института социологии РАН. Согласно их результатам, большинство представителей занято на государственных предприятиях. На малых предприятиях работает всего лишь 22 % занятого населения России, а в большинстве регионов (61) данный показатель еще

---

¹ Kihlgren A. Small business in Russia – factors that slowed its development: an analysis // Communist and post-communist studies. – Los Angeles, 2009. – Vol. 36. – № 2. – P. 193.

ниже. К тому же далеко не всех занятых на малых предприятиях можно отнести к среднему классу¹.

Что касается взаимодействия малого бизнеса и рыночной среды, то, во-первых, из-за относительно небольших рынков ресурсов и продаж он не может активно влиять на их конъюнктуру, например, диктовать цены, но при этом малое предприятие более гибко и лучше приспособлено к изменениям рыночной конъюнктуры, чем большое. Во-вторых, персонифицированный характер отношений между менеджером и клиентами представляет собой инструмент активного маркетинга, поскольку малое предприятие использует возможность индивидуального подхода к обслуживанию клиента.

Особо надо подчеркнуть и в целом инновационную роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии. В экономической науке и социологии отмечается, что наряду с традиционным для XIX века видом конкуренции, основанным на лидерстве по издержкам, может существовать более эффективный вид конкуренции, основанный на монопольном владении продуктами, технологическими, организационными, ресурсными и прочими инновациями. Такой вид монополии был назван эффективной монополией. К началу XXI века инновационный ресурс стал одним из решающих в конкурентной борьбе. Малый бизнес показал в этой области свою чрезвычайную эффективность. Считается, что в разработке и коммерциализации новых продуктов и технологий малые инновационные предприятия на один-два порядка величины более эффективны, чем большие фирмы.

Уровень инновационности определяет не только конкурентоспособность отдельных фирм, но и конкурентоспособность территорий. Отсюда бурное развитие технологических парков, бизнес-парков, бизнес-инкубаторов в США, Японии, Западной Европе при прямой или косвенной поддержке центральных и местных властей, а в Европе – и Евросоюза. Россия еще далеко не реализовала свой потенциал в этой области. Ин-

---

¹ См.: *Есенин М.А.* Статистический анализ состояния и особенностей развития малых предприятий в России // Экономика, статистика и информатика. – 2011. – № 2. – С. 157 – 161.

новационный продукт составляет лишь незначительную часть производства малых предприятий¹.

По мнению А. Килгрена, развитие малого бизнеса представляется органичным процессом с момента начала рыночных реформ, хотя ему уделялось мало внимания; малый бизнес не нуждается в специальной политике, направленной на его развитие. В некоторых странах с переходной экономикой он процветает, несмотря на определенные сдерживающие моменты. Как только предоставляется экономическая свобода, предприниматели находят новые возможности для производственной деятельности, и это создает условия для появления нового класса частных предпринимателей, которые заинтересованы в экономическом росте.

Во всех отмеченных странах малое предпринимательство было «мотором экономического восстановления». В России этого не произошло. Причина состоит в отсутствии эффективной системы государственной поддержки, призванной стать одной из направляющих линий экономической политики. Ситуация в этом плане мало чем отличалась от других трансформирующихся экономик. Ни в одной из перечисленных ранее стран Восточной Европы не было специально разработанной политики развития малого предпринимательства до середины 90-х гг. прошлого века, оно, однако, там развивалось вполне успешно.

В России развитию малого и среднего бизнеса препятствует и сама его отраслевая структура, в которой инновационные предприятия играют слабую роль. Остальные предприятия в большинстве своем заняты в торговой сфере. И эта отраслевая структура фактически не изменялась в течение последних 10 лет².

Макроэкономическая нестабильность, особенно высокий уровень инфляции и дефицит региональных бюджетов, в значительной степени объясняют экономическую депрессию и слабое развитие малого предпринимательства в России. Политическая нестабильность также оказывает негативное воздей-

---

¹ См.: Горфинкель В.Я., Попадюк. Малый инновационный бизнес. – М.: ИНФРА-М, 2013.

² См.: Подшивалова М. Качество социально-экономических институтов, формирующих среду развития малого бизнеса // Вопросы экономики. – 2014. – № 6. – С. 105.

ствие. Экономисты обращают внимание и на негативное влияние двух тенденций в российской экономике, называемых иногда «институциональными ловушками»: существование в регионах фиктивных малых фирм, создаваемых с целью ухода от налогообложения либо снижения налоговой нагрузки.

Другую тенденцию являет «серая» выплаты заработной платы, практикуемые во всех отраслях малого и среднего бизнеса. «Таким образом, – пишет М. Подшивалова, – о прогрессе и развитие малого предпринимательства нужно говорить с большой осторожностью, поскольку, как показывает корреляционный анализ, рост плотности малых фирм обусловлен не столько реальным вкладом МП, сколько стремлением предпринимателей снизить транзакционные издержки ведения бизнеса в России, прикрываясь институтами малого предпринимательства»¹.

В данном контексте следует выделить и фактическое отсутствие предпринимательской культуры, которая имеет глубокие исторические корни. Десятилетия «реального социализма» до сих пор влияют на формирование предпринимательского менталитета. Сохраняются и постоянно воспроизводятся антирыночные предрассудки, подпитываемые ностальгией по временам, когда социальная справедливость считалась нормой жизни общества. Частное предпринимательство в России имело относительно слабые традиции даже до революции, а при советской власти любая предпринимательская деятельность была запрещена.

В отличие от России, в других социалистических странах Европы малый и средний бизнес был развит до прихода к власти коммунистов и допускался в известных пределах плановой экономикой. Поэтому в них предпринимательские традиции не были полностью разрушены и стали одной из основ развития бизнеса в реформирующейся экономике.

С первых шагов постсоветских реформ и до сегодняшнего дня в России велись и ведутся бурные дискуссии о необходимости государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Этим публичным обсуждениям уже более 20 лет. Но власть не спешит с действенной поддержкой. Малые предприятия оказались в сиротском положении. Они суще-

---

¹ Там же.

ствуют как бы сами по себе, насыщая потребительский рынок, организовывая миллионы рабочих мест, худо или бедно выплачивая налоги. Однако в стране продолжает действовать система притеснения малого бизнеса. Делать это просто, так как в российских условиях он далеко не прозрачен, при желании у любого предпринимателя можно найти грехи. А где грехи, там большая скрытность, невозможность обращаться в случае необходимости к правоохранительным органам. Там, наконец, возможность обкладывать их поборами со стороны коррумпированных бюрократов и криминала.

В руки чиновников всех уровней и бандитов, минуя государственную казну, до сих пор уходят миллиарды рублей. Трудности у представителей малого бизнеса начинаются с первых шагов: тяжкий путь при регистрации юридического лица, сложности при лицензировании и т.д. Все это требует не только больших усилий, но и унижений, и взятки. Выступая в начале 2005 г. на конференции «Конкурентоспособность России и малый бизнес» Герман Греф признал, что «местные начальники, не стесняясь, пропагандируют явно неправовые методы решения проблем – создание фондов для поборов с бизнеса, систем предпочтений»¹.

Вполне, естественно, поэтому повсеместное недовольство бизнесменов властью. Исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения «Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах России», показало явное и вполне обоснованное недоверие малого бизнеса к местным властям. Всего 0,7 % респондентов уверены, что можно отстаивать интересы своего бизнеса вопреки желанию чиновников. Причем предприниматели, по данным того же опроса, опасаются региональных чиновников даже больше, чем криминальных вымогателей. Одним из факторов давления на компании остаются высокие ставки арендных платежей, доходящих до 70 % бюджета предприятий. Загнанный в угол предприниматель зачастую «уходит в тень», начинает жить по криминальным понятиям. Возможности для этого тем более благоприятны, что доминирующие отрасли МП – торговля и услуги населению, – в отличие, например, от произ-

---

¹ Российская газета. – 2005. – 2 марта.

водства и строительства, легко позволяют переступить легальные установления.

Риск неотделим от искушения. «Играя втемную», предприниматель, как правило, умножает свою выгоду. К тому же, он вступает в зону, где тень, так сказать, «узаконена» криминальными понятиями в федеральном масштабе. В среднем, размер российской теневой экономики оценивается в 30–40 % ВВП, тогда как в США и Швейцарии около 9 %, в Китае – 13,5 %, в Индии – 24 %. По показателю теневой экономики Россия где-то рядом с Габоном и Сальвадором. Значительно обгоняет нас только Грузия, где теневая экономика составляет более 60 %.

Комментируя эти данные, Н.В. Карпова, исполнительный вице-президент группы «Группа Ренессанс Страхование», пишет, что эта часть экономики давно уже приобрела свою структуру и институты. И как во многих развивающихся странах, тень нашей экономики развивается более эффективно, чем официальная, «белая» часть. Конечно, когда предприниматель находится в области теневой экономики, возможности развития его предприятия ограничены, а он сам постоянно подвергается риску уголовной и административной ответственности¹.

Показательны и следующие цифры, приводимые автором. В СИЗО и колониях содержится около 1 млн предпринимателей, т.е. каждый шестой. В среднем в год возбуждается примерно 3 млн уголовных дел против них. Н.В. Карпова резюмирует, что предприниматели, занимающиеся легальным бизнесом, подвергаются риску уголовного преследования не меньше, чем «теневики»².

С другой стороны, одним из элементов, формирующим среду функционирования малых предприятий в России, является рэкет, который не только замедляет их развитие, но и ставит под угрозу сам процесс рыночных преобразований. Организованная преступность в стране превратилась в хорошо отлаженную систему, позволяющую ей держать под контролем финансово-хозяйственную деятельность любого предприятия малого бизнеса в своей «зоне влияния». Основными причинами развития рэкета являются отсутствие эффективной защиты со

---

¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://b2bzona.org/2012/02/24/small-business-russia-statistics-2011>

² См.: Там же.

стороны государства, а также поведение самих бизнесменов, склонных выводить себя за рамки правового пространства.

Рассматривая социальные риски малого и среднего бизнеса нельзя обойти негативное воздействие такого фактора, имеющего системный характер, как коррупция. Ее основой является сама схема отношений между властью и предпринимателем, которую образуют три взаимосвязанных звена: распределение – разрешение – контроль. Каждое из этих звеньев в практике взаимоотношения власти и бизнеса обнаруживает коррупционную составляющую. Коррупция задействует также право чиновников распоряжаться ресурсами, предоставляемыми бизнесу государством (земельные участки, коммуникации, налоговые льготы и т.п.).

Государственная поддержка малого бизнеса в основном сводится к разработке программ содействия его развитию. Средства же на реализацию этих программ доставались не самим предприятиям, а различным структурам. Точней, просто разворовались. То же самое происходит и с теми средствами для помощи малому бизнесу, которые поступали из-за рубежа.

Поскольку российская система поддержки предпринимательства создавалась со значительным, если не преобладающим финансированием со стороны зарубежных доноров (при том или ином участии государства), то в ее деятельности фактически имел место некий симбиоз. Доноры предоставляли финансовую помощь, требуя при этом от властей подтверждения о том, что деньги потрачены получателем.

В свою очередь, российские чиновники сами денег не имели, но могли засвидетельствовать это. Третьей стороной в этой связке были исполнители программ – организации так называемой «инфраструктуры поддержки». Среди них тоже сложилось разделение функций: так московские головные организации сетей занимались лоббированием и оптовой перепродажей программ в регионы, а региональные – реализацией не только «московских» программ на местах, но и своих региональных проектов, а также коммерческой деятельностью на местном рынке (консалтинг, обучением, кредитованием и др.). Словом, когда деньги доходят до конкретного бизнесмена, от них зачастую остаются лишь крохи. Финансовая поддержка малого бизнеса остается весьма ограниченной.

Согласно опросу руководителей малых предприятий об источниках финансирования бизнеса, 70 % респондентов на первое место ставят доходы от собственной деятельности, 21,7 % – личные средства учредителей. Среди источников финансирования 17,9% опрошенных назвали кредит коммерческих банков; на другие источники, в том числе и государственные ресурсы, указали лишь 10–15 % предпринимателей.

Региональные и местные власти имеют разные возможности предоставления преференций малому бизнесу. Областная власть может лоббировать интересы бизнеса при получении государственных или зарубежных заказов, контролировать ценообразование на местном рынке, устанавливать арендные ставки на землю. Ресурсы городской власти сопоставимы по значимости с ресурсами областной власти – это землеотводы, арендные отношения, бюрократические послабления, касающиеся упрощения процедуры оформления разрешительных документов, гарантированные подряды, льготная оплата за использование муниципальной собственности.

В настоящее время не приходится говорить о существенных изменениях в лучшую сторону в развитии малого бизнеса. В целом ситуация в этой сфере не внушает оптимизма. Риски остаются. Правительство, принимая государственные программы в целях поддержки малого бизнеса, не торопится внедрять их в жизнь и не проявляет последовательности в этом направлении. Программы декларативны и работают весьма слабо. Вероятно, необходимы иные подходы. Основное стимулирование надо осуществлять на базе эффективного налогообложения в сочетании с банковской реформой, для того, чтобы у малых предприятий появился доступ к кредитным ресурсам, которые сегодня для них малодоступны. Из 880 тыс. малых и средних предприятий России только 13–15 тыс. имеют финансовую поддержку.

Однако сдвигов в этом плане фактически нет. Напротив, обозначились сдвиги в обратном направлении. В 2012 году было принято правительственное постановление об удвоении малыми предприятиями страховых взносов, что означало, по сути дела, удушение малого и индивидуального предпринимательства. К середине 2013 г. около полумиллиона таких предприятий закрылось, либо ушло в тень.

Какие конкретно меры предлагаются для решения проблем малого бизнеса? Вот некоторые из них. Предоставление малым предпринимателям права выкупать вне конкурса арендуемые ими государственные и муниципальные помещения. Только будучи собственниками, малые предприниматели смогут брать кредиты и развивать свой бизнес. Стоило бы продумать и вопрос о финансировании малого бизнеса и процедуру его решения с тем, чтобы избавиться от коррупции в этой сфере. Предприниматели ожидают и правительственных мер, направленных на создание условий для развития специальных инвестиционных фондов, в том числе фондов прямых инвестиций и рискованного капитала. Само по себе внимание государства к проблемам малого бизнеса можно только приветствовать. Но простого внимания мало, нужна реальная поддержка.

Малый бизнес может стать одним из основных источников налоговых поступлений в госбюджет. И не его вина в том, что до сих пор малые предприятия выплачивают меньшие налоги, чем могли бы при большей поддержке государства. В Москве, где такая поддержка более ощутима для предпринимателей, налоги, которые платит малый и средний бизнес, составляют около 50 % всех налоговых поступлений, тогда как, скажем, в Санкт-Петербурге этот показатель равняется 30 %, а в среднем по России – не более 12 %. Последняя цифра свидетельствует о ведущей роли теневой экономики в этой области. По данным Госкомстата РФ, до четверти ВВП России не учитывается официальной статистикой и не включается в валовой национальный продукт.

Мировой опыт показывает, что кардинальное расширение масштабов деятельности малых предприятий и увеличение их вклада в экономическую и социальную жизнь требует создания системы адресной государственной поддержки малого бизнеса на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. Следует учитывать и то, что в последнее время усиливается отток капитала из страны. Содействие развитию малого бизнеса, видимо, может способствовать решению и этой проблемы. Задача государства не только в том, чтобы просто передать предприятиям малого бизнеса финансовые, технические и иные ресурсы. И не в том, чтобы поддерживать их любой це-

ной, а в том, чтобы создать правовые и экономические условия для их выживания и развития в условиях рынка.

По сравнению с западным, российский бизнес существует в обстановке неразвитой правовой системы и всесильной исполнительной власти, ориентированной на собственные интересы. Поэтому те вопросы, которые в других странах решаются с помощью правовых механизмов, у нас обычно решаются неформальными, теневыми, коррумпированными способами¹.

Несмотря на все трудности, малый бизнес в России развивается. Однако этот процесс не столь успешен, как можно было бы ожидать при должном внимании со стороны государства и правительства.

Затронутые ранее вопросы во многом связаны с объективными обстоятельствами. Российское общество переживает переходный период. Строительство рыночной экономики еще далеко от завершения, равно как и создание правового государства, утверждение демократических норм в политической и социальной жизни. В России далеко еще не созрели условия для того, чтобы следовать либеральным рекомендациям убрать государство с пути развития малого бизнеса и полностью положиться на частную инициативу предпринимателей. А пока же социальные и иные риски малого бизнеса невозможно устранить либо смягчить вне воздействия на них государственной власти. Поддержка малого бизнеса вернется сторицей.

Словом, государственная поддержка малого бизнеса жизненно необходима. Это является очевидным. Проблема состоит в другом. Какой характер имеет влияние государства на бизнес? Чему оно служит? К каким реальным последствиям ведет?

Вот вопросы, на которые пока что нет ясных ответов. Малый и средний бизнес без государственной поддержки обречен на жалкое прозябание. Но и при такой поддержке, какая оказывается сейчас, он вынужден кормить огромную свору взяточников и уголовников вместо того, чтобы обеспечивать благосостояние российского общества.

---

¹ См.: Кондрачук В.В. Государство и бизнес в современной России. – М.: Современная экономика и право, 2006.

3.4. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

При всех радикальных переменах последней четверти века Россия в экономическом плане не очень далеко ушла от финансовых порядков советского времени. Во всяком случае, и поныне не частные, пусть и консолидированные, интересы бизнеса, а государственный бюджет регулирует хозяйственную жизнь страны. Вообще говоря, это свойственно (со многими, конечно, оговорками) и государствам с развитой рыночной экономикой. Но в постсоветской России зачастую именно оговорки определяют суть дела. А она состоит в том, что централизм по-прежнему в значительной мере определяет характер финансово-бюджетных отношений и вместе с ними – экономическое и политическое положение российского бизнеса.

Это, прежде всего, относится к регионам, фактически целиком зависимым от федерального бюджета. Бизнес не может остаться в стороне от этой зависимости, которая так или иначе формирует его отношения с местной властью. До сих пор Центр и регионы так и не нашли устойчивого баланса в распределении властных полномочий, хотя после распада СССР и образования Российской Федерации прошло свыше двадцати лет.

Главная формальная причина этого заключается в асимметричности Федерации, созданной по Конституции 1993 г., усугубляемой широким разнообразием экономических, социальных и других условий в регионах.

Вот почему возникла система таких отношений между участниками федеративных отношений, при которой регионы используют различные способы для того, чтобы «выторговать» у федерального центра наиболее благоприятные условия. Вместе с тем, пробелы и нестыковки в законодательстве и изъяны в отношениях между Москвой и регионами выгодны и Центру, давая ему возможность оказывать давление на «непокорные» субъекты Федерации. Это, помимо прочего, породило у регионов стремление к экономическому сепаратизму и попытки отстаивать свои права путем объединения географически и экономически близких территорий в формальные и неформальные союзы.

Сложившаяся в России система финансовых отношений, несмотря на проведенные в 90-х гг. XX века реформы, не отве-

чает основополагающим принципам бюджетного федерализма и стратегии развития страны на долгосрочную перспективу. Как говорилось в Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 г., по уровню децентрализации бюджетных ресурсов Россия практически не уступает большинству федеративных государств, однако, формально сохраняет крайне высокую, даже по меркам унитарных государств, централизацию налогово-бюджетных полномочий. Бюджеты субъектов Российской Федерации и особенно местные бюджеты перегружены обязательствами, возложенными на них федеральным законодательством без предоставления источников финансирования («нефинансируемые федеральные мандаты»).

Основная часть расходов региональных и местных бюджетов, включая заработную плату в бюджетной сфере, а также финансирование сети бюджетных учреждений регламентируется централизованно установленными нормами. Более 80 % налоговых доходов этих бюджетов формируется за счет отчислений от федеральных налогов. Зависимость региональных и местных бюджетов от ежегодно устанавливаемых пропорций (нормативов) расщепления федеральных налогов подрывает стимулы к проведению структурных реформ, привлечению инвестиций, развитию налогового потенциала территорий и повышению собираемости налогов. Несмотря на тенденцию к формализации распределения финансовой помощи, значительная ее часть по-прежнему распределяется без четких критериев и процедур, что требует дальнейшего развития и законодательного закрепления методологии бюджетного выравнивания¹.

В России принято немало законодательных и иных государственных актов, призванных развивать и совершенствовать постсоветский федерализм, в том числе в области межбюджетных отношений. Однако практическая реализация этих актов далеко не отвечает заложенным в них демократическим принципам и нормам, в чем и состоит главное отличие российского федерализма от того, который существует в других федерациях.

---

¹ См.: Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года. – М., 2001.

Федеративные государства составляют относительно небольшую часть мирового сообщества – около 10 %. Но это хорошо известные и весьма влиятельные страны: Австралия, Германия, Индия, Мексика, США и другие. Россия как федеративное государство занимает свое особое место в этом списке, во многом определяемое этнотерриториальным фактором. Н.А. Бердяев, например, отмечал, что безбрежность российских просторов наложила сильнейший отпечаток на русский национальный характер: «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта»¹.

Разумеется, любой федерализм имеет свои особенности, обусловленные национальными традициями, местной спецификой. Российский федерализм все еще обременен советским наследием, которое ориентирует его развитие на сверхцентрализм унитарного государства, каковым, в сущности, был Советский Союз. Поэтому российские регионы так разительно отличаются от германских земель, французских департаментов или американских штатов, которые накопили опыт, согласующий экономические интересы регионов и Центра и защищающий демократически самоуправляющееся общество от авторитаристских тенденций.

Как пишет, например, теоретик американского федерализма В. Остром, «вера в единственное правительство, монополизирующее суверенную власть, несовместима с поддержанием республиканских институтов местного самоуправления», полагая, что «в крупных странах народ не может править посредством систем команд и контроля, исходящих из единого центра высшей власти»².

Общепринятое мнение среди теоретиков и политиков в странах развитого федерализма состоит в том, что общегосударственные проблемы должны решаться через регионы. Американский аналитик Ш. Тацуно по этому поводу пишет: «Америка – это общество, растущее снизу вверх, т.е. такое, в кото-

---

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 8.

² Остром В. Смысл американского федерализма. – М., 1993. – С. 114, 228.

ром новые тенденции и идеи берут начало в городах и местных сообществах, например в Тампе, Хартфорде, Сан-Диего, Сиэтле, Денвере, а не в Нью-Йорке или Вашингтоне, округ Колумбия... Не дожидаясь больше инициативы со стороны федерального руководства, штаты сами выдвигают решения национальных проблем»¹.

Западный федерализм предстает в концепциях его идеологов не только определенной моделью государственного устройства и региональных отношений, для него характерен особый образ жизни и мышления, известный уровень политической и правовой культуры граждан и правящих элит. Все это складывается столетиями. Американская федерация была основана в 1789 году 13 штатами. Остальные 37 присоединились потом, образуясь из территорий федерального подчинения, которые, как и российские регионы, управлялись из центра. Это был очень сложный и длительный процесс, о чем свидетельствуют следующие данные:

- из 33 конституций штатов, написанных в период до Гражданской войны середины XIX века, лишь одна (3 %) открыто провозглашала приверженность принципу верховенства федеральных законов и Конституции США, 20 других (61 %) включали это лишь косвенно – в контексте присяги, приносимой чиновниками при вступлении в должность. В то же время остальные 12 (36 %) никаким образом не отмечали верховенства федерального правительства;

- из 29 конституций штатов, написанных в период непосредственно после Гражданской войны, между 1861 и 1900 гг., 20 (69 %) открыто провозглашали верховенство федерального законодательства и 9 (31 %) включили косвенно на это указывающие положения, т.е. ни одна конституция не упустила из виду так или иначе утвердить верховенство центра;

- из конституций, действующих в настоящее время, вопрос о верховенстве федерального законодательства непосредственно отражен в 19 (45 %), косвенно в 18 (43 %) и не затронут в 5 (12 %).

Проследить уровень децентрализации в американском федерализме можно на примере дотаций со стороны федерального правительства местным бюджетам и бюджетам шта-

---

¹ Тацуно Ш. Стратегия – технополисы. – М., 1989. – С. 332.

тов. Следующая таблица показывает рост в размерах дотаций начиная с 1940 г. и более позднюю тенденцию к замедлению этого роста и даже к снижению относительного веса дотаций в бюджетах получателей¹.

Федеральные перечисления штатам и муниципалитетам в США

Год	Всего, млрд. долл.	Доля перечисления штатам и муниципалитетам, %
1940	0,9	8,0
1950	2,3	9,7
1960	7,0	11,4
1970	24,1	14,0
1980	83,0	18,3
1990	136,8	13,2

Источник: Бюджетный федерализм в России. – М., 2005. – С. 96.

Как видим, даже в государстве развитого федерализма процесс федерализации все еще продолжается. Российские же реформаторы одним махом преобразовали в «субъекты Федерации» около сотни краев и областей, существование которых веками до мелочей регламентировалось центром, элитам которого, как правило, чужды нормы политической и правовой культуры гражданского общества. Не ясно ли, что некая область, заполучив широкие властные прерогативы, преобразуется скорей всего не в подобие швейцарского кантона или американского штата, а в нечто подобное удельному княжеству – модель, противоположную принятым образцам федерализма. Последние годы дали тому немало примеров в экономике и политике, административном устройстве России.

Американский аналитик К. Росс, рассматривая комплексно проблемы федерализма и демократизации в России и отмечая уникальность происходящего в России двойного перехода (одновременное реформирование и экономической, и политиче-

---

¹ Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. – Новосибирск, 1995. – С. 121–112.

ской сферы), ставит вопрос и о третьем, не менее важном переходе, обусловленном необходимостью придать новые формы отношениям между Центром и регионами и создать устойчивую и жизнеспособную федерацию.

По мнению автора, «исторический опыт показывает, что федеративные государства основать гораздо сложнее, нежели унитарные. Россия создает новую федеративную систему, занимаясь при этом приватизацией экономики и пытаясь в то же время радикально перестроить все государственное устройство, что чрезвычайно осложняет ее положение». Отсюда следует вывод: «Слабость российского государства и федеральной Конституции создала ситуацию, когда федеральные власти не в состоянии охранять и поддерживать универсальные демократические принципы на территории всей страны и защищать права граждан в регионах, где правят сегодня авторитарные лидеры... основой отношений между центром и периферией в России стали политические и экономические связи, подменившие собой правовые и конституционные процедуры»¹.

Надо полагать, рекомендации такого рода заслуживают внимания соответствующих органов федеральной и региональной власти, равно как и конкретный опыт взаимодействия власти и бизнеса на региональном и местном уровнях. Экономическая политика администрации, по мнению экономистов Б. Жихаревича, Н. Жунды, О. Русецкой, определяется здесь потребностями в регулировании обществом рыночной экономики и в территориальной организации хозяйственной деятельности, заинтересованностью субъектов хозяйствования в улучшении местной среды производства. Она затрагивает сферы торговли, труда, безопасности, транспорта, финансов и т.д.

Ее основная задача – создание благоприятных условий для развития экономики путем совершенствования «мягких» и «жестких» факторов упомянутой среды. К первым относятся хозяйственный климат и его составляющие (хозяйственное регулирование, доступность финансовых и консультационных услуг, наличие программ финансовой поддержки бизнеса, открытая позиция местных властей, консенсус политических сил, качество среды жизнедеятельности) ко вторым – хозяйствен-

---

¹ Foreign Policy. Winter. – 1999-2000. – P. 37.

ная инфраструктура (транспорт, связь, земельные участки, производственные помещения и т.п.).

Важнейшими элементами экономической политики выступают: налогообложение; регулирование естественных монополий (установление уровня тарифов и иных платежей); контроль за уровнем административных барьеров и транзакционных издержек; меры содействия предпринимательству, включая информирование и обучение предпринимателей и менеджеров, развитие деловой инфраструктуры; поддержка отдельных отраслей и др.¹

В большинстве стран с рыночной экономикой власти регионов оказывают незначительное влияние на местный бизнес, что объясняется необходимостью защиты принципов свободной конкуренции, ограничения коррупции и уменьшения произвола местных чиновников. Поэтому содействие экономике со стороны властей должно сводиться к предоставлению определенного набора услуг. Главное – сделать их настолько полезными, чтобы предприятия захотели располагаться на данной территории, результатом чего станет повышение уровня общей экономической активности.

Отмечая это, названные ранее авторы пишут: «Города, как и предприятия, конкурируют между собой, предлагая бизнесу специфичный товар – среду производства, комплекс условий для хозяйственной деятельности и жизни. Успешность местной экономической политики, в конечном счете, означает успех в этой конкурентной борьбе, в которой побеждают те органы власти (вместе с сообществами), которые сумели создать на своей территории хозяйственный климат, содействующий развитию конкурентоспособных предприятий»².

Северные и восточные регионы нашей страны может заинтересовать опыт Аляски, бывший губернатор которой У. Хилл обобщил его в книге, прямо адресованной России³.

---

¹ См.: Жихаревич Б., Жунда Н., Русецкая О. Экономическая политика местных властей в реформируемой России // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 95 – 96.

² Там же. – С. 96.

³ Хилл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 2004.

Речь в ней идет о модели «штата-собственника», в основу которой была положена идея переустройства малозаселенной окраины США на базе общественной собственности на землю и природные ресурсы. Согласно положению, закрепленному в Конституции штата (1959 г.), почти треть его огромной территории была передана в собственность штата.

Кроме того, договором о создании штата Аляска предусмотрено, что доходы от добычи полезных ископаемых на федеральных землях, главным из которых является нефть (доля нефтяной промышленности в ВВП региона около 75 %, а доля доходов от нефти в бюджете штата – 85 %), делятся между штатом и Центром в пропорции 9:1. Доходы от этой собственности направляются на общественные потребности: инфраструктуру, здравоохранение, образование, науку, охрану окружающей среды. За счет ежегодных отчислений от нефтяных доходов создан Постоянный фонд Аляски, который должен страховать штат от возможных падений цен на нефть или от снижения объемов нефтедобычи. Существенная часть ежегодного прироста средств фонда выплачивается жителям Аляски.

В регионе удалось без участия Центра восстановить природные рыбные ресурсы и численность китов, решить экологические задачи в зонах эксплуатируемых нефтяных месторождений и строительства трансконтинентального нефтепровода. «Конечно, это не безусловный, но поучительный пример использования потенциала децентрализации в региональной политике», – замечает в своей статье о региональной политике экономист А. Швецов¹.

Подобный опыт мог бы, вероятно, представить интерес для таких регионов, как Тюменская область, на долю которой приходится более 60 % добычи нефти и более 90 % добычи природного газа в России и где сосредоточены основные запасы углеводородного сырья, что требует особого к себе отношения и специфических механизмов социально-экономического развития. Для этого есть множество причин, но главная заключается в том, что минеральные ресурсы в границах каждого региона, сколь бы велики они не были, отнюдь не безграничны.

---

¹ Швецов А. Либерализация государственной региональной политики // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 78.

Рано или поздно эти ресурсы исчерпаются, и тогда уже будет поздно искать новые «точки роста».

Следовательно, возможности для социально-экономического развития регионов, подобных Тюменской области, должны целенаправленно формироваться еще в период активной эксплуатации ресурсов. Механизмы, ориентированные на защиту сырьевых территорий, должны пронизывать всю государственную вертикаль – от федерального уровня и до муниципального. Как представляется, должна быть реализована консолидирующая, точнее усиливающая процесс экономических преобразований роль сырьевых территорий, которая состоит в реализации ими своих прав собственности на добытые из недр региона полезные ископаемые.

Поскольку ресурсы углеводородного сырья являются невосполнимыми и от них в решающей степени зависит современное и будущее социально-экономического положения на сырьевой территории, то тем самым последняя вправе принимать участие в решении вопросов, связанных с использованием данного потенциала, – не только в рамках региональной политики, но также и в процессе подготовки и формирования решений на федеральном уровне.

Ключевая проблема – ценообразование и учет в ценах рентной составляющей. Принципы образования налогового потенциала, величина ренты, способы ее изъятия, распределения и перераспределения играют колоссальную роль в формировании экономического механизма федеративных отношений. Они являются важными звеньями в формировании сбалансированных бюджетов (федерального и региональных). Рента от использования природных ресурсов вообще, а от нефти и газа особенно, уже длительное время является одним из самых стабильных источников поступления доходов в бюджетную систему страны. Первоочередной задачей является обеспечение получения государством (и Федерацией, и регионами) подавляющей части доходов рентного характера.

Нельзя признать правильным порядок, при котором значительная часть доходов рентного характера оседает на счетах и в карманах немногочисленных олигархических групп и не поступает собственнику природных ресурсов – государству. Есть все основания полагать, что соотношение двух показате-

лей – реально получаемой экономической ренты, то есть аккумулируемой по системе публично контролируемых каналов, и потенциально возможной экономической ренты (при существующем уровне цен, горно-геологических условиях и состоянии материально-вещественных активов) – может служить индикатором общественной направленности преобразований и реструктурирования в нефтегазовом секторе.

Поучительный опыт поэтапной эволюции местной экономической политики в Канаде рассматривает Дж. Бэйтер, который приводит в своей книге следующую таблицу, взятую из публикаций Всемирного банка.

Эволюция местной экономической политики

Этапы	Цели и приоритеты	Инструменты
I. 1960-е – начало 1980-х годов	Привлечение инвестиций в производственные мощности, в первую очередь прямые иностранные (внешние) инвестиции	Гранты (крупные безвозмездные перечисления)
	Инвестиции в объекты физической инфраструктуры	Предоставление субсидированных займов, преимущественно нацеленных на привлечение инвестиций в производственные объекты Налоговые «каникулы» Субсидирование инвестиций в объекты физической инфраструктуры Дорогостоящие проекты, направленные на снижение производственных издержек для привлечения новых предприятий
II. 1980-е – середина 1990-х годов	Удержание и развитие существующих предприятий	Прямые формы поддержки отдельных предприятий
	Приток внешних инвестиций, но теперь уже нацеленных на определенные сектора или географические районы	Бизнес-инкубаторы и технопарки Консультации и тренинги для малого и среднего бизнеса Техническая (методическая) помощь Программы поддержки начинающих предпринимателей Инвестиции в инфраструктуру – как «жесткую» (физическую), так и «мягкую» (институциональную)

III. Вторая половина 1990-х годов	Создание делового климата, способствующего развитию бизнеса в целом	Разработка цельной (единой) стратегии для содействия формированию местных компаний
	Инвестиции в развитие институциональной инфраструктуры	Обеспечение конкурентоспособного инвестиционного климата
	Развитие государственно-частного партнерства	Поддержка и поощрение сотрудничества и сетевого взаимодействия (кооперации)
	Поддержка притока частных инвестиций для производства общественных благ Привлечение внешних инвестиций исключительно на целевой основе для повышения конкурентных преимуществ	Содействие развитию бизнес-кластеров Поощрение повышения квалификации и качества рабочей силы Привлечение внешних инвестиций в развитие бизнес-кластеров Поддержка повышения качества жизни

Источник: *Бэйтер Дж.* Местное экономическое развитие в Канаде // Стратегическое планирование экономического развития: 35 лет канадского опыта. – СПб: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2004. – С. 22.

Экономические преобразования 90-х гг. прошлого века по-разному сказались на экономической и социальной ситуации в различных субъектах Российской Федерации. Одни из них выиграли, а другие не получили ожидаемых преимуществ, третьи – оказались в чистом проигрыше. При этом большинство, в том числе почти все национально-территориальные образования, за исключением главных нефтедобывающих регионов, попали в группу проигравших. Дифференциация между регионами, и без того весьма значительная, резко возросла¹.

Если несколько упростить проблему, то ее решение, в сущности, заключается в рациональном, экономически эффективном распределении финансовых средств на всех уровнях федеративного устройства России. В любом федеративном государстве бюджет призван обеспечивать реальное участие всех звеньев финансовой системы в едином процессе, в

---

¹ Климанов В.В. Региональное развитие и экономическая самостоятельность субъектов Российской Федерации. – М., 2005. – С. 38 – 41.

равной степени ориентированном и на учет общегосударственных интересов и на реализацию интересов субъектов Федерации, иных ее административных образований, всех граждан. Что конкретно означает бюджетный федерализм?

Экономисты определяют его как систему финансовых взаимоотношений органов власти и управления различных уровней на всех стадиях бюджетного процесса, основанную на таких основных принципах:

- самостоятельность бюджетов разных уровней (закрепление за каждым уровнем власти и управления собственных источников доходов, право на компенсацию расходов, возникающих в результате решений, принятых вышестоящими органами власти и управления, право предоставления налоговых и иных льгот только за счет собственных доходов и т.д.);

- формирование самостоятельной финансовой базы регионов, безусловно, должно сопровождаться адекватным развитием местной рыночной инфраструктуры. Кроме того, должны быть созданы местные фонды поддержки отраслей, имеющих ключевое значение для экономики региона, а также организаций по продаже экспортной выручки на внутреннем валютном рынке (эту роль уже отчасти выполняют региональные валютные биржи). Обязательным является создание региональных аукционных центров, проводящих инвестиционные торги. Нужны ФПГ, создаваемые для концентрации разрозненных инвестиционных ресурсов предприятий на приоритетных направлениях регионального развития. Не возможно обойтись без банков, инвестиционных компаний, пенсионных фондов, кредитных союзов и т.п.;

- законодательное разграничение бюджетной ответственности и расходных полномочий между федеральными, региональными и местными органами власти и управления;

- соответствие финансовых ресурсов органов власти и управления выполняемым ими функциям (обеспечение вертикального и горизонтального выравнивания доходов нижестоящих бюджетов);

- наличие специальных процедур предотвращения и разрешения конфликтов между различными уровнями власти и управления, достижение взаимосогласованных решений по вопросам налогово-бюджетной политики.

Комментируя эти принципы, А.М. Лавров пишет: «Концепция бюджетного федерализма содержит основополагающие идеи федерализма как территориальной формы демократии. Она должна обеспечивать реализацию прав каждой личности и территориальных общностей людей на получение определенного объема социальных услуг соответствующего их запросам качества и в отвечающих их интересам и потребностям формах. Конкретные воплощения концепции бюджетного федерализма опираются на определенное сочетание двух взаимодополняющих тенденций: конкуренции между региональными органами власти на «рынке» социальных услуг, с одной стороны, и выравнивания условий этой конкуренции и обеспечения на всей территории страны общенациональных минимальных стандартов – с другой»¹.

В новых условиях у региональной власти на первый план вышли такие проблемы, как регулирование потребительских цен, поддержка производства и социальной инфраструктуры, дотации и льготные кредиты, квоты, лицензии и т.п. Бюджет региона оказался теперь едва ли не самой сложной и главной проблемой наряду с другими вопросами, которые стали в значительной мере другими, но их не стало меньше. Не только не уменьшилась, но еще более возросла ответственность регионов за их решение.

Местные элиты стремятся подвести под свое социально-политическое влияние экономическую базу в форме муниципальной собственности, причем это мотивируется нуждами населения в поддержании и обеспечении продовольственного снабжения через систему городской и сельской торговли, потребностями низовых органов самоуправления иметь источник своего существования за счет сдачи нежилых помещений в аренду. Внешне наметилось как бы расхождение в позициях при разделе собственности между коммунальной номенклатурой и номенклатурой областного уровня, однако впоследствии это противоречие было преодолено. Раздел собственности способствовал интеграции всей элиты в рынок недвижимости, сколачиванию ею крупных состояний, складыванию собственной престижной инфраструктуры.

---

¹ Лавров А.М. Бюджетный федерализм и финансовая стабилизация // Вопросы экономики. – 2004. – № 8. – С. 21 – 22.

Муниципальная элита внешне демонстрируя свое несогласие с областной элитой в разделе собственного имущества, фактически выступала агентом в обогащении областной элиты, поскольку элитная инфраструктура была в основном интегрирована в городское общество. В него же старалась вписаться и сельская элита, приобретая имущество в городах, продвигая в муниципальное управление своих родственников и других представителей своего клана.¹

Местные власти стремятся взять на себя целый ряд функций центрального правительства, такие как:

- регулирование перемещения товаров и ресурсов по территории (включая транзит) путем введения обязательных процедур согласования либо лицензирования и квотирования вывоза, создания территориальных бартерных фондов;
- регулирование цен путем фиксации их предельных уровней, определения уровня торговой наценки и рентабельности, регулирования ставки налога на добавленную стоимость (НДС);
- контроль над денежным обращением путем определения объемов и порядка выплат наличных и безналичных денег, введения в оборот денежных суррогатов (купонов, многоразовых карточек, чеков и денег предприятий);
- введение одноканальной налоговой системы;
- самостоятельное определение условий иностранных инвестиций;
- заявления о своем исключительном контроле над федеральной собственностью на территориях.

Региональная власть, даже действуя в рамках созданных Центром ограничений, способна оказывать значительное влияние на темпы и направленность экономических процессов на подведомственной территории. Особенно заметна роль региональной власти в периоды радикальных преобразований, когда возможности маневра существенно расширяются, а ее экономическое поведение может либо заметно ускорить темпы требуемых реформ, либо, наоборот, серьезно их затормозить. В тех об-

---

¹ См.: Федерализм: проблемы формирования. – Казань, 1997. – С. 80 – 83; *Абалкин Л.* О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. – 1994. – № 2. – С. 4 – 13; *Чернышев А.Г.* Регионы как субъект политики. – Саратов, 1999.

ластях и республиках, в которых местные властям удалось выстроить регионально специфичные, адекватные традициям нормы взаимоотношений с Центром, последствия общенационального экономического кризиса при прочих равных условиях были менее тяжелыми, чем на территориях, где власти лишь дублировали стандартные общероссийские нормы и правила.

Например, неспецифические институты привлечения внешних инвесторов (льготное налогообложение, предоставление региональных гарантий, конкурсы инвестиционных проектов, передача в залог имущества и др.) созданы во многих регионах России. Однако решения инвестора слабо связаны с наличием в регионе лишь стандартных институтов. На его поведение более эффективно воздействуют специфические нормы и правила, адаптированные к особенностям и схемам прав собственности конкретного предприятия.

В этих условиях региональные власти, отмечают кемеровские экономисты Н. Апарина и М. Курбатова, выступают в роли субъектов, решения которых оказывают существенное влияние на объем ресурсов, находящихся в непосредственном распоряжении субъектов хозяйствования, что превращает данные решения в составную часть «пучка» прав собственности, ограничивающую сроки, направления, характер использования ресурсов (прежде всего, труда и земли) региона. При этом с позиции теории общественного выбора структура функций региональной и местной администрации и интересы лиц, ее представляющих, признаются важнейшим фактором, определяющим принимаемые решения и превращающим их в объект торга с бизнесом¹.

В последнее время в контексте усиления в органах центральной власти позиций федералов, частные компании уделяют все большее внимание работе с региональными властями. Если раньше их владельцы только налаживали связи с действующими губернаторами и поддерживали их начинания, то сейчас ситуация меняется. Как отмечалось ранее, компании стремятся провести на посты руководителей нужных им регионов своих непосредственных представителей.

---

¹ См.: Апарина Н., Курбатова М. Взаимодействие региональной администрации и бизнеса в процессе использования ресурсов региона // Вопросы экономики. – 2003. – № 11. – С. 111.

В этом случае они могут быть уверены, что в регион не смогут зайти их конкуренты. Кроме того, бизнесмены уделяют пристальное внимание выборам региональных законодательных собраний и руководителей муниципальных образований. Наличие собственной фракции в региональном законодательном собрании позволяет бизнесу воздействовать на губернатора, поскольку депутаты утверждают бюджет региона и могут начать компанию по критике главы субъекта Федерации. Руководство муниципальных образований также может оказаться очень полезным, поскольку именно оно выделяет места под строительство коммерческих объектов.

В России остаются большие проблемы в законодательстве о предпринимательской деятельности и ее регламентации в отношении объектов государственной и муниципальной собственности. Отсутствуют институты публичного права и собственности, в рамках которых функционирует вся система партнерских отношений государства и частного сектора в странах развитого капитализма.

Как обстоит дело в указанных странах? Сошлемся на цитировавшуюся ранее работу В.Г. Варнавского, в которой речь идет о том, что в последнее время в сфере партнерства государства и частного сектора наблюдаются новые тенденции:

- перемещение центра тяжести решения социально-экономических проблем с федерального уровня на местный и региональный;
- повышение роли муниципальных и городских органов власти в партнерствах с частным бизнесом;
- институционализация вертикальных союзов между центральными и местными органами власти и укрепление горизонтальных связей между ними и частным сектором хозяйства;
- диверсификация партнерства государства и частного сектора в направлении включения в его орбиту социальных, правоохранительных и военных сфер;
- институционализация международных структур в целях реализации крупномасштабных проектов во взаимодействии государства и бизнеса¹.

---

¹ Варнавский В.Г. Указ. соч. – С. 28.

В качестве наиболее показательного примера автор ссылается на опыт Великобритании. За период с 1992 по 2001 гг. английское правительство осуществило более 400 проектов партнерства на общую сумму свыше 19 млрд ф.ст. Были подписаны партнерские соглашения в многочисленных секторах хозяйства, включая общественный транспорт и транспортную инфраструктуру, информационные технологии и НИОКР, защиту окружающей среды, градостроительство, правительственные здания и сооружения и т.д. В дополнение к традиционным сферам партнерства британские органы власти стали заключать договоры с частным сектором о предоставлении услуг в области социальной инфраструктуры: здравоохранения, образования и повышения квалификации рабочей силы, поддержки социально уязвимых групп населения, преодоления чрезмерной социальной дифференциации в обществе.

В спектр партнерских отношений с частным сектором оказались вовлечены даже объекты правоохранительной и военной сфер: тюрьмы, военные казармы и военно-учебные заведения. В этом проявляется децентрализация экономической власти – передача дополнительных полномочий местным органам власти и частичная приватизация некоторых социальных, правоохранительных и военных функций государства.

Основываясь на этом опыте, британское правительство в середине 2000 г. существенно расширило сферу партнерств, объявив о еще более масштабной программе реализации концессионных и контрактных проектов с участием частного бизнеса. В течение 2000 – 2003 гг. по этой программе предполагалось израсходовать 20 млрд ф.ст. – почти 7 млрд в год, что более чем в три раза превышает ежегодные расходы предыдущих десяти лет реализации PFI. Первая очередь проектов стоимостью 450 млн ф. ст. включает реконструкцию лондонской королевской больницы и больницы Св. Бартоломея, создание новой системы трамвайного сообщения в Бристоле и модернизацию лондонского железнодорожного узла.

По существу, программное концептуальное заявление о партнерствах сделал один из руководителей министерства финансов Великобритании Э. Смит: «Мы признаем, что есть

сферы, в которых частный сектор работает лучше всего, а государство, со своей стороны, имеет предложения по заключению контрактов. Старый спор относительно того была ли государственная собственность всегда лучшей, или является ли приватизация единственным путем разгосударствления, устарел. Если мы извлечем рациональные зерна из партнерства государства и частного сектора, то появится возможность предоставить обществу высококачественные коммунальные услуги»¹.

Нельзя сказать, что российские регионы находятся под полным диктатом Центра. За ним, конечно, решающее слово. Но с началом рыночных преобразований субъекты Федерации получили определенные возможности для самостоятельного решения многих социально-экономических проблем, особенно за счет укрепления местной финансовой базы и расширения прав по региональному самофинансированию. Ведущая роль в разработке программ привлечения инвестиций должна принадлежать органам власти субъектов Федерации.

К настоящему моменту различные экономические методы активизации инвестиционной деятельности применяются региональными администрациями сорока семи субъектов Федерации. В шестнадцати регионах используется предоставление налоговых льгот инвесторам, в двадцати пяти – страхование рисков залогом имущества субъектов Федерации, в восемнадцати – участие региональных бюджетов в финансировании перспективных инвестиционных проектов².

Хотя результаты стимулирования инвестиций на уровне региональных администраций до последнего времени выражались лишь в эпизодических и локальных «всплесках» инвестиционной активности, тем не менее, субъекты Федерации, проводящие активную политику в этом направлении (то есть использующие в том или ином сочетании комплекс экономических методов активизации инвестиционной деятельности), в различных инвестиционных рейтингах оцениваются как имеющие наиболее благоприятный инвестиционный климат.

---

¹ Цит. по: Варнавский В.Г. – Указ. соч. – С. 34.

² Смыков В.Д. Политические аспекты межбюджетных отношений в Российской Федерации. – М.: ИСП РАН, 2004. – С. 87.

Неотъемлемой частью современной рыночной экономики России, является банковская система, которая призвана активно участвовать в решении инвестиционных проблем в регионах. Как один из основных элементов национального хозяйства, она является важнейшим фактором, позволяющим ускорить и упорядочить экономические преобразования в стране. Эффективное развитие банковского сектора положительно сказывается не только на инвестиционной активности, но и на экономическом росте в целом. Банки должны выполнять координирующую роль в экономическом и социальном развитии регионов.

Однако неравномерность размещения эффективных объектов приложения капитала среди субъектов хозяйствования, а также неравномерное размещение производительных сил в России в целом, вызывают диспропорции в функционировании и распределении банковского капитала. Налицо необходимость разработки специальных региональных программ банковского обслуживания и развития региональных финансовых рынков.

Банковская система России еще очень слаба: весь ее капитал – порядка 20-25 млрд долларов – равен капиталу среднего американского или европейского банка. В России, где одно банковское учреждение приходится на 32 тыс. чел., тогда как в Англии, Ирландии, Швеции – на 4-5 тыс., Соединенных Штатах – на 2 тыс., Германии – на 1,5 тысяч. Величина активов у среднестатистической кредитной организации (без учета Сбербанка) достигает 100 млн долл., а в Южной Корее – 4 млрд долл., Великобритании – 5 млрд долл., Японии – 45 млрд долл.

Эти данные говорят о том, что российские банки пока не удовлетворительно выполняют свою главную функцию – служить механизмом образования, накопления и перераспределения капитала в национальном хозяйстве, превращать средства населения и корпоративного сектора в ссуды и инвестиции, помогать развитию предпринимательства.

Слабой остается и вся финансовая система, объем которой (капитализация рынка акций, государственных и корпоративных облигаций, банковские активы) равняется примерно годовому ВВП, тогда как в Бразилии – двум, Китае – трем,

США – пяти, Франции, Германии, Японии, – шести, Англии – семи валовым внутренним продуктам¹.

Распределение банковской сети по регионам остается крайне неравномерным. Из 1327 кредитных организаций 633 расположены в Москве, в то время как более 10 субъектов Федерации имеют по одному-двум банкам, а три субъекта – ни одного. Это характерно и для размещения активов кредитных организаций (83,4 % активов размещены в Москве и Московской области)².

Важнейшая задача государства состоит в том, чтобы создать условия для обеспечения доступности банковских услуг на всей территории России, особенно в тех регионах, которые не обладают достаточным финансовым потенциалом для обеспечения рентабельности операций частных банков. Очевидно, что правительство должно стимулировать коммерческие банки к открытию филиалов в регионах с целью расширения кредитования реального сектора.

В числе регионов с самым значительным участием средств их бюджетов в региональном инвестировании особенно выделяются Москва и Санкт-Петербург. На протяжении 1999 – 2005 гг. их доля в источниках капитальных вложений варьировалась от 8 до 24 % при среднем значении по России – не более 10 %. Однако в этих регионах прослеживается постепенная стабилизация рассматриваемого показателя. В первую очередь это обуславливается их устойчиво высокой инвестиционной поддержкой из федерального бюджета, что не всегда оправдано, имея в виду мощный потенциал самофинансирования Москвы и Санкт-Петербурга. Инвестиционный рост в столицах привел к увеличению доли всего Центрального федерального округа (ЦФО), хотя для 13 его регионов было характерно сокращение долей в общих инвестициях.

Среди других регионов надо также отметить рост на 2,1 процентных пункта долей в инвестициях в основной капитал Краснодарского края. В относительно благоприятном положении благодаря близости к двум столицам оказались также Московская и Ленинградская области.

---

¹ См.: Общество и экономика. – 2005. – № 10-11. – С. 43.

² См.: Банковское обозрение. – 2005. – № 12. – С. 36.

Среди таких регионов отметим и дальневосточные районы, регионы сосредоточения конверсируемых производств, некоторые области Центрального Черноземья. В целом же ни один субъект Федерации не сохранил объем капитальных вложений на дореформенном уровне. Однако это не позволяет считать инвестиционное пространство России однородным, так как межрегиональная дифференциация темпов капитальных вложений весьма значительна. В целом по стране они сократились за годы реформ в четыре раза и по масштабам спада превысили все остальные макроэкономические показатели. В то же время, например, в Москве, Тюменской области, Республике Башкортостан инвестиции уменьшились за этот период в 1,7 – 2,5 раза, а в Ивановской, Пензенской, Смоленской областях, Республике Тыва – в 6-8 раз¹.

По опыту стран с федеративным устройством минимально достаточным уровнем доли региональных бюджетов в источниках инвестиций можно считать 15 %. В России же только 11 субъектов Федерации достигли или приблизились к этому уровню. Не вызывает сомнений, что без формирования стабильной доходной базы бюджетов субъектов Федерации, устранения нерациональных межбюджетных отношений, совершенствования государственной инвестиционной политики на федеральном уровне, реальные возможности укрепления инвестиций из региональных бюджетов невелики.

Преимущественным федеральным инвестированием пользуются регионы Европейской части России, включая Урал, в то время как доля восточных регионов в общем объеме инвестиций относительно невелика. Практически одинаковая федеральная поддержка инвестиционной деятельности характерна, например, для Республики Татарстан, Ярославской, Самарской, Ленинградской, Вологодской областей (то есть относительно благополучных регионов), и республик Марий Эл, Мордовия, Бурятия, Тыва, Брянской, Ивановской областей, являющихся наиболее проблемными субъектами Федерации².

---

¹ Экономические проблемы становления российского федерализма. – М.: Наука, 1999. – С. 87.

² Там же. – С. 87 – 88.

Не оправдывается расчет на повсеместное расширение участия в региональном инвестиционном процессе собственных средств предприятий и организаций. Например, только на территории 23-х субъектов Федерации рассматриваемый показатель превышает среднероссийский уровень (61,5 %).

Среди них многие уральские регионы, республики Карелия и Коми, а также Самарская, Нижегородская, Тюменская области. В то же время во многих других индустриально развитых субъектах Федерации, в которых сложились достаточно благоприятные условия для проведения реформ, собственные средства предприятий и организаций покрывают значительно меньшую долю совокупных инвестиционных финансовых потребностей, чем в среднем по России. Так, в Москве указанные средства составляют всего 28,9 % общего объема инвестиций, в Московской области – 45,9 %, в Санкт-Петербурге – 43,9 %¹.

Решение проблемы инвестиций в большой степени зависит от формирования эффективных региональных институтов, от внутреннего строения самой власти как фактора, определяющего ее способность аккумулировать информационные потоки и принимать решения на оптимальном уровне. Централизация региональной власти эффективна при осуществлении хозяйственной координации в рамках относительно простой по структуре северной территории, где главным образом ведется добыча природных ресурсов.

Когда же речь идет о более диверсифицированной хозяйственной структуре региона, такая централизация препятствует привлечению частных инвестиций. Бюджетная политика в регионах характеризуется закрытостью в силу значительного числа целевых фондов, огромной ролью водочных акцизов при формировании доходной части регионального бюджета, асоциальностью расходов, многочисленными, зачастую непродуманными инвестиционными проектами, реализуемыми дружественными власти компаниями за счет средств регионального бюджета. Это закономерно, потому что в таких условиях рассчитывать на крупные внебюджетные инвестиционные источники трудно.

---

¹ Там же. – С. 90.

Особая проблема – иностранные инвестиции в регионах. Она имеет свою специфику, связанную с определенными отраслевыми льготами для зарубежного капитала. Практика показывает, что эти льготы фактически не способствуют его перераспределению в те субъекты Федерации, которые испытывают наибольший инвестиционный голод. Необходимо стимулировать иностранные инвестиции в те регионы и отрасли, где отсутствуют или ограничены собственные возможности накопления. Этот процесс целесообразно подкрепить регионально-отраслевыми льготами и преференциями, предоставляемыми как федеральным правительством, так и местными администрациями под их гарантии.

Одновременно при определении размеров финансовой помощи из Центра следует учитывать все каналы формирования региональных источников инвестирования, включая иностранные вложения. Нельзя не учитывать и то, что пополнение ликвидности в экономике исключительно за счет внешних заимствований, экспортной выручки, как это практикуется в России, не может рассматриваться как исключительный или основной инвестиционный механизм финансирования экономического развития. Превалирующее использование данных источников ставит Россию в жесткую зависимость от международной экономической и политической конъюнктуры.

Макроэкономическая нестабильность, особенно высокий уровень инфляции и бюджетный дефицит, в значительной степени объясняют экономическую депрессию и слабое развитие предпринимательства на региональном и местном уровнях в России. Политическая нестабильность также оказывала негативное воздействие.

Однако основными причинами слабого развития бизнеса в России автор настоящей монографии считает:

- а) отсутствие предпринимательской культуры;
- б) существование сильных заинтересованных групп, которые придерживаются теории об избирательном вознаграждении экономической деятельности. Он во многом прав.

Отсутствие предпринимательской культуры в России имеет исторические корни. Довольно продолжительный период коммунистического прошлого сильно повлиял на мен-

талитет предпринимателей. Частное предпринимательство в России имело относительно слабые традиции даже до революции, а при советской власти любая предпринимательская деятельность была запрещена. В отличие от России, в других социалистических странах Европы предпринимательство было развито до прихода к власти коммунистов и допускалось в известных пределах плановой экономикой. Поэтому в них предпринимательские традиции не были полностью разрушены и стали основой развития бизнеса в посткоммунистическом обществе.

Крупный капитал в регионах делает значительные вложения в социальную инфраструктуру своих городов, прежде всего, потому, что на этом настаивает областная и местная власть. Вместе с тем, компании сами не заинтересованы в наращивании социальной напряженности на территории своей деятельности и стремятся создать соответствующую культурную среду. Эксперты Свердловской области считают, что вложения бизнеса в социальную инфраструктуру, особенно в строительство храмов, менее эффективны в сравнении с другими альтернативными направлениями социальных расходов. Прежде всего, они видят в этом стремление бизнеса к реализации пафосных проектов вместо необходимой помощи городскому хозяйству или особо нуждающимся группам населения.

Инициатором многих проектов выступают, как правило, губернатор и правительство области. У них вполне отлажена система привлечения средств на такие цели. Вот такую технологию сбора средств в области комментирует один из банкиров: губернатор обычно работает по определенной схеме. Он заранее определяет, сколько денег должны дать промышленники, банкиры. Финансирование интегрирует Главное местное управление Центробанка. Оно перечисляет деньги. Власть не просит на свои проекты запределных сумм.

В этой сфере обращения средств действует мотив «делиться надо», – один из тех мотивов, который хорошо осознается и влияет на действия многих руководителей и собственников компаний. Подобное представление превратилось в некоторый внутренний императив, который не обсуждается и не подвергается сомнению. Заработал – поделись. Такова по-

зиция бизнеса, которая, по-видимому, составляет одну из основ формирования деловой этики в регионах.

Такая позиция поощряется известными преференциями, которые часто определяются неформальными договоренностями. Их содержание и объем остаются закрытыми, особенно, если это касается договоров власти с крупным бизнесом. Областные, городские и муниципальные власти имеют, разумеется, разные возможности предоставления преференций. Областная власть может лоббировать интересы бизнеса при получении государственных или зарубежных заказов, контролировать приход на территорию области «чужого» конкурентного бизнеса.

Не менее важным ресурсом для преференций областной власти является установление арендных ставок за землю, понижающих и повышающих коэффициентов. Эти цифры принимаются по постановлению правительства Свердловской области. Ресурсы городской власти сопоставимы по значимости с ресурсами областной власти – это землеотводы, арендные отношения, бюрократические послабления, касающиеся упрощения процедуры оформления разрешительных документов, гарантированные подряды, льготная оплата за использование муниципальной собственности. Главным ресурсом городской власти при взаимодействии с бизнесом является землеотвод.

Давление местной власти на бизнес может привести не к мобилизации предпринимателей, а к их уходу с поля реализации тех или иных деловых проектов. Нельзя ожидать от бизнеса, что он будет действовать в ущерб своим прагматическим интересам. Чтобы тратить свои деньги на совместные предприятия (СП), предприниматель сначала должен их заработать. Поэтому требования власти должны учитывать реальные возможности бизнеса, а не исходить из того, что сегодня власть хочет от него получить. Дело, как правило, завершается компромиссом. Бизнесу делегируется не только финансовая ответственность, но и преимущества, которые ему обеспечивают рыночные реформы.

В настоящее время сложно говорить о существенных изменениях в лучшую сторону в развитии регионального предпринимательства. В целом ситуация в этой сфере оставляет желать лучшего. Правительство, принимая государственные

программы в целях социально-экономического развития регионов, не торопится внедрять их в жизнь и не проявляет последовательности в этом направлении. Программы декларативны и работают весьма слабо. Вероятно, необходимы иные подходы. Основное стимулирование надо осуществлять на базе эффективного налогообложения в сочетании с банковской реформой.

По сравнению с западным, российский бизнес существует в обстановке неразвитой правовой системы и всесильной исполнительной власти, ориентированной на собственные интересы. Поэтому те вопросы, которые в других странах решаются с помощью правовых механизмов, у нас обычно решаются неформальными, теневыми, коррумпированными способами. «Российское предприятие является не только и даже не столько комплексом отношений сторон (учредителей, персонала, менеджмента, акционеров, клиентов и контрагентов), закрепленных юридической поддержкой государства, а прежде всего интерфейсом между данным бизнесом и органами власти, озабоченными соблюдением своих интересов. Поскольку речь здесь идет не только об официальных ведомственных интересах, но и об участии в бизнесе самих представителей власти, имеет место нечестная конкуренция, масштабы которой можно оценить количественно»¹.

Затронутые выше вопросы во многом связаны с объективными обстоятельствами. Российское общество переживает переходный период. Строительство рыночной экономики еще далеко от завершения, равно как и создание правового государства, утверждение демократических норм в политической и социальной жизни.

Для России еще не пришла пора следовать либеральной рекомендации Ф. Фукуямы о том, что программы общественной политики должны заключаться «не в концепции активного правительственного вмешательства в экономику, а в том, чтобы убрать государство с дороги индивидов и сообществ, которые хотят построить социальный порядок для самих себя»².

---

¹ Общество и экономика. – 2005. – № 12. – С. 62–63.

² Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М., 2004. – С. 373.

3.5. МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВЕНЬ

У отечественных и зарубежных исследователей российский капитализм вызывает немало вопросов относительно своего генезиса, функционирования, механизмов связей с государством и социально-экономических результатов. Что представляет растущий интерес сегодня, так это вопросы о жизнеспособности данной модели капитализма и о перспективах изменений в отношениях «государство – бизнес» перед лицом глобализации. Возрождение капитализма в России со всеми его особенностями совпало с открытием страны для экономических связей с внешним миром.

Очевидно, что курс на вступление во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) знаменует собой целенаправленную попытку вовлечь Россию в экономические транснациональные процессы. Указывая на это, многие аналитики утверждают, что одна из ключевых задач состоит в выработке, по мере трансформации старой советской системы, более продуктивных взаимоотношений между государством и частным предпринимательством. Сегодня стимулом к решению этой задачи и одновременно обстоятельством, осложняющим его, и становится давление финансовых сил мирового рынка¹.

В этом плане представляются весьма убедительными суждения известного американского экономиста Джозефа Стиглица, который считает, что Россия, следуя рекомендациям Международного валютного фонда (далее – МВФ) и добиваясь вступления в ВТО, многое потеряла и рискует потерять еще больше, если будет продолжать прежний курс экономической политики. По его мнению, базовая экономическая модель, принятая международными финансовыми институтами, в частности МВФ, несет в себе очень глубокие недостатки: «Позиция МВФ вообще никогда не имела ничего общего с экономической наукой и настоящей рыночной экономикой, она в основном несла в себе идеологический заряд. Эта модель основана на убежденности в том, что рынок сам по себе решит все проблемы. Да, рынок играет очень важную роль, он стоит в центре любой успешно развивающейся экономики, но

---

¹ См.: *Ли Инсонг. Российский капитализм в эпоху глобализации: задачи и перспективы* // МЭиМО. – 2004. – № 2. – С. 42.

рынкам присуща масса серьезных проблем. И если мы говорим о необходимости успешного роста, стабильного общества, нужно обеспечить баланс между рынком и государством»¹.

Россия не увидит никакой выгоды от вступления во Всемирную торговую организацию: «ВТО ограничивает возможности проведения определенной промышленной политики, индустриализации, получения доступа к технологиям. В ВТО существует неравноправие торговых режимов. И даже если страна подписывает соглашение о свободной торговле лекарствами, это не означает, что ее путь на рынок открыт во всех направлениях. Часто возникает проблема законности сделок по режиму ВТО. Поэтому в краткосрочной перспективе возможности России здесь ограничены»².

Процесс вступления России в ВТО и последующее развитие событий подтвердили прогноз теоретика. Сам этот процесс из-за неприемлемых для РФ условий, выдвигаемых партнерами по переговорам, длился почти 20 лет и встретил в России довольно широкое сопротивление со стороны многих экономистов и гражданской общественности.

Западные правительства и транснациональные компании проводят избирательную политику в отношении стран, интегрирующихся в мировую экономику. Если, например, партнерам СССР и Совету экономической взаимопомощи и ряду бывших советских республик был открыт свободный доступ в ВТО, то перед Россией то и дело выдвигались условия для вступления, далекие от ее национальных интересов. Это вызвало в России общественное движение «Россия против ВТО», которое после вступления РФ в ВТО в 2012-м г. выступило со специальным заявлением, где, в частности, говорилось: «Россию не просто включили в мировую торговую организацию, ее лишили суверенитета и принесли в жертву глобальной финансовой системе»³.

Воздействие международного олигархата на процесс реставрации капитализма в России происходило и по другим

---

¹ Цит. по: Независимая газета. – 2004. – 20 апр.

² Там же; см. также: *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003.

³ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://stop-vto.ru/2012/11/16>

направлениям. Подключение к этому процессу иностранных корпораций расширило возможности ФПГ, обусловило особенности их дальнейшего развития. Они получили доступ на мировые финансовые рынки.

Например, одним из учредителей нефтяной компании «Сибнефть» выступил «Deutsche Bank» и ряд аффилированных с ним структур, а в состав консорциума «Mustcom», выигравшего в 1997 г. конкурс по АО «Связьинвест», вошел фонд «Quantum», принадлежащий американскому финансисту Дж. Соросу. К активному продвижению в этом направлении, в частности, скупки акций зарубежных компаний призвал крупный бизнес на встрече с его представителями в Краснодаре кандидат в президенты РФ Д.А. Медведев, пообещав всемерную поддержку со стороны государства¹.

Представители крупного бизнеса активно пытаются влиять не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику государства. В качестве иллюстрации можно привести заявление, сделанное накануне войны в Ираке президентом нефтяной компании «ЮКОС» М.Н. Ходорковским. «Если Россия наложит “вето” на американско-британский проект резолюции, – она рискует одним ударом разрушить шанс на долгосрочное стратегическое партнерство с США, которое... более важно, чем сотрудничество с Францией и Германией»².

Ряд ученых и наблюдателей в связи с этим подчеркивали, что высказанная точка зрения противоречит официальной позиции, сформулированной Президентом РФ В.В. Путиным. Считая это свидетельством выхода политических амбиций крупного бизнеса на качественно новый уровень, они обращали внимание на то, что заявление одного из ведущих российских предпринимателей совпало с завершением переговоров о крупнейшей сделке последних лет – попыткой поглощения «ЮКОСом» другой нефтяной компании – «Сибнефти».

Академик РАН Д.С. Львов указывал на появление силы «мощное правительство», что ослабляет политическое руководство. А ректор Санкт-Петербургского технологического университета (СПбТУ) профессор В.С. Литвиненко (в прошлом научный руководитель В.В. Путина) назвал «страшным»

---

¹ См.: Ведомости. – 2008. – 2 фев.

² Los-Angeles Times. – 2003. – 14 March.

стремление «крупных предпринимателей превратиться в крупных политиков и диктовать волю исполнительной власти»¹.

Насколько глубока эта тенденция, судить сложно. Видимо, проблему эрозии существующей модели взаимоотношений власти и бизнеса нельзя ни преувеличивать, ни недооценивать.

Стремление крупного капитала, включая региональный, к выходу на внешние рынки соответствует мировым тенденциям развития экономики. Если, например, выделить 25 ведущих в экономическом отношении государственных образований по уровню валового национального продукта, то среди них оказались бы десять штатов США, среди которых Калифорния занимает по этому показателю восьмое место в мире. Глобализация, как отмечают американские аналитики, «увеличивает роль штатов и провинций в мировой экономике, отражая, в сущности, процесс, который происходил ранее на уровне национальных государств»².

Данная проблематика вплотную подводит нас к более широким проблемам взаимодействия власти и бизнеса в России, вводящими их в поле глобальных вопросов мировой экономики и политики. Нефтегазовый сектор и в этом отношении дает наглядный пример. В наше время на мировых рынках нефти и газа ведущую роль играют 14-15 стран, располагающих значительными месторождениями нефти и газа, разработка и экспорт которых являются важнейшим источником их экономического развития. Наибольшее значение для мировых рынков имеют группы стран района Персидского залива, Северной Африки, Латинской Америки, а также Норвегия и Россия.

Усиление интернационализации и глобализации мировой энергетики, рост энергетической взаимозависимости, а также очевидность широкомасштабного международного сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности, которая все более отчетливо приобретает глобальный характер,

---

¹ Комсомольская правда. – 2003. – 24 апр.

² Brown D., Fry E., Groen J. States and Provinces in the International Economy Project // States and Provinces in the International Economy. – Berkley, 1998.

ведут к дальнейшему развитию и совершенствованию институтов мировой энергетической политики и механизмов многосторонней дипломатии на глобальном уровне.

Энергетическая проблематика традиционно обсуждается на всех крупнейших экономических и политических форумах, включая ООН. Наблюдается активизация международного энергетического сотрудничества на региональном уровне. Ощутимое воздействие на международную энергетическую политику в глобальном и региональном плане оказывают крупные компании нефтегазового профиля. Энергетическая дипломатия прежде всего означает деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и соответствующих ведомств совместно с национальным бизнесом по осуществлению целей и задач внешней энергетической политики, по защите интересов государства, обеспечению его энергетической безопасности.

В глобальном масштабе к началу XXI в. сформировались основы общей энергетической политики, как стран – потребителей, так и стран – производителей энергоносителей в процессе институционализации международной системы: Международное энергетическое агентство, ОПЕК и т.п. Институциональные тенденции в этой сфере обусловлены как интересами двух вышеназванных групп государств – экспортеров и импортеров энергоресурсов, так и интересами отдельных стран.

По своему влиянию на мировую экономику и политику глобализация не имеет равных себе в истории. Вне учета ее невозможно объективно оценить ни характер и особенности российского бизнеса, ни, тем более, международные аспекты отношений последнего с государством и властью.

Интернационализация экономики образует основу всех глобализационных процессов. Динамизм развития глобальной экономики в последние десятилетия характеризуется значительным опережением темпов роста международной торговли по сравнению с темпами увеличения мирового валового продукта: мировой экспорт увеличивается в 1,5-2 раза быстрее роста валового продукта. Это означает, что хозяйство отдельных стран мира во все возрастающей мере работает на внешний рынок, а экспорт превышает четверть глобального

продукта. Статистика показывает, что сейчас для многих стран, включая Россию, мировой рынок уже не может рассматриваться как дополнение к национальному, а становится необходимым условием функционирования народного хозяйства. Его роль в развитии национальной экономики становится сопоставимой с ролью внутреннего рынка, что явственно показывает зависимость российской экономики от мировых цен на энергоресурсы.

Воздействие глобализации на экономическое развитие разных стран неоднозначно. Согласно статистическим данным, в Латинской Америке только три страны (Колумбия, Чили, Ямайка), а в Африке только четыре (Ботсвана, Гвинея-Бисау, Мавритания и Уганда) – с 1980 по 1995 гг. несколько сократили разрыв с показателем ВВП на душу населения США. В свою очередь, 19 стран Латинской Америки и 34 африканских страны еще больше отстали от США по данному показателю. На основании подобных фактов критики глобализации утверждают, что в ее условиях богатые становятся богаче, а бедные – беднее¹.

Не лучше обстоит дело с прямыми иностранными инвестициями (далее – ПИИ). Приток ПИИ в страны Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) начался сразу же после выхода их из Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и к началу 2000 г. принял внушительные масштабы. К концу 2003 г. их объем во всем регионе ЦВЕ достиг почти 165 млрд долл., в том числе в Чехии – 43 млрд, Польше – 42 млрд, Венгрии – 25 млрд, в Словакии – 11 млрд долл.

В расчете на душу населения во всем регионе ЦВЕ это составляет 1309 долл., что на 40 % превышает среднемировой уровень, хотя и ниже, чем накопленные ПИИ в менее развитых странах ЕС – 15. Например, в Португалии этот показатель составил в 2002 г. 4360 долл., в Испании – 5290 долл., в то время как в Чехии – 4186, Венгрии – 2447, Словакии – 1974, в Польше – 1098 долл.²

---

¹ См.: *Фейгин Г.* Переходные экономики в эпоху глобализации: состояние и перспективы развития // *Время перемен.* – 2006. – № 1. – С. 98.

² *Economic Survey of Europe.* – 2004. – UN., N.Y. and Geneva. – № 1. – P. 86.

Прямые иностранные инвестиции (в млн долл.)

Страны и регионы	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Польша	1875	3659	4498	4908	6365	7270	9343	5714	4131	4129	6159
Чехия	869	2562	1428	1300	3718	6324	4986	5641	8483	2101	4463
Словакия	269	308	353	231	707	428	1925	1584	4141	669	1107
Венгрия	1146	4834	3333	4174	3350	3309	2763	3929	2998	2155	4178
Болгария	105	90	109	505	537	819	1002	813	905	2097	1803
Румыния	338	420	267	1221	1976	1027	1057	1158	1141	2196	5088
ЦВЕ, всего	...	...	11413	15142	20043	22231	23987	22866	27472	19283	28850
Справочно:											
Россия	690	2065	2579	4865	2761	3309	2714	2748	3461	7958	11672
Украина	159	521	521	623	743	496	595	729	693	1424	1715

Источник: Economic Survey of Europe. – 2005. – № 2. – Р. 85.

Поток ПИИ в Россию до 2003 г. был заметно ниже, чем в такие страны, как Чехия, Польша и даже Венгрия. Однако в 2003 г. он составил почти 8 млрд долл. США, существенно превысив аналогичный показатель стран ЦВЕ. Возможно, Запад стал уже больше доверять России. В 2004 году поток ПИИ в Россию достиг почти 12 млрд долл. США, но накопленные ПИИ в расчете на душу населения в России в 2004 г. были равны всего лишь 360 долл. – в несколько раз меньше, чем в странах СЭВ. При этом надо иметь в виду, что многие страны ЦВЕ, не говоря уже о России, осуществляют ПИИ за рубежом. Так, за период с 1990 по 2000 гг. ПИИ из стран ЦВЕ составили 3,9 млрд долл., в том числе из Венгрии 1,9 млрд долл.¹

Надо сказать, что интеграции России в глобальную экономику препятствуют не только и, видимо, не столько дискриминационные меры Запада, но и независимость экономических реформ, которые в страны ЦВЕ с самого начала были ориентированы на интеграцию в мировое хозяйство. Отмечая это, экономист Г. Фейгин указывает на следующие факты:

- после распада мировой социалистической системы во всех бывших соцстранах была ликвидирована государственная

---

¹ См.: Кудров В. Страны Центральной и Восточной Европы: опыт системной трансформации // Вопросы экономики. – 2006. – № 5. – С. 112.

монополия на внешнюю торговлю и снято значительное количество ограничений на ввоз иностранных товаров;

- большинство стран с переходной экономикой в первые годы рыночных преобразований приняли законы, регулирующие механизмы привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Одновременно происходило становление рынков капитала, и акции предприятий стали продаваться западным инвесторам;

- страны с переходной экономикой принимают активное участие в работе международных экономических организаций (например, ВТО), а также в различных региональных экономических блоках. Особо следует отметить вступление 1 мая 2004 г. восьми стран ЦВЕ в ЕС как результат трансформации в этих странах, с одной стороны, и их последовательной интеграции в мировое хозяйство – с другой¹.

В России такого рода трансформации все еще далеки от завершения. Перед ней стоят и проблемы, связанные с неготовностью приспособиться к переменам, происходящим в тех или иных сегментах глобальной экономики. Так, основной экспортный партнер России на международном рынке энергоносителей – страны Европейского Союза – находится на пороге кардинальной перестройки системы функционирования газовой отрасли. Начатая в 1998 г. либерализация европейского рынка газа ставит перед «Газпромом» необходимость модернизации структуры взаимодействия с давним партнером, основанной на критериях жесткой конкуренции и активного поиска новых союзников в Европе.

Важен и тот факт, что «Газпром» является не только финансово-экономической корпорацией, но и, имея статус «государственной монополии», зачастую служит ресурсом проведения внешнеэкономической политики государства. Фактически российское руководство должно определиться с выбором: либо реформировать газовую монополию, создав предпосылки для эффективного развития газовой отрасли, либо, отказавшись от планов реструктуризации, сохранить за собой реальный рычаг экономического влияния на международной арене, призванного обеспечить защиту интересов государства, в ущерб развитию газовой сферы российского нефтегазового комплекса.

---

¹ Фейгин Г. Указ. соч. – С. 100.

Реформа газовой отрасли становится одной из основных проблем взаимодействия Российской Федерации и Евросоюза. Последний оказывает давление на руководство России в вопросах претворения в жизнь планов реструктуризации газовой составляющей топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), используя, в частности, в этих целях и определенные структуры ВТО. От России требуют повышения внутренних цен на газ до уровня мировых, демополизации «Газпрома», открытия российской газопроводной системы для свободного транзита российскими и иностранными трейдерами, снижения экспортных пошлин, а также разрешения строить частные трубопроводы. Европа заинтересована, с одной стороны, в росте поставок российского газа, а с другой – в снижении его стоимости.

Но российская газовая монополия имеет не меньший набор контраргументов, апеллирующих к политической поддержке власти. Им пока удастся убедить правительство в недопустимости разделения «Газпрома» по видам деятельности, на чем настаивают другие производители газа и финансово-макрэкономический блок. Показательны в этом плане жесткие заявления президента РФ, раскритиковавшего «бюрократов из ЕС» за попытки выдвинуть требование разделения «Газпрома». «Мы и дальше намерены сохранять контроль государства над газотранспортной системой и “Газпромом”, – заявил В.В.Путин, – “Газпром” делить не будем. И у Еврокомиссии не должно быть никаких иллюзий. В газовой сфере они будут иметь дело с государством»¹.

Частью процесса вступления России в ВТО явились ее переговоры со всеми заинтересованными членами этой Организации по двусторонним соглашениям о доступе на рынки. ЕС – крупнейший торговый партнер России. Двустороннее соглашение между ЕС и Россией стало важным этапом в процессе вступления России в ВТО. Россия также заключила соглашения с другими членами ВТО, включая США, Японию, Китай, Канаду и Австралию.

В переговорах о вступлении России в ВТО важную роль сыграли крупные отечественные корпорации. У них возникли достаточно сложные внутривнутриполитические проблемы, связанные с реформированием и непосредственно относящиеся к

---

¹ Цит. по: Ведомости. – 2003. – 15 дек.

государственной власти. Особое значение имело участие Газпрома в этом процессе, с которым связано развитие российской экономики. Ибо одним из решающих факторов в данном контексте является ее зависимость от конъюнктуры мировых цен на сырьевые товары, среди экспорта которых доля газа и других энергоресурсов превышает 50 %.

Столь сильная зависимость российской экономики от сырьевого рынка чревата высокими рисками. Их воздействие на социально-политическое развитие страны проявилось в ходе распада Советского Союза. Колебания нефтяных цен на мировом рынке явились тогда одним из важных факторов советского строя. Отмечая это, Е.Т. Гайдар писал: «Кризис советской экономики, приведший к распаду СССР, то, когда и в каких формах он разворачивался – все это было тесно сопряжено с развитием событий на нефтяном рынке»¹.

Зависимость от мировых цен на углеводороды обусловила падение производства в не сырьевых отраслях постсоветской экономики. Наибольший спад зафиксирован в промышленности строительных материалов, машиностроении, в легкой, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях. Относительно меньший спад производства затронул отрасли ТЭК, первичной переработки и экспорта ресурсов. Все это и определяет возможности и структуру экспорта России.

Фиксируя эти данные, авторы доклада Минэкономразвития РФ «Диверсификация российской экономики: современные проблемы и задачи», отмечают, что основные инвестиции и финансовые накопления сосредоточены, как правило, в экспортоориентированных отраслях. Приток капитала в развитие отраслей, определяющих современную (постиндустриальную) структуру экономики в мире, недостаточен.

Оздоровление этой ситуации во многом зависит от позиции государства, что, вообще говоря, относится не только к России. Так, успешное проникновение американских нефтяных компаний на Каспий не состоялось бы без активной помощи со стороны правительства США. Аналогичная ситуация сложилась в свое время с лоббированием официальным Лондоном интересов «Бритиш петролиум» в «проекте века» в Азербайджане. Успешная работа отечественных нефтяных компаний на Кас-

---

¹ Гайдар Е.Т. Гибель империи... – С. 81.

пии была бы невозможна без поддержки, оказанной им российским правительством.

В отличие от России, где влияние существующего много лет Союза нефтегазопромышленников на политику и общество весьма незначительна, в США успешно функционирует Американский нефтяной институт (далее – АНИ), созданный еще в 1919 г. и с тех пор координирующий лоббистскую деятельность национального нефтегазового капитала и его информационное воздействие на общество. В АНИ с 1947 г. существует Информационный комитет нефтяной промышленности. Это наиболее крупная из «Паблик рилейшнз» структур в нефтяном бизнесе, осуществляющая, кроме всего прочего, координацию информационных воздействий. У нее имеются региональные отделения по всей стране, которые ведут работу с местными филиалами компаний, ассоциациями бизнесменов и другими структурами.

Именно в рамках Информационного комитета происходит разработка основ идеологического обеспечения деятельности газонефтяного бизнеса в США. Отмечая это, В.В. Разуваев пишет: «В целом высокий уровень влияния американских нефтепромышленников на национальное общество может быть объяснен не только объективной значимостью топливно-энергетического комплекса в условиях индустриального хозяйства, но и наличием высокоразвитой системы лоббирования – в широком смысле этого слова – интересов нефтяного бизнеса»¹.

Увеличение доходов стран-экспортеров энергоресурсов значительно заменило экономическую ситуацию в них, что отразилось прежде всего на повышении уровня жизни населения. Но в то же время в большинстве стран-экспортеров не были созданы предпосылки формирования новой модели экономического развития. Лишь очень немногие из стран-экспортеров сумели действительно разбогатеть благодаря обладанию нефтяными ресурсами. Нефть сейчас добывают в десятках стран мира, но только несколько стран с наиболее высокой концентрацией ресурсов и уровнями добычи в расчете на душу населения можно отнести к числу богатых государств. Другие

---

¹ Разуваев В.В. Крупный бизнес и общество в современной России // Политика. – 2006. – № 4. – С. 125.

же, по сути дела, так и остались «развивающимися», постоянно балансирующими на грани между бедностью и богатством.

Есть немало причин, объясняющих эту ситуацию и которые связаны с тем, как используются экспортные доходы. Стремясь усилить контроль над собственными ресурсами и снизить сырьевую составляющую экспорта, Россия и другие страны-экспортеры значительную часть получаемого дохода инвестируют в добывающие отрасли. Эти инвестиции хотя и имеют большое значение для национальных экономик, но не способствуют переходу к новому качеству экономического роста. Существенная часть средств вообще не инвестируется, а расходуется либо на амбициозные политические программы, либо на популистские цели, связанные с повышением уровня жизни населения, что весьма актуально для современной России.

Определенная доля доходов идет на создание и расширение специальных финансовых фондов, предназначенных для сбережения текущих денежных ресурсов, – так называемых резервных фондов, или фондов будущих поколений. Средства этих фондов вкладываются, как правило, в надежные зарубежные активы, то есть инвестируются в экономику развитых стран Запада.

Именно это происходит в России. Одна из ключевых причин состоит не только и не столько в направлениях и темпах преобразования и реформирования добывающих отраслей промышленности, сколько в том, что экономические реформы носят ограниченный характер. При изменении условий функционирования и развития этих отраслей в то же время сохраняются прежние политические и экономические институты. Как правило, это означает сохранение за добывающей промышленностью роли не столько действенного фактора развития, сколько донора для поддержания в целом малоэффективной социально-политической и экономической системы.

Велика ли доля иностранного капитала во владении предприятиями газового сектора? Нет. По мере активизации западных концернов на российском рынке эйфория в связи с их инвестициями начинает сменяться разочарованием. Западные компании рассматривают Россию, прежде всего, как страну, где возможно быстрое извлечение крупных прибылей. Международные концерны проявляют склонность взять на вооружение опыт тех российских компаний, которые применяют деструк-

тивные способы добычи сырья, отказываются вкладывать деньги в восстановление минерально-сырьевой базы и разрабатывать труднодоступные месторождения.

Ожидания, что крупные инвесторы принесут в Россию новую управленческую и производственную культуру, оправдываются слабо. Нельзя исключать того, что западные концерны позаимствуют у российских партнеров технологии, позволяющие получать ускоренную отдачу от вложений в ущерб стратегическим интересам российского ТЭК.

Тем не менее, пока что иностранный бизнес быстрее и эффективней внедряется в российскую экономику, чем бизнес российский – в мировую. В связи с этим заостряется вопрос о заключении соглашений о разделе продукции (далее – СРП), решение которого напрямую зависит от государства. Что, собственно, означает такое соглашение?

Всякая производственная продукция должна быть каким-то образом поделена. В этом смысле любая налоговая система – частный случай СРП, то есть распределения производственной продукции посредством использования той или иной формы ее раздела. Механизм СРП успешно действует сегодня в 70 странах, включая такие разные, как Китай и Аргентина, Вьетнам и Индия, Египет и Нигерия, Оман и многие другие. Сейчас он применяется и в России, которая, как ни одна другая страна, богата полезными ископаемыми.

Но, чтобы эти богатства добыть, надо создать для инвестора такие условия, чтобы он был согласен на протяжении десятков лет вкладывать собственные средства – многие миллиарды долларов в разработку российских недр. Только в этом случае государство получит от реализации проектов, осуществляемых на деньги частных инвесторов, дополнительные доходы в бюджет. Поэтому, когда речь идет о договорах между государством и инвестором, нет и не может быть так называемых «выпадающих доходов» из бюджета, о которых часто любят говорить представители фискальных органов.

СРП вовсе не является какой-то крайней мерой, к которой прибегают только в том положении, когда нет других возможностей привлечь капитал из-за рубежа. Это разумный способ выстроить нормальные по международным меркам взаимоотношения между государством – владельцем недр и частным

предпринимателем, отечественным или иностранным. Таким образом, СРП – это правовой механизм взаимоприемлемого распределения доходов: ренты – государству, прибыли – бизнесу.

Еще в феврале 2003 г. по итогам совещания кабинета министров было принято решение о придании СРП статуса «особой формы привлечения инвестиций» в добычу полезных ископаемых в труднодоступных регионах. Такая постановка вопроса кардинально меняла предшествующие приоритетные установки в сфере недропользования и инвестиционной политики. В апреле того же года правительство внесло на рассмотрение в Государственную Думу ФС РФ доработанный пакет поправок в принятый в первом чтении законопроект о СРП, которые были одобрены депутатами; в июне 2003 г. поправки в закон были окончательно одобрены Президентом России.

Измененный текст закона был воспринят как серьезная уступка противникам режима СРП, поскольку поправки чрезвычайно затруднили заключение новых проектов на практике. Привязка их к рыночным ценам на мировом рынке и внесение широкого списка из 11 налогов, которые должен уплачивать потенциальный инвестор в различные уровни российских бюджетов, делают осуществления деятельности в рамках СРП экономически необоснованной. Кроме того, в новой редакции закона прописаны дополнительные ограничения на деятельность: нижний предел доли государства при «прямом разделе» произведенной продукции не может быть меньше 32 %; а уровни компенсационной продукции должны составлять – 75 % для добычи на суше и 90 % для добычи на российском континентальном шельфе и т.д.

В принципе, иностранным инвесторам соглашение о СРП достаточно выгодно. Уплата части налогов по условиям соглашения заменяется разделом прибыльной продукции между государством и инвестором в тех пропорциях, о которых удалось договориться с государством. Тем самым обеспечивается прогнозируемая на длительную перспективу фискальная нагрузка и осуществляется индивидуальная настройка налогового режима. О позитивном отношении иностранного бизнеса к этой модели СРП свидетельствует тот факт, что по действующим проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» у инвесторов не возникло серьезных претензий к условиям ее реализации.

С другой стороны, наличие в РФ льготного налогового режима не привело к резкому росту иностранных вливаний в российскую экономику. Объем накопленных инвестиций составляет пока всего порядка 2 млрд долл. США. Кроме того, режим СРП действует только в сырьевом секторе, и поэтому поток капиталовложений вливается в добывающую промышленность, что закрепляет архаичную структуру российской экономики.

Отметим и то, что льготы, предоставленные иностранным инвесторам, не позволяют российскому бюджету получать серьезной отдачи. Еще в 2001 г. кабинет был вынужден признать отсутствие серьезной экономической выгоды для государства от действующих проектов по СРП. Два действующих СРП – «Сахалин-1» и «Сахалин-2» – оформлены таким образом, что Российская Федерация получала всего 10% в стоимостном выражении от добываемой там нефти. СРП лишает государство правовой возможности влиять на результаты финансово-хозяйственной деятельности иностранных компаний, утверждающих, что низкий объем инвестиций вызван тем, что реально инвесторам не создают комфортных условий для работы.

Представители международного капитала утверждают, что в экономической ориентации на добывающий комплекс для России нет серьезных опасностей. Сырьевой сектор должен оставаться основой экономического развития страны. Ничего страшного с такими государствами как Саудовская Аравия, Катар не произошло из-за их ориентации на приоритетное развитие этого сектора. Более того, в этих государствах достаточно высокий уровень жизни, обусловленный постоянным притоком нефтедолларов в социальную сферу. Реализовать эффективную программу развития промышленности по причине технологической отсталости России все равно не удастся, поэтому нет смысла идти на большие издержки по реструктуризации экономики.

Такая постановка вопроса принципиально неприемлема для России. Во-первых, стране рано или поздно надо освободиться от экспортно-сырьевой зависимости и приступить к развитию многоотраслевой экономики на базе новейших технологий. Для этого у России есть все возможности. Не хватает разве что политической воли и последовательной устремленности.

Во-вторых, сырьевая ориентация экономики далеко не столь безопасна, как утверждают иные западные аналитики. Это со всей очевидностью показал кризис, вызванный государственным переворотом в Украине в феврале 2014 г. Пытаясь устранить Россию от участия в его мирном разрешении, западные государства во главе с США прибегли именно к углеводородному оружию, используемое в виде экономических санкций против нашей страны. Как заявил в марте 2014 г. Дж. Боннер, лидер республиканцев в палате представителей Конгресса США, Вашингтон должен заместить своими углеводородами российский нефтегазовый экспорт в Западную Европу, чтобы освободить союзников США от «зависимости своих энергетических потребностей»¹.

Эти угрозы вызвали серьезную озабоченность у стран ЕС, потребность которых в энергетических ресурсах в значительной мере покрываются российским импортом (27 % нефти и 31 % газа). С обострением украинского кризиса страны ЕС резко нарастили закупки российского газа, компенсировать который своим сжиженным газом США в настоящее время неспособны. В связи с этим политический советник компании «Беакон» Бр. Барфорд, отмечая, что поставки американского газа начнутся только в 2015 г., заявил: «Однако в долгосрочной перспективе украинский вопрос будет оказывать весьма заметное влияние на внутривнутриполитическую дискуссию о национальной безопасности, потому что ястребы начнут объединяться с представителями энергетической отрасли и настаивать на ускорении экспорта»².

Таким образом, проблема обеспечения экономической безопасности России приобретает политическое значение. Масштабы и сроки выполнения возникающих сегодня задач часто превышают возможности даже крупных компаний. Однако несомненно, что инфраструктурная поддержка, наличие наукоемких разработок укрепляют позиции государства и национального бизнеса в стране и за рубежом и позволяют реализовать конкурентные преимущества, основанные на передовых технологиях.

---

¹ Ведомости. – 2014. – 6 марта.

² Там же.

Действию рыночных сил в целом присущ более прикладной, короткий временной подход. Многие из важных сфер экономики остаются за рамками текущих интересов бизнеса. Поэтому требуется система мер прямого и косвенного государственного регулирования, обеспечивающих необходимый характер хозяйственного развития и способствующих укреплению внутри- и внешнеэкономического положения страны.

Сегодня фактически в России проводится курс на развитие экспортно-ориентированной экономики, в которой центральное место и в формировании финансовых ресурсов, и в определении характера развития производства, и в обеспечении экономического подъема отводится экспортным отраслям. Эта политика проводится уже в течение многих лет и, судя по всему, отказываться от нее государство не собирается.

В условиях глобализации роль иностранных инвестиций не сводится к выполнению только чисто экономических функций, следует учитывать и их стратегическую роль. Так, во многих странах Восточной Европы, где 80–90 % банковского капитала принадлежит иностранным участникам, банки оказывают решающее влияние на характер и выбор приоритетов экономического и политического развития. С учетом этих обстоятельств, более 100 стран мира сохраняют те или иные ограничения на доступ иностранных банков на рынок финансовых услуг, а национальные участники имеют преференциальный статус. Во многих странах, несмотря на вступление в ВТО, процесс допуска иностранных банков на внутренний рынок растянут на продолжительный срок.

Россия пытается оптимизировать свои позиции на мировом рынке с помощью интеграционной политики, направленной на экономическое сотрудничество с бывшими советскими республиками. Этому призван служить созданный в конце 2014 г. Евразийский экономический союз, объединяющий РФ, Казахстан, Беларусь и Армению. В том же направлении действует сотрудничество России со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), экономические интересы которых на мировой арене совпадают по ряду существенных параметров.

Индустриальный вариант вхождения российского бизнеса в мировой рынок предполагает использование еще не вполне утраченного промышленного потенциала страны при его соот-

ветствующей модернизации для выпуска современных видов продукции. Такой опыт являют новые индустриальные страны Азии и Латинской Америки, включая те, которые входят в БРИК. В России, действительно, имеются огромные, еще не используемые возможности для развертывания массового производства индустриальных продуктов. Российский бизнес мог бы в ближайшие годы стать поставщиком на мировой рынок разнообразных современных потребительских товаров, производимых как на отечественных, так и на дочерних предприятиях западных корпораций.

Но на традиционной индустриальной основе сохранение и восстановление статуса крупной державы мира невозможно. Страна была бы обречена прозябать на обочине общественного прогресса. Неизбежно возникла бы опасность дезинтеграции, ослабления связей регионов с Центром. Это чревато опасностью усиления влияния ЕС на северо-запад страны, Китая и Японии на восточные регионы. Для огромных и малонаселенных территорий эта опасность вполне реальна.

Оптимальная модель вхождения российского бизнеса в мировое хозяйство должна базироваться на развитии новейших технологий, современных информационных и других услуг. Ее реализация позволит встать в один ряд с развитыми государствами по уровню и качеству жизни населения, создать современную социальную сферу, обеспечить военно-политическую и экономическую безопасность страны.

ГЛАВА IV. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Россия выходит из глубокого системного кризиса – экономического, социального, морального, в который ее ввергли катастрофические события, связанные с крушением социализма, распадом Советского Союза, утратой статуса сверхдержавы на мировой арене. Одним из решающих факторов такого процесса стал нефтегазовый комплекс Российской Федерации. Этот фактор, разумеется имеет огромное значение, прежде всего, для российской экономики. Как справедливо замечал академик Н.А. Симония, именно энергетика представляется «локомотивом», который может вывести отечественную экономику на современный уровень¹.

Развитие нефтегазового комплекса связано не только с решением экономических проблем, но и с социальным и техническим прогрессом, с появлением качественно новых технологических решений. Для страны, обладающей огромными природными запасами нефти и газа, – это просто один из эффективных энергоресурсов, а важнейшее средство решения сложных социально-экономических и политических вопросов, включая те из них, которые относятся к национальной безопасности, укреплению международных позиций государства.

Углеводородные ресурсы России обеспечивают ей благоприятные условия развития и одновременно создают весьма существенные проблемы, относящиеся не только к развитию данной отрасли хозяйства, но и в более широком плане – ко всей экономике страны в целом, ее политическим отношениям с внешним миром. О чем идет речь?

4.1. В ТЕНИ «СЫРЬЕВОГО ПРОКЛЯТИЯ»

Обратная сторона тех преимуществ, которые дают России нефтегазовые богатства, обнаруживается в таких последствиях, как зависимость от них национальной экономики, ее однобокая ориентация на «трубу», возможное превращение России в сырьевой придаток мирового хозяйства.

---

¹ См.: Россия в глобальной политике. – 2003. – 27 июня.

Опасности такого рода угрожают многим странам, богатым природными ресурсами и, в совокупности характеризуются как «ресурсное проклятие». Впервые это понятие применил английский экономист Р. Аути¹ для объяснения падения ВВП и жизненного уровня населения в ряде стран-экспортеров нефти в 1970–1980-е гг., когда резко выросли мировые цены на углеводороды. Странным образом именно тогда в этих странах показатель ВВП на душу населения снижался в среднем на 1,3 % в год, между тем в остальных развивающихся странах он рос в среднем более чем на 2 % в год. Комментируя эти данные, аналитики из Российской экономической школы отмечают, что «ресурсное проклятие» – это отрицательное влияние структуры экономики на темпы экономического роста (а не на уровень развития). Для того чтобы развиваться быстрее, нужно не уничтожать природные ресурсы, а заменить их другой продукцией. «Ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а их доминирования в национальном хозяйстве»².

**Общая потенциальная ценность запасов полезных
ископаемых России (по состоянию на начало 2006 г.)**

Показатели	Млрд долл.	%
Всего	29860	100,0
Природный газ	9190	30,8
Уголь и сланцы	6651	22,3
Нефть и конденсат	4481	15,0
Руды черных металлов	1962	6,6
Руды цветных металлов	1807	6,1
Руды благородных металлов и алмазы	272	0,9
Уран	4	0,01
Прочие полезные ископаемые	4197	18,4

Источник: Государственный комитет Российской Федерации по геологии и использованию недр.

---

¹ См.: Auty R. Resource Abundance and Economic Development.– Oxford, 2001.

² Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 61.

В стране открыто и разведано около 20 тыс. различных видов месторождений полезных ископаемых, из них 37 % введено в промышленное освоение. Оценки экспертов Мирового банка несколько отличаются от данных Госкомгеологии.

В частности, специалисты МБРР в конце 90-х гг. прошлого тысячелетия оценивали запасы полезных ископаемых в России в 10 трлн долл., для сравнения аналогичные оценки по Бразилии составляли 3,3 трлн, по Китаю – 662 млрд, по Индии – 452 млрд долл. Несмотря на различные оценки потенциальных запасов полезных ископаемых в России, несомненно, что страна располагает самыми крупными в мире разведанными запасами (в процентах от общемировых): апатитов (64,5); природного газа (35,4); железа (32); никеля (31); бурых углей (29); олова (27); нефти (13) и других минералов¹.

Ресурсы углеводородов по классификации экономической эффективности разделяются на две группы: рентабельные и неопределенно-рентабельные. К первой относятся «ресурсы, имеющие положительную предварительно (или экспертно) ожидаемую стоимость запасов». Ко второй – «ресурсы, на дату оценки, имеющие неопределенную ожидаемую стоимость запасов».

С середины 90-х гг. XX века в добыче нефти сохранялась повышенная тенденция роста добычи. В 1997 году мировая добыча нефти возросла на 3 % и достигла рекордного уровня 3,5 млрд т. За исключением Западной Европы, где добыча нефти стабилизировалась, практически во всех других регионах был зафиксирован рост. После некоторого сокращения добычи в 1998 г. из-за низких цен на нефть, в 1999 г. мировая добыча увеличилась и в 2000 г. составила 3,6 млрд т.

Крупнейшим в мире производителем нефти остается Саудовская Аравия – ежегодно около 400 млн т, за ней по объему добычи следовали – США (примерно 350), Мексика (около 200), Китай (свыше 150), остальные нефтепроизводящие страны (Иран, Венесуэла, Норвегия, Канада, Великобритания, Нигерия, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Ливия, Алжир) от 100 до 150 млн т².

---

¹ Национальный доклад «Стратегические ресурсы России». Информационно-аналитические материалы. – М., 2014. – С. 3.

² Oil and Gas Journal, Petroleum Economist. – 2012. – August.

В первой половине 90-х гг. прошлого столетия началось сокращение добычи нефти в России и переход к освоению менее эффективных запасов: с 520 млн т в 1990 г. до 305 в 1999 г.; по оптимистическим прогнозам в 2015 г. предполагается добыть 370–380 млн т., в 2020 г. – 380–390 млн т.

Опережающее развитие другие отрасли промышленности обусловило возрастание спроса на капитальные ресурсы, что сказалось на структуре всей экономики. Ускоренное развитие нефтяной и газовой промышленности потребовало соответствующего роста металлургии, тяжелого машиностроения, химии. Вместе с тем доходы от продажи энергоресурсов тратились не на развитие прогрессивных наукоемких технологий, а на закупку продовольствия, потребительских товаров, на обеспечение оборудованием традиционных, а не новейших отраслей, на огромные дотации сельскому хозяйству.

Именно в тот период СССР становится крупнейшим импортером зерна. В 1970 г. экспорт зерна из СССР составил 3,5 млн т, в 1974 г. он прекратился, а начиная с 1975 г. массированные закупки зерна стали исчисляться десятками миллионов тонн: пик импорта пришелся на 1984 г., когда только у США и Канады было закуплено 26,8 млн т. зерна. Импорт нефтегазового оборудования по темпам прироста возрос за 1970–1983 гг. в стоимостном выражении в 80 раз, его физический объем – в 38 раз.

Комментируя эти данные, А. Арбатов и В. Смирнов подчеркивают, что зыбкость изложенной модели обусловлена двумя принципиальными пороками:

- 1) реализацией лозунга «больше разведывать, больше добывать любой ценой» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями;

- 2) зависимостью от уровня мировых цен на нефть, на которые СССР независимо от масштабов экспорта влиять не мог.

Последствия второго фактора не замедлили сказаться – советский нефтяной экспорт только-только «раскошегарился», как с 1984 г. последовало падение мировых цен, которое в 1986 – 1988 гг. приобрело обвальный характер. Многое говорит за то, что это сыграло далеко не последнюю роль в разва-

ле потребительского рынка и обрушении производства и инвестиций в 1989 – 1991 гг., подтолкнув экономику к краху¹.

Тем не менее, по мнению авторов, по доле топливно-энергетических ресурсов (далее – ТЭР) в общем объеме экспорта, по динамике абсолютных объемов поставок энергоносителей на внешний рынок принципиальной разницы между СССР и современной Россией нет.

В СССР доля ТЭР в экспортной выручке колебалась в 1980-е гг. от 40 до 52 % (пик 1984 года – 54,4 %). В России на все минеральные продукты, включая экспорт нетопливных полезных ископаемых, в 90-е гг. XX века приходилась та же самая доля – от 42 до 48 %, в 2000 г. эта позиция составила уже 53,8 %.

Часть экспорта ТЭР в распределяемых ресурсах в топливно-энергетическом балансе СССР составляла в период высоких цен (1980 – 1985 гг.) в среднем 14,7 %, в период обвала (1986 – 1988 гг.) – 16 %.

Соответствующий показатель по России в 2000 г. – 25,3 %. При этом надо учесть, что на территории РСФСР производилось около 80 % всех ТЭР Советского Союза, и сотни миллионов тонн нефтегазовых потоков растекались из России во все республики СССР. Доля чистого вывоза в распределяемом объеме ТЭР РСФСР составила в 1980 г. 23,8 %, в 1985 г. – 28,3 %. В этом качестве чистый экспорт ТЭР России составил в 1985 г. 474 млн т у.т., в 1990 г. – 462 млн т у.т., в 2000 г. – 503 млн т у.т.²

Означенные ранее проблемы коренятся во внутренних социально-экономических и политических процессах, в тех сложных коллизиях, которые отражают взаимодействие различных групп интересов в ходе борьбы за контроль над нефтегазовым комплексом, связанной с выбором стратегического курса развития России.

Проблемы энергетической политики, в конечном счете, сводятся к вопросу о том, насколько рационально используются сегодня природные ресурсы России. При российских запасах нефти, составляющих 12-13 % мировых разведанных ресурсов,

---

¹ Арбатова А., Смирнов В. «Ресурсное проклятие» России: экскурс в историю и нынешние проблемы // Общество и экономика. – 2004. – № 11-12. – С. 142.

² Там же. – С. 143.

газа 32 %, угля – 11, доля России в их добыче много ниже, что в иной форме иллюстрирует неудовлетворительный уровень освоения отечественных природных ресурсов, – уровень, который значительно ниже среднемирового. На долю России приходится 9-10 % мировой добычи нефти, 24 % – газа, 5-7 % добычи угля. При тех же запасах минерально-сырьевых ресурсов, которыми располагает Россия, другие страны получают в 2-3 раза более крупные объемы ВВП, в 3-4 раза – валютной выручки и в 4-5 раз – налоговых поступлений.

Из-за неприемлемо низкого уровня воспроизводства собственной минерально-сырьевой базы, слабого освоения новых месторождений, недостаточных масштабов геологоразведочных работ, а главное – сохраняющихся огромных потерь полезных ископаемых при их добыче и переработке, Россия вместо максимума выручки и доходов получает минимум.

В связи с этими данными директор НИИ статистики Госкомстата России В. Симчера спрашивает: «почему эти ресурсы в современной рыночной экономике используются еще хуже, чем в условиях малоэффективной прежней, советской экономики? Почему потери в стране растут, а не снижаются, стоимость единицы производимой продукции увеличивается, а не удешевляется, рынок торжествует, а эффективность производства убывает, пропасть между бедными и богатыми углубляется, а цена жизни, вопреки декларируемому научно-техническому прогрессу, непомерно растет и становится для большинства чрезмерной?»¹.

В то же время некоторые экономисты выступают за структурную реформу российской экономики, которая должна ликвидировать диспропорции между добывающими и обрабатывающими отраслями. По их мнению, критически важно сократить долю сырьевых производств в российском валовом внутреннем продукте, что позволит разорвать привязку темпов экономического роста к ценовой конъюнктуре на рынке углеводородного сырья. В целом же финансово-макроэкономический блок, выступая против национализации нефтегазового комплекса, настаивает на резком увеличении налоговых сборов с нефтегазовых компаний. Это должно спо-

---

¹ Симчера В. Об эффективности использования национальных ресурсов России // Общество и экономика. – 2013. – № 7-8. – С. 29.

способствовать перетоку инвестиционных ресурсов в обрабатывающий сектор, что, в конечном итоге, ликвидирует сырьевой крен в российской экономике.

Компьютерные и иные новейшие технологии, преобразовавшие мировую промышленность за последние десятилетия, отнюдь не уменьшили значение энергетики как основы экономики современных государств. Энергетическая политика ведущих промышленно развитых стран мира, являющихся основными потребителями нефтегазовых ресурсов, оказывает существенное влияние на процессы в мировой политике и международной безопасности.

Об этом убедительно свидетельствуют исследования крупных аналитических центров разных стран – Международной академии ТЭК РФ, Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России, Международного института прикладного системного анализа, Французского института нефти, Института энергетической экономики и политики Университета Оклахомы (США), Центра геополитики в области энергетики и природных ресурсов Университета Париж – Дофин, Института экономики источников энергии и окружающей среды при Университете им. Л. Боккони, Милан (Италия) и др.

По предположению О.В. Фоменко, в ближайшие годы на мировом нефтегазовом рынке произойдет перераспределение сил: «Весь опыт мировой политики свидетельствует о неразрывной взаимосвязи политики и энергетики. Изучение ведущих тенденций в энергетике, в области нефтяной дипломатии, нефтяной политике, развитии нефтяной инфраструктуры и т.д., является актуальной задачей политической науки. Решение этой задачи будет способствовать тому, что российская внешняя политика и дипломатия получат те сценарии мировой “нефтяной игры”, выбор одного из которых приведет к укреплению позиций Российской Федерации на международной арене»¹.

В современной обстановке на мировом рынке особое значение приобретают отношения российских нефтегазовых компаний с зарубежными корпорациями.

---

¹ *Фоменко О.В.* Нефтяной фактор глобального энергетического равновесия: политологический анализ: автореф. дис... д-ра полит. наук. – М., 2004. – С. 4.

Примером этому могут служить слова из доклада главы «ЛУКОЙЛа» Вагита Алекперова на заседании Ученого совета Российской академии государственной службы: «Россия действительно испытывает большие трудности при переходе к рынку. Как и в большинстве стран мира, этот процесс у нас сопровождается расцветом коррупции и криминала, а также ростом социальной напряженности. Однако винить в этом целую отрасль национальной экономики, тем более одну из самых успешных, недопустимо... Как показывает практика, вклад компании в развитие страны не зависит от структуры ее акционерного капитала. Частные компании, при условии, что они национально ориентированы, могут прекрасно справляться с решением масштабных общегосударственных задач»¹.

Сложившаяся ситуация достаточно противоречива, поскольку российский капитал в целом политически еще не вполне определен. Очевидно одно: нефтегазовый бизнес в настоящее время находится как бы на перепутье, пытается найти наиболее приемлемое для себя место в системе приоритетов и интересов – от государственных до корпоративных. Поэтому вопрос о содержании и формах его отношений с государством и обществом остается открытым. Однако ведущие тенденции развития этих отношений вполне определились и в экономике, и в политике.

Главные из этих тенденций обусловлены необходимостью диверсифицировать структуры производства и экспорта углеводородов и тем самым создать надежную основу для проведения государством эффективной энергетической политики внутри страны и за рубежом. Таков был один из ведущих мотивов обсуждения проблем нефтегазового комплекса на встрече Президента В.В. Путина с представителями крупного бизнеса в начале 2007 г. Почти целиком она была посвящена углубленной переработке сырьевых ресурсов и развитию производств с высокой добавленной стоимостью. На встрече подчеркивалось, что Россия должна предпринять усилия для перехода от простой эксплуатации природных ресурсов к их глубокой переработке².

---

¹ Независимая газета. – 2004. – 20 апр.

² Российская газета. – 2007. – 9 фев.

Задача чрезвычайно сложная, но решаемая. Тот же «ЛУКОЙЛ» поставил перед собой стратегическую цель – войти в мировую элиту энергетических корпораций. Это означает, что и в области переработки нефти компания должна соответствовать лучшим мировым показателям, по которым она пока отстает. Так, например, нефтеперерабатывающие заводы перерабатывают примерно половину добытой нефти, в то время как у пятерки лидеров этот показатель достигает 100 %, а некоторые из них перерабатывают нефти даже больше, чем добывают. Между тем, по подсчетам специалистов, российские компании теряют от 50 до 100 долл. с каждой тонны нефти, если не перерабатывают свое сырье и не продают конечный продукт с более высокой добавленной стоимостью.

Решение указанной задачи неотделимо от энергетической политики РФ на международной арене, где она зачастую упирается в проблемы конкурентоспособности российского бизнеса.

Анализируя эту ситуацию, ректор Академии народного хозяйства В.А. Мау пишет: «Ключевыми факторами повышения конкурентоспособности являются эффективность функционирования всей системы исполнения законодательства (административной, судебной и правоохранительной систем) и реформирование социальной сферы. А главным препятствием для выхода на орбиту глобальной конкурентоспособности является то, что принято считать преимуществом России – нефтегазовое богатство и благоприятная конъюнктура цен на энергоресурсы. Деньги, приток которых не связан с ростом производительности, подрывают экономическую стабильность и оказывают разлагающее влияние на политическую систему. Власть может позволить себе экзотические и безответственные решения, компенсируя их обильными денежными вливаниями. Усиливаются риски коррупции, почти неизбежной, когда власть занимается дележом природной ренты. Происходит дестимулирование структурных сдвигов»¹.

Конечно, эти оценки можно оспаривать. Но едва ли стоит это делать в контексте заявленной проблематики. Они здесь приведены как авторитетное свидетельство того, что нефтегазовый комплекс соединен множеством функциональных и институциональных связей с основными сферами жизнедеятель-

---

¹ Цит. по: Коммерсантъ. – 2006. – 8 нояб.

ности российского общества, решающими направлениями государственной политики Российской Федерации.

По данным специалистов, при современном уровне затрат (примерно 1,5 млрд долл. США) на поиск месторождений, бурение новых скважин на действующих месторождениях, развитие технологий бурения, повышение нефтеотдачи и другие затраты нефтедобыча в России в зависимости от цен на мировом рынке на нефть и нефтепродукты может сократиться. Общая инвестиционная потребность отрасли на среднесрочную перспективу оценивается в 100-150 млрд долл.

Высокие доходы государства от функционирования минерально-сырьевого комплекса создают иллюзию надежной обеспеченности основных его отраслей инвестиционными ресурсами и наличия условия для устойчивого роста. На самом деле проблема инвестиций в нефтяном секторе экономики сохраняется все последние годы. Особенно остро это сказывается на воспроизводстве минерально-сырьевой базы (далее – МСБ). Положительная динамика цен на мировых сырьевых рынках непосредственно не влияет на ее развитие. В период с 1995 по 2014 гг. прирост новых месторождений в среднем покрывал на 60–70 % их выбытие, хотя стоимость нефти за этот период увеличилась в несколько раз. Ценовой фактор не улучшил и другие возможности увеличения МСБ, в частности за счет вовлечения в разработку низкорентабельных и забалансовых запасов или путем повышения коэффициента извлечения полезных ископаемых. Правда, положение может улучшить освоение арктических газо- и нефтересурсов.

Государство должно учитывать, по крайней мере, два фактора: около 30 % ВВП и более 60 % доходов федерального бюджета связано с минерально-сырьевым комплексом. И, во-вторых, для воссоздания сбалансированности в ресурсном обеспечении экономики потребуется не менее двух десятилетий при условии увеличения прироста разведанных и предварительно оцененных запасов в 2,5-3 раза. Госфинансирование геологоразведочных работ в последнее время растет: с 5,4 млрд руб. в 2004 г. до более, чем 20 млрд в 2014 г.

По оценкам специалистов, Россия использует примерно 2,5 % своего совокупного природного ресурса. Для сравнения, в большинстве стран Европы коэффициент полезного использо-

вания национального богатства достигал 50 %, в США – около 30 %. По отдельным видам природных ресурсов (земельные угодья, водные ресурсы, уголь, нефть, газ и др.) данный показатель во многих европейских странах достигал 75-80 %. Таким образом, промышленно развитые страны демонстрируют высочайшую эффективность использования национального богатства. Вместе с тем, появляется реальная опасность полного истощения собственных сырьевых ресурсов. Экономическая история России последних веков показывает, что стране при различных устройствах государственной власти так и не удалось использовать национальное богатство во благо своего народа. Россия пока сохраняет свой значительный ресурсный потенциал. При рациональном использовании природных ресурсов Российская Федерация имеет возможность превосходить многие страны мира.

При российских запасах полезных ископаемых, которые в 3,5 раза больше, чем в США (в том числе, в 4,1 раза больше по нефти), и больше, чем в Европе (в том числе в 34,9 раза больше по нефти, 17,9 раза по газу, 15,8 раза по углю). Общие затраты энергоресурсов в расчете на единицу ВВП в России в 4,5 раза больше, чем в США, в 6,4 раза больше, чем в странах ОЭСР, в 8 раз больше, чем в странах ЕС и в 10,6 раз выше, чем в Японии.

Соответственно, Россия на единицу общих энергозатрат получает всего 0,63 единиц ВВП, тогда как США – 2,9, страны ОЭСР – 4,0, страны ЕС – 5,0, а Япония – 6,7 единиц, то есть на целый порядок больше. По отдельным видам ресурсов, в частности нефти, положение России в мире еще хуже. И оно усугубляется, поскольку затраты на рубль ВВП и НБ растут, зашкаливая за все мыслимые ограничения (при росте в России в 2001 г. ВВП на 4 %, удельные материальные затраты в том же одном 2001 г. выросли на все 15 %)¹.

Сообщество ученых и практиков нефтяной индустрии едино во мнении, что эпоха открытия гигантских месторождений в России миновала, однако при адекватной постановке поисково-разведочных работ крупные месторождения могут быть найдены не только в шельфовой зоне, на Каспии и в Восточной Сибири, но и в старых нефтегазоносных регионах².

---

¹ Симчера В. Указ. соч. – С. 34.

² Business Guide. – 2006. – 21 Nov.

По расчетам зарубежных экспертов, разведанные и прогнозируемые углеводородные ресурсы России считаются одними из самых больших в мире: запасы газа оцениваются примерно в 50 трлн куб. м (что составляет около четверти всех мировых запасов), а нефтяные ресурсы оцениваются в 100 млрд баррелей.

С заметным увеличением добычи и экспорта с конца 90-х гг. прошлого века возможности России как поставщика энергоносителей стали оцениваться еще выше, особенно это касается нефти, экспорт которой в 2012 г. превысил 10 млн баррелей в день. Однако не исключено, что страна не сумеет трансформировать свой потенциал в долгосрочно стабильное производство углеводородов, на что надеются потребители ее энергоресурсов. Сырьевая база способна выдержать достигнутую добывающую нагрузку лишь при условии резкого усиления поиска и разведки новых месторождений, а также вовлечения в разработку низко продуктивных запасов.

Программа геологического изучения и выявления газоносных провинций, подготовки запасов природного газа связана с развитием геологоразведочных работ в Западной и Восточной Сибири, а также на шельфах полярных и дальневосточных морей, для выявления и разведки новых запасов газа. Хотя Россия и располагает огромными разведанными запасами, при предусмотренных стратегическими документами темпах добычи газа запасы его, особенно в районах с развитой добычей, будут иссякать довольно быстро. Необходимо увеличить объемы геологоразведочных работ по поискам и разведке газовых месторождений в 3–4 раза.

Освоение Штокманского и других месторождений в Баренцевом море требует нестандартных технологических решений. Они позволят обеспечить газом северо-западные регионы России и существенно увеличить экспорт газа. При реализации программы следует максимально использовать научно-технический и производственный потенциал российских предприятий ВПК, что увеличит мультипликативный экономический эффект от освоения. Одновременно необходимо интенсифицировать поисково-разведочные работы на прилегающих акваториях Баренцева моря, где обнаружены крупные перспективные структуры и с большой вероятностью прогнозируются открытия новых месторождений углеводородов.

Дальневосточные территории России, которые считаются наиболее кризисными с точки зрения топливно-энергетической обеспеченности, располагают наиболее богатыми запасами органического топлива. Энергоресурсы только Дальневосточного экономического района оцениваются в размере более чем 40 трлн куб. м природного газа. По концентрации и разведанности ресурсов, условиям размещения, добыче и транспортировке выгодно отличается шельф северной части острова Сахалин, разработку которого в ближнее- и среднесрочной перспективе следовало бы считать приоритетной.

В более отдаленной перспективе – до 2020 г. – предстоит масштабное освоение ресурсов крупных бассейнов Хабаровского, Магаданского, западного Камчатского и Чукотского шельфов. Ресурсы углеводородов по этим шельфам оцениваются в 4 млрд т нефти и 19 трлн кубометров природного газа. Это позволяет прогнозировать создание нефтегазодобывающего комплекса, по уровню добычи углеводородов аналогичного сахалинскому.

Таким образом, проблема заключается не в самом по себе наличии или отсутствии природных ресурсов, а, прежде всего, в способности государства и бизнеса эффективно, в интересах общества, использовать эти ресурсы – и тогда, когда их много, и тогда, когда они ограничены.

4.2. НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС: КТО ХОЗЯИН?

Согласно Конституции РФ природные ресурсы используются в России как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. По статье 9 Основного закона, «природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Вместе с тем подпункт «в» пункта 1 ст. 72 Конституции РФ заключает, что «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся... вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами».

Хотя Конституция РФ допускает различные формы собственности на природные ресурсы, Законом «О недрах» (статья

1-2) установлено, что «недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью».

Эти положения необходимо постоянно учитывать, поскольку Россия еще долго будет оставаться страной с ресурсной ориентацией экономики. В одобренной в мае 2003 г. Правительством РФ «Энергетической стратегии России на период до 2020 г.» топливно-энергетический комплекс до 2010 г. остается главным фактором экономического развития страны. Он является основой национального богатства России, которое представляет собой совокупность ресурсов страны, составляющих необходимое условие производства товаров, оказания услуг и обеспечения жизни людей.

Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждения в иной форме. Права пользования ими могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается законами. Добытые полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться в любых формах собственности, в том числе и частной. Такой подход представляется обоснованным – частным компаниям в современных условиях нельзя предоставлять недра в собственность, поскольку это приведет не столько к недросбережению, увеличению геологической разведки и поиску новых запасов полезных ископаемых, сколько к перепродаже недр, то есть государство окончательно перераспределит природную ренту в пользу ограниченного числа лиц.

Закон «О недрах» носит универсальный характер. Поэтому Госдума еще в июле 1995 г. выступила с предложением о необходимости принятия федерального закона «О нефти и газе». Но за прошедшие с тех пор почти два десятилетия он так и не был принят, видимо, потому, что слишком сложны и объемны вопросы, которые ему предстоит юридически урегулировать, слишком остры противоречия, которые образует борьба интересов различных финансовых и политических групп элиты вокруг этих проблем. Эксперты считают, что такой закон позволит установить правила государственного контроля при добыче углеводородного сырья, общие принципы лицензирования

разработки месторождений, ограничения, необходимые для соблюдения экологических запретов и предотвращения нерационального использования природных ресурсов. В то же время высказываются сомнения в целесообразности в разработке подобного закона, поскольку нормы о сбережении ресурсов и защиты экологии уже прописаны в иных законах – «О недрах», Гражданском кодексе РФ и др.

Устанавливаемые этими законами юридические нормы экономически обусловлены особенностями предшествующего планового периода развития народного хозяйства. Российская Федерация унаследовала от СССР специфическую структуру экономики, что во многом предопределило характер и темпы рыночных преобразований в нефтегазовом секторе, во многом обусловило значение экспорта энергоресурсов для экономики. Сильный импульс в торговле энергоносителями дал нефтяной кризис 1973–1974 гг., когда благодаря усилиям стран, входящих в ОПЕК, мировые цены на нефть подскочили сразу в 4 раза и продолжали расти. В итоге, выручка от экспорта резко возросла. В 1975–1985 гг. доля углеводородных ресурсов, выделявшихся для экспорта, снижалась, а выручка увеличилась весьма значительно. В 1970–1986 гг. темпы роста капитальных вложений в нефтяную и газовую промышленность были в несколько раз выше, чем в народное хозяйство в целом. Еще до нефтяного кризиса их доля колебалась в пределах 8–9 %, а в 1986 г. составила около 20 %. В капиталовложениях всего ТЭК она достигла 40 %¹.

Изложенная ранее статистически коллизия представляет интерес, прежде всего, тем, что высвечивает коренной вопрос энергетической политики в нефтегазовой отрасли, а именно – о роли, характере и мере влияния государства на развитие национального хозяйства. А этот вопрос неотделим от другого, более общего вопроса, значение которого определяется действием закона А. Вагнера: доля государственных расходов в ВВП увеличивается по мере роста национального производства. Анализ соответствующих данных по наиболее развитым странам показывает, что за столетие с конца XIX века имеет ме-

---

¹ См.: *Славкина М.В.* Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980 гг. – М.: Наука. 2002; *Арбатов А., Смирнов В.* Указ. соч.

сто устойчивая тенденция, подтверждающая этот закон¹. Причем по финансовым показателям Россия в этом плане отстает от них, в том числе от США – на 6 %².

Что касается собственно топливно-энергетического комплекса, то, на наш взгляд, совершенно прав В.А. Язев, который в своей монографии, посвященной данной проблематике, пишет: «При формировании госсектора в странах с переходной экономикой, в решении вопроса о степени охвата им топливно-энергетического комплекса особенно важно учитывать циклическую изменчивость ценностных ориентаций общества, избегать таких радикальных решений, которые затруднят приспособление государственных функций к обновленным ценностным ориентациям. В условиях России увлечение крайностями тем более неприемлемо, так как в нашей стране жизнеобеспечивающая роль ТЭК особенно значительна. Отрасли ТЭК оказываются в фокусе столкновения интересов социальных групп с разной ценностной ориентацией. Попытки решения вопросов государственного участия в развитии этого комплекса, исходящие исключительно из коммерческих критериев, приводят к конфронтационной ситуации, тормозят поиски рационального баланса интересов»³.

Возникает вопрос о роли иностранного капитала в распределении собственности на нефтегазовые ресурсы страны. Этот вопрос решается в соответствии с федеральным Законом «О недрах», который регулирует отношения недропользования с иностранными юридическими и физическими лицами, в частности, путем применения Закона «О соглашениях о разделе продукции».

Владение, пользование и распоряжение государственным фондом недр в пределах территории РФ в интересах народов, проживающих на соответствующих территориях, и всех народов РФ осуществляется совместно РФ и субъектами РФ. В ком-

---

¹ См.: Бирюков В., Кузнецова Е. Государственная собственность и госсектор в рыночной экономике // МЭиМО. – 2002. – № 3.

² Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 7-8. – С. 10.

³ Язев В.А. Государство и бизнес. Основы социально-рыночного партнерства в ТЭК. – М., 2004. – С. 68.

петенцию органов государственной власти РФ в сфере регулирования отношений недропользования входят:

- разработка и совершенствование законодательства РФ о недрах;
- определение и реализация федеральной политики недропользования;
- установление общего порядка пользования недрами и их охраны;
- создание и ведение единой системы федерального и территориальных фондов геологической информации о недрах;
- государственная экспертиза информации о разведанных запасах полезных ископаемых;
- определение совместно с субъектами РФ региональных перечней полезных ископаемых, относимых к общераспространенным, а также выделение участков недр федерального значения, регионального значения и местного значения, установление перечней участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях СРП;
- составление государственного баланса запасов полезных ископаемых; государственный учет участков недр, используемых для добычи полезных ископаемых;
- распоряжение недрами континентального шельфа РФ;
- введение ограничений на пользование недрами на отдельных участках для обеспечения национальной безопасности и охраны окружающей природной среды;
- распоряжение совместно с субъектами РФ государственным фондом недр, за исключением участков, находящихся в исключительном ведении РФ;
- установление размеров и порядка взимания платы за геологическую информацию о недрах, а также утверждение СРП;
- координация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, связанных с использованием недрами;
- защита прав пользователей недр и интересов граждан РФ;
- разрешение споров по вопросам пользования недрами между субъектами РФ;
- заключение международных договоров РФ по геологическому изучению, использованию и охране недр;

- государственный контроль над геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр, а также установление порядка его проведения;

- заключение соглашений о разделе продукции при пользовании участками недр.

Реализация государственной политики недропользования возлагается на федеральный орган управления фондом недр и его территориальные органы по согласованию с субъектами РФ.

По мнению авторитетного российского эксперта С.А. Кимельмана, сегодня в области использования углеводородного сырья особенно актуальны следующие проблемы:

- государство, как собственник недр, должно однозначно заявить свое право быть собственником добытых полезных ископаемых и первых товарных продуктов их передела; горного имущества, горно-геологической и геофизической информации о недрах; доходов, в том числе горной ренты, порядок расчета которых устанавливается в договоре с недропользователем;

- в хозяйственный оборот должны вовлекаться только подготовленные к освоению месторождения, на которые имеются необходимые проектные и технологические документы, прошедшие государственную экспертизу, и по которым государством определена рентабельность их освоения и промышленной эксплуатации;

- основу экономико-правовых отношений государства как собственника месторождения и недропользователя как подрядчика должен составлять договор, определяющий условия недропользования и соглашение о взаимоприемлемом долевым распределении добываемого сырья и доходов, возникающих после возмещения недропользователю прибыли¹.

Закон «О недрах» сыграл решающую роль в становлении нефтегазового бизнеса России, применение которого на практике соответствовало скорее интересам частного капитала, чем интересам государства и общества. Еще в первые годы становления рынка России владельцы крупных недропользовательских компаний, оценившие важность рентных доходов, пролоббировали через Правительство и Госдуму ФС РФ такие поправ-

---

¹ Кимельман С.А. Механизмы реализации государственной политики недропользования в сфере углеводородного сырья в России. – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 90–91.

ки, дополнения и изменения в Закон «О недрах», которые по существу отдали недра в их бесконтрольное пользование.

Комментируя нововведения, С.А.Кимельман пишет, что их анализ показывает: «в них возобладала позиция бизнес-сообщества, которое устраивает существующее положение дел в недропользовании и которое всеми силами противодействует прогрессивному реформированию экономических отношений недропользования. Так, внесенные изменения в Закон «О соглашениях о разделе продукции», по существу, поставили крест на применении договорных отношений в недропользовании, сохранив их только для трех действующих проектов СРП и предполагаемых новых проектов в шельфовых зонах (Приразломное, Штокмановское месторождения и т.п.), очередь до освоения которых дойдет не скоро»¹.

В наше время в мире нет стран, в которых государство не принимало бы участия во владении и управлении природными ресурсами. Разумеется, в разных странах и регионах это осуществляется в соответствии с местными традициями и особенностями. В США, где в целом, доминирует корпоративная экономика, федеральная администрация регулирует поведение хозяйственных агентов сферах недропользования. В этих целях все более используются федеральные институты – федеральный резерв, бюджет, экспортно-импортные агентства. В Западной Европе государство не только выступает собственником существенной части промышленных активов, но широко вовлечено в управление экономическими процессами.

В ряде стран время от времени предпринимаются меры по внедрению централизованного планирования экономического развития, хотя эти меры охватывают только ограниченное число отраслей промышленности, носят индикативный, а не директивный характер, чем отличаются от централизованного планирования в СССР. В Японии государственная собственность распространяется только на отрасли промышленности, расцениваемые частным сектором как нерентабельные, но которые необходимы для национальной экономики, как, например, железные дороги.

Проблема состоит не в самом по себе участии государства, а в параметрах и целях государственного предприниматель-

---

¹ Там же. – С. 16.

ского сектора. Это особенно важно для развития российского топливно-энергетического комплекса, в котором ему принадлежат контрольные пакеты акций в ряде ключевых компаний, прежде всего в ОАО «Газпром». Этот сектор охватывает предприятия, в которых государство обладает большей частью капитала или играет решающую роль в управлении, оказывая прямое или косвенное воздействие на принятие управленческих решений. В государственном секторе представлены естественные монополии, привлекательные для частного бизнеса и потому капиталоемкие и низкорентабельные, но важные для национальной экономики, предприятия создаваемых при поддержке государства новых отраслей или выпускающие военную продукцию. В качестве критерия государственного участия представляется тот, который принят Европейским центром государственного предпринимательства: государственным является всякое осуществляющее экономическую деятельность предприятие, где государство обладает большей частью капитала или играет решающую роль в управлении.

В нефтегазовом секторе государство выступает как собственник природных ресурсов, предоставляющий права на ведение работ по поиску, разведке и добыче; как собственник материальных и финансовых активов, обеспечивающих развитие отрасли.

Особенно важна функция налогоплательщика – установления платежей и сборов, в которых аккумулируется экономическая рента: разность между рыночной ценой добытых энергоносителей и издержками на освоение, разработку, добычу и т.д. Порядок изъятия и распределения экономической ренты определяет принципы системы управления нефтегазовым комплексом. Этот порядок формируется таким образом, чтобы обеспечивать выполнение государством социально-экономических обязательств; создавать условия для пополнения доходной статьи государственного бюджета; компенсировать риски бизнеса, связанные с реализацией проектов освоения и производства энергоресурсов. Распределение ренты между государством и компаниями определяется как размерами месторождений, так и ситуацией на рынке. Поэтому доля экономической ренты, получаемая государством, изменчива, зависит от цен на энергоносители, структуры налогов, особенностей институциональной среды.

Современное государство, опираясь на многообразие форм собственности, имеет возможность проводить политику социального партнерства и социального согласия. Речь идет о том, что своей антимонопольной политикой оно ограничивает безудержную концентрацию богатства в одних руках. Более того, оказывает поддержку социально уязвимым слоям населения (установлением минимальных потребительских бюджетов, увеличением числа рабочих мест, привлечением к общественным работам, предоставлением пособий безработным и т.д.), способствует сокращению бедности, содействует укреплению и расширению массового среднего слоя с достаточно высоким уровнем жизни.

Параметры и характер государственного участия в нефтегазовом секторе наиболее полно представлены структурой и деятельностью системы «Газпрома», которая охватывает Открытое акционерное общество «Газпром», его дочерние и зависимые общества. Это самая крупная газодобывающая компания в мире, на долю которой приходится около 20 % мировой добычи газа. Компания контролирует почти 60 % российских запасов газа и обеспечивает около 90 % его добычи в России. Общий объем производства компании составляет 8 % ВВП России. «Газпром» обеспечивает около 20 % поступлений в федеральный бюджет, поставляет газ для выработки около 50 % электроэнергии Российской Федерации.

«Газпром» объединяет в целостную технологическую и организационную структуру десятки предприятий, расположенных в различных регионах страны и обеспечивающих непрерывность процесса от бурения скважин до поставки природного газа потребителям. На предприятиях РАО «Газпром», включая и дочерние акционерные общества, трудятся около 400 тыс. чел. В эксплуатации находятся 65 газовых и газоконденсатных месторождений и получены лицензии на разработку свыше 80 месторождений с промышленными запасами газа 33,7 трлн. куб. м, что составляет примерно 70 % разведанных запасов России.

Процесс становления промышленно-финансового комплекса на базе газовой промышленности знаменует формирование нового этапа развития – объединение многоотраслевого комплекса с финансовым и коммерческим компонентами, сли-

яние промышленного и финансового капитала. Он может сыграть важную роль для преобразования и подъема экономики России: как источник бюджетных и валютных поступлений; существенный очаг стабильности, в том числе эффективной занятости населения; фактор формирования прорывных критических технологий; фактор улучшения социально-бытовых условий населения на базе газификации городов и сельской местности; наконец, как инструмент совершенствования ТЭК в пространстве СНГ.

Политика компании в целом направлена на то, чтобы не допустить распыления газовых ресурсов, на сохранение наиболее выгодных для страны рынков сбыта. Но обратной стороной этой деятельности, достигнутой благодаря централизации, стала консервация проблем геологического, финансового, инвестиционного характера, ведущая к стагнации газовой отрасли. Добыча «Газпромом» на основных эксплуатируемых месторождениях входила в стадию стагнации в начале 2000-х гг. и лишь ввод в строй первой очереди месторождения «Заполярье» приостановил этот процесс. Освоение новых месторождений в акваториях Обской губы, Штокманского на шельфе Баренцева моря и на полуострове Ямал потребует огромных инвестиций.

В общей сложности на все компании газодобывающего сектора приходится примерно 20 трлн куб. м. разведанных запасов российского газа, в том числе на нефтяные – 5,8 трлн куб. м., на независимые – 14,2 трлн куб. м.

Сегодня отрасль должна развиваться с учетом всех факторов, в том числе внешнеэкономических. Ей приходится работать в условиях либерализации рынка газа в Европе. Это требует изменения форм государственного регулирования газовой индустрии, введения новых принципов ценообразования по всей технологической цепи – от добычи до конечного потребителя.

Особенно остро стоит проблема ценообразования. Внутренние цены на газ давно не покрывают затрат, связанных с его добычей, транспортировкой, хранением и распределением. По расчетам специалистов отрасли повышение цен на газ на 40 % обеспечит всего лишь нулевую рентабельность на внутреннем рынке. Поэтому Россия не сможет избежать повышения внутренних цен на газ.

Наряду с этим, требуется создание условий для развития независимых производителей в сфере добычи, переработки и реализации газа. При этом подход к независимым производителям должен быть справедливым, рыночным. Для независимых производителей необходимо обеспечить такие же условия, как и государственным, включая обязательства по расходам на развитие газотранспортной системы, на участие в социально-значимых проектах.

Другим показательным по масштабам примером государственного участия является «Роснефть», учрежденная Правительством РФ в сентябре 1995 г. в качестве открытого акционерного общества. «Роснефть» – в настоящее время единственная отечественная нефтяная компания, полностью находящаяся в собственности государства, которое, как акционер, заинтересовано в получении компанией максимальной прибыли, в успехе бизнеса и росте ликвидности своего актива. Являясь крупной компанией, «Роснефть» ведет бизнес, стратегия которого отвечает задачам развития экономики страны. Результаты коммерческой деятельности «Роснефти» позволяют государству уже в течение многих лет доверять компании роль проводника своих интересов как в нефтегазовой отрасли, так и во всем топливно-энергетическом комплексе.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что формирование отношений собственности в нефтегазовой отрасли продолжается. Этот процесс неоднозначный. Он не исключает возвратных движений, включая повышение роли в нем государственной собственности. Однако в целом он протекает в том направлении, которое предопределили политические и социально-экономические реформы постсоветского периода.

Топливо-энергетический комплекс России, лишившийся после распада СССР свыше четверти своих мощностей, в целом сумел бесперебойно выполнять свои хозяйственно-производственные и технологические функции, несмотря на все драматические повороты в исторической судьбе России. Это произошло благодаря огромному запасу прочности, заложенному при его создании, возможностям государственных централизованных сетевых систем энергоснабжения. Более того, именно на ТЭК легла основная нагрузка по стабилизации экономики на

переходной стадии развития к современному рыночному хозяйству, социально-ориентированному государству.

Постсоветское законодательство о приватизации нефтегазовых предприятий лишь институционально закрепило уже ставшую реальностью процедуру распределения госсобственности. Так, НК «ЛУКОЙЛ» реально был сформирован раньше указа: еще во времена СССР в 1991 г. он был образован как государственный концерн, в который вошли три нефтегазодобывающих предприятия (Лангепаснефтегаз, Уралнефтегаз и Когалымнефтегаз). Кроме того, в компанию вошли четыре нефтеперерабатывающих и нефтехимических завода.

В целом, закрепление собственности за крупными функционерами профильных структур бывшего СССР явилось типичной формой первого этапа приватизации нефтегазового комплекса. К примеру, основным собственником третьей по величине нефтяной компании «Сургутнефтегаз» стал генеральный директор концерна Владимир Богданов, руководящий ею с середины 80-х гг. XX века. Начальный этап оформления прав собственности на государственные нефтегазодобывающие активы являлся «номенклатурной приватизацией». Советская элита стремилась легитимизировать свое владение управляемыми госактивами, и утвердить контроль над процессом управления финансовыми потоками отрасли. С 1992 г. этот процесс был законодательно оформлен посредством «ваучерной» приватизации.

Масштабы политического участия на названных уровнях были различными. Например, тот же «Газпром» и нефтяная компания «ЛУКОЙЛ», сразу после выделения из структуры соответствующего министерства, получили широкие возможности лоббирования своих интересов в органах власти.

Изменения структуры собственности в российском нефтегазовом комплексе сопровождались борьбой за полное исключение представительства государства из системы управления компаниями. К середине 90-х гг. прошлого столетия политическое руководство России испытывало острую нехватку средств, которые были необходимы для сохранения своего доминирующего положения, в частности – для легитимного продления президентских полномочий Б.Н. Ельцина.

Формально государство брало кредиты у частных банков в залог акций госпредприятий, однако, изначально стороны понимали, что кредит не будет возвращен и контрольные пакеты акций предприятий останутся у кредиторов. Эта теневая приватизация привела к самоустранению государства из управления нефтяными и газовыми компаниями.

Процесс приватизации российских нефтегазовых компаний пошел не по пути формирования классических финансовых холдингов, а по пути формирования производственно-финансовых структур типа концернов. Особенностью последних является сосредоточение на уровне головных структур компаний не только функций стратегического планирования и управления, связанных, прежде всего, с определением направлений перемещения активов компании, но и функций текущего финансового и производственного менеджмента.

Благодаря практике залоговых аукционов, банк «МЕНАТЕП» получил контроль над 80 % акций «ЮКОСа». Активную помощь в проведении аукциона команде Михаила Ходорковского оказал премьер Правительства В.С. Черномырдин, который согласился на фактическое списание задолженностей «ЮКОСа» и его дочерних предприятий по налоговым платежам. Формально это было проделано за счет применения сложных вексельных схем с большим дисконтом погашения. В результате с 1997 г. «ЮКОС» стал владением Михаила Ходорковского и его команды.

Политика проведения залоговых аукционов способствовала возникновению в структуре нефтегазового комплекса России новых компаний. Крупнейшие финансово-промышленные группы, используя связи в высших эшелонах власти, стремились вывести наиболее ликвидные активы из системы государственного контроля с целью последующего оформления прав собственности на них. Например, «ТНК» была создана в 1995 г. в результате выделения из «Роснефти» добывающих предприятий «Нижневартовскнефтегаз» и «Тюменьнефтегаз», а также Рязанского НПЗ и региональных оптовых сбытовых организаций Калужской, Курской, Рязанской, Тульской и Тюменской областей. Фактически таким же образом происходил процесс создания «Сибнефти», которая появилась в конце 1995 г. в соответствии с Указом Президента России Б.Н. Ельцина.

А.Б. Чубайс и возглавлявшаяся им «команда молодых реформаторов», вплоть до ухода из правительства осенью 1997 г., выступали бескомпромиссными сторонниками самого радикального варианта реформ, вплоть до полного отстранения государства от участия в регулировании экономикой, снятия любых бюрократических и протекционистских ограничений и перестройки всей экономической системы на основе западных стандартов. Кстати сказать, А.Б. Чубайс – один из немногих лидеров крупного бизнеса, который никогда не отрекался от своих либеральных убеждений. В связи с «покаянными» заявлениями Ходорковского по поводу крупного капитала, он подчеркивал: «Михаил Ходорковский кается не за свои грехи – он кается за мои грехи. Ходорковский был либералом только в 1996 году, а после этого вместе с Борисом Березовским и Владимиром Гусинским вполне успешно боролся с либералами. И поэтому пусть раскаивается в своих собственных грехах. Человек сидит в тюрьме и ему оттуда нужно выйти – это видно по его посланию. И если нужно будет донос написать, то он напишет»¹.

На настоящий момент в России сформировались два основных подхода к реформированию нефтегазовой отрасли. Частные энергетические концерны выступают за продолжение политики либерализации и приватизации, за постепенную продажу российских нефтегазовых активов западным концернам. Они заявляют, что приватизация отрасли показала свою эффективность, так как с 1998 г. начал неуклонно расти объем добычи энергоресурсов, а за ней – и уровень капитализации российских нефтяных компаний.

Альтернативный подход отстаивают представители государственных нефтегазовых концернов и патронирующие их госчиновники. Они указывают, что наблюдающийся рост производства достигается исключительно за счет использования деструктивных методов добычи, и акцентируют внимание на непропорционально малом изъятии природной ренты в доход государства. Эта группа призывает изменить вектор развития ТЭК и усилить государственный контроль над нефтегазовой отраслью, не исключая и постепенную национализацию добывающего сектора.

---

¹ Известия. – 2004. – 20 апр.

Борьбу за российский ТЭК обострило «дело «ЮКОСа». Это – не просто частный эпизод в ходе конкурентной конфронтации в процессе передела собственности в нефтегазовой отрасли. По сути, речь шла о масштабном наступлении одной из влиятельных политических группировок, претендующей на доминирование в добывающей промышленности. Более того, вопрос стоял об изменении стратегии развития нефтегазового комплекса, где должны резко усилиться позиции государства, причем не только как регулирующего инструмента, но и как полноценного собственника.

Этой концепции противостоит другая модель – ускоренного развития частных компаний и прихода в отрасль западных транснациональных корпораций. После объединения российско-украинских активов нефтегазового комплекса и начавшихся переговоров о продаже иностранным концернам крупного пакета акций «ЮКОСа», казалось, что именно эта линия становится доминирующей. Но «дело «ЮКОСа» все изменило. Возможности создания обновленной структуры нефтегазового сектора, контролируемого властью, стали вполне реализуемыми.

Проблемы приватизации сохраняют свою актуальность, в их решении участвуют самые различные политические силы и деловые круги. Борьба в данной сфере экономики продолжается. Она ведется между элитными группировками во властных структурах и финансовых кругах. Аргументы противников дальнейшей приватизации достаточно убедительны. Рост финансовых и производственных показателей достигается частными компаниями фактически за счет будущего, поскольку используемые ими методы добычи в конечном счете делают практически неизбежным падение общего уровня добычи ресурсов; указывается и на мировой опыт – в большинстве стран нефтегазовый комплекс контролируется государством.

Эта точка зрения отстаивается «новой элитой», представители которой заняли высшие государственные посты после избрания В.В. Путина президентом. Они сумели получить контроль лишь над государственными компаниями в сфере нефтегазового комплекса. Поэтому единственным путем расширения влияния в ТЭК им справедливо представляется масштабная национализация под лозунгами повышения эффективности работы отрасли.

Другая часть элиты состоит из чиновников, оказавшихся на вершине бюрократической иерархии еще при Б.Н. Ельцине, но сохранивших свои позиции до сих пор. Эту группировку характеризует наличие довольно тесных контактов с крупными частными сырьевыми корпорациями. По этой причине «старая» элита, в отличие от «новой», считает частную собственность в нефтегазовом бизнесе полностью отвечающей задачам развития российской экономики. В частности, предлагается не только отказаться от национализации нефтегазового комплекса, но и продолжить приватизацию в этом секторе.

Указывают на государственную компанию «Газпром», которую часть экспертов называет неэффективным собственником. Отмечается нехватка у государства инвестиционных ресурсов для развития комплекса. К тому же мировой опыт неоднозначен. Например, в США и Великобритании в этом секторе давно доминируют частные компании, по пути приватизации идут и другие государства, такие как Норвегия, где активными темпами проводится разгосударствление энергетического комплекса.

Разумная позиция в этом споре, думается, заключается в следующем. Так или иначе, стратегическим фактором экономического роста России в ближайшее время останется структурная перестройка российской экономики на основе имеющихся минерально-сырьевых ресурсов. Это связано с тем, что в начале рыночных реформ на некоторое время государство выпустило из рук управление природно-ресурсным комплексом, что обернулось застоем национального природно-ресурсного потенциала, развалом формировавшейся в течение многих десятилетий геологической отрасли, другими негативными последствиями.

Сегодня рыночная эйфория первых лет экономических реформ уступает место более взвешенному подходу, допускающему необходимость регулирующего воздействия государства на хозяйственные процессы в целом и на природопользование в частности. Практика стран с развитой рыночной экономикой дает немало примеров эффективного государственного вмешательства в долговременные проекты освоения природных ресурсов.

В данном контексте формы собственности не имеют принципиального значения. Независимо от того, в чьей собственно-

сти находятся природные ресурсы, государство вправе регулировать процесс их освоения и использования. При этом оно действует в интересах общества в целом, и отдельных собственников, интересы которых вступают в противоречия друг с другом и которым для достижения согласия необходима помощь государственных органов власти.

Исходя из этого, можно сформулировать следующие задачи в области управления использованием природных ресурсов:

- завершение перехода к рациональному сочетанию административных и экономических методов государственного регулирования в области природопользования;
- формирование эффективной системы органов государственного управления в сфере природопользования, четкая координация и разграничение сфер их деятельности;
- развитие правовой базы в целях стимулирования инновационного и инвестиционного процессов в сфере природопользования;
- оптимизация объемов и расширение диверсификации источников инвестиций при воспроизводстве, потреблении и охране природных ресурсов;
- развитие государственного регулирования экспортно-импортных операций в области природных ресурсов.

Вот вопросы, которые действительно заслуживают серьезного анализа. Дилемма «государство или частник» в российской экономике и политике снята самим развитием событий за последние полтора десятилетия. Она замещена проблемами, которые порождают отношения между властью и бизнесом, между группами интересов в хозяйственной и политической жизни страны. Направления борьбы за контроль над нефтегазовым комплексом определяются наиболее влиятельными нomenclатурно-политическими группировками.

«Государственники», контролирующие часть ТЭК, понимают, что расширить свое влияние в наиболее рентабельном секторе российской экономики они смогут лишь за счет возврата вертикально-интегрированных компаний в собственность государства. Ранее они высказывали идеи увеличения сырьевой ренты, но затем осознали, что это – половинчатое решение проблемы. В этом случае они могли бы получить лишь часть доходов российских частных компаний, в то время

как национализация дает возможность распоряжаться всеми средствами, получаемыми от добычи и продажи нефтегазопродуктов. «Старая» элита, напротив, пытается добиться окончательной приватизации нефтегазового комплекса, включая трубопроводную систему.

Остальные элитные группировки не могут сравниться по своему политическому влиянию с названными ранее. Исходя из этого, они вынуждены примыкать к тем или другим в зависимости от собственного политического потенциала.

Так, либеральный сегмент в правительстве выступает категорически против национализации ТЭК, доказывая, что долгосрочный экономический рост в стране может обеспечить лишь постоянный приток частных инвестиций. Государство же должно создать для частных собственников максимально комфортные условия, ограничив свое присутствие в экономике контролирующими функциями. По этой причине поддерживается усиление позиций частных собственников ТЭК и реформирование в их интересах государственных энергетических монополий.

Последствия как самого существования монополистической и либеральной тенденций, так и их совмещения при выработке конкретных политических и хозяйственных решений, ощущаются и сегодня. В России по существу возникли две «партии», одна из которых отражает интересы национального бизнеса России, а другая – «компрадоры» – интересы иностранного капитала. И та, и другая выступают за развитие рыночной экономики и достаточно широкое государственное регулирование, но толкуют эти понятия по-разному. В отличие от «националов», являющихся сторонниками государственного протекционизма и эмиссионного финансирования экономики, «компрадоры» выступают за активное сотрудничество с Международным валютным фондом (далее – МВФ) и другими наднациональными финансовыми институтами.

С одной стороны, российские компании заявляют об амбиционных планах скупки активов в других странах, что позволило бы им перерастить региональный уровень и подняться до уровня ведущих нефтегазовых гигантов. С другой, – крупнейшие мировые корпорации активно разрабатывают планы покупки российских нефтяных компаний, что стало бы началом

принципиально иной тенденции – включение российских компаний в транснациональные нефтегазовые концерны. Однако и та, и другая тенденции не получили заметного развития. Российским компаниям не удалось мало-мальски глубоко внедриться в мировой энергобизнес, равно как и западные концерны остались на исходных позициях. Многое ожидалось от приобретения крупнейшей российской нефтяной компании «ЮКОС» одним из западных концернов, но «дело Ходорковского» положило конец этим расчетам.

Что конкретно произошло в этой сфере? В последние годы нефтегазовый комплекс России продемонстрировал весьма позитивные результаты своего развития. Существенный рост показателей, включающий такие области как добыча, переработка и транспортировка сырья, а также концентрирование финансовой прибыли компаний, позволили рассчитывать на скорое и активное продвижение российских компаний на мировые рынки.

Ведущие нефтяные и газовые концерны России претендуют на то, что аккумулированные ими финансовые резервы могут быть направлены на приобретение значительной части активов зарубежных производителей и поставщиков углеводородного сырья. Проекты российских сырьевиков включали в себя широкую экспансию на территорию Восточной и Западной Европы, продвижение на Ближний Восток, а также получение контроля над топливными отраслями бывших союзных республик.

Так, «ЛУКОЙЛ» проявляла серьезную заинтересованность в польских нефтеперерабатывающих активах, «Роснефть» и ТНК ставила себе задачи по внедрению в нефтегазовую отрасль Турции, не говоря уже об амбициозных планах «Газпрома», готового к активному расширению своего присутствия на прилегающих к России территориях¹.

Речь идет о намерении российских концернов преобразоваться в полноценные транснациональные корпорации (ТНК), ведущие добычу и переработку нефти и газа не только в России, но и в других регионах мира. Но развитие событий показало иллюзорность большинства этих проектов. Неудачей за-

---

¹ См: Кондрачук В.В. Нефтегазовый бизнес России: политика и экономика. – М., 2005. – С. 196.

вершилась борьба «ЛУКОЙЛа» за польский нефтеперерабатывающий холдинг Rafineria Gdanska (RG): польские власти отказались от приватизации RG после того, как Польша поставила при содействии США под контроль своих вооруженных сил север Ирака, в результате чего польские компании получили возможность перерабатывать иракскую нефть для европейский рынков. Свою роль сыграло и вступление Польши в ЕС, что обязало страну к расчленению нефтеперерабатывающих активов монопольного характера.

«ЛУКОЙЛ» был вынужден отказаться и от заявленной ранее покупки румынской компании Petrom. Правда, концерн продвинулся на сербский рынок, где он сумел победить в тендере на приобретение контрольного пакета акций второго по величине владельца сети АЗС и нефтебаз страны – компании Veopetrol. Ситуация с «ЛУКОЙЛом» показала слабость внешнеполитической линии России на поддержку экспансии нефтегазовых компаний в соседние государства, которые опасаются усиления позиций российского нефтегазового бизнеса, усматривая в этом новые возможности политического влияния РФ.

Вслед за «ЛУКОЙЛом» крупные российские компании отказались от участия в приватизации лидирующей нефтеперерабатывающей структуры Турции – Tupsas. Причем официальные представители российских нефтяников не раз заявляли о перспективности вложения средств в данный актив. Особенно активно вела себя ТНК-ВР, которая после своего создания заявляла о грядущих приобретениях не только в Турции, но и в Румынии, Греции и Польше, ни одно из которых так и не осуществилось. Российские концерны не отказываются от амбициозных планов.

Так, акционер ТНК-ВР – «Альфа-групп» – в конце 2003 г. заявила о намерении купить доли в четырех германских нефтеперерабатывающих заводах, принадлежащих одной из венесуэльских компаний, общая мощность которых составляет около 50 млн т (доля «Альфы» – порядка 12-13 млн т). Эти заводы затем могут быть встроены в структуру ТНК-ВР.

Еще один пример. «Роснефть» в последний момент отказалась от участия в приватизационном конкурсе на покупку 25 % плюс одна акция хорватской государственной нефтяной компании INA, контролирующей участок нефтепровода между

портом Омишаль и нефтепроводом «Дружба». Российская компания рассчитывала получить от правительства Хорватии гарантии на опцион, позволяющий стратегическому инвестору довести пакет акций в акционерном капитале INA до контрольного, но хорватские чиновники посчитали это требование чрезмерным¹.

«Газпром» также потерпел несколько серьезных неудач на этом поле, среди которых:

- срыв договоренностей по поставкам газа по системе «Голубой поток» со стороны Турции на фоне активного продвижения на турецкий рынок сторонников реализации проекта «Баку – Тбилиси – Джейхан»;
- свертывание переговорного процесса по созданию международного газотранспортного консорциума на Украине;
- отказ правительства Белоруссии от перспектив содействия планам монополии по продвижению в газотранспортную отрасль страны и т.д.

В этом ряду стоит и отказ германского концерна E.ON от продажи российскому партнеру пакета акций восточно-германского газового трейдера Verbundnetzgas, продажа акций которого была одним из условий Минэкономики Германии при поглощении E.ON газового концерна Ruhrgas. E.ON выбрала северо-германскую энергетическую компанию EWE.

В случае покупки VNG «Газпромом» или Gaz de France промышленность немецких провинций этого региона попадала бы в зависимость крупной газовой компании, способной диктовать свои условия поставок газа, что и было конечной целью российской газовой монополии. Однако, несмотря на давние связи «Газпрома» в Германии, концерн не смог добиться успеха, что стимулировало очередной всплеск дискуссии о неэффективности стратегии экспансии компании на западные рынки.

В этой ситуации в нефтегазовой сфере стали проявляться тревожные ожидания развития мирового ТЭК в обратном направлении – путем овладения российского нефтегазового комплекса крупными транснациональными компаниями.

Даже возможное объединение российских активов концерна ВР и ТНК, оформленное во время государственного визита в 2003 г. российского президента в Великобританию,

---

¹ Кондрачук В.В. Указ. соч. – С. 204.

вызвало тревогу. Дело в том, что пока политики рассуждали о Великобритании как о крупнейшем иностранном инвесторе в России, ВР изменила условия соглашения, сократив денежную часть выплаты за долю в российской нефтяной компании ТНК на 20 %.

В итоге вместо заявленных 6,75 млрд долл. США инвестиций сумма выплат составит 2,4 млрд долл. Далее будут осуществляться ежегодные выплаты в размере 1,25 млрд. долл. в течение трех лет, и то в виде обыкновенных акций ВР, оцениваемых в соответствии с рыночной стоимостью на момент платежа.

Для каждой финансово-промышленной группы формы и порядок оказания поддержки Правительством РФ ставятся в зависимость от определенных условий, в числе которых выделяются:

- обеспечение поставок продукции для государственных нужд по твердым ценам;
- реальное повышение удельной доли самофинансирования;
- привлечение иностранных инвестиций, в том числе в форме «ноу-хау»;
- выпуск акций ФПГ для продажи на открытом фондовом рынке.

Вместе с тем, перечисленные условия могут быть дополнены с учетом специфики деятельности конкретной ФПГ и заинтересованности государства в решении определенных приоритетных задач в экономике страны либо отдельных регионов.

Параллельно процессу закрепления прав собственности на основные активы независимых нефтяных компаний, их руководство проводило активную политику расширения производственной базы за счет изъятия из госсобственности мелких предприятий отрасли. Уже после приватизации «ЛУКОЙЛ» приобрел компанию «КомитЭК», в состав которой входят нефтегазодобывающее предприятие «Коминепть» и Ухтинский НПЗ.

В 1997 году «ЮКОС» победил на приватизационном конкурсе и получил «Восточную нефтяную компанию», в состав которой входили нефтегазодобывающее предприятие «Томскнефть», Ачинский нефтеперерабатывающий завод и три сбы-

товых предприятия. «ЮКОС» также сумел получить контрольный пакет акций якутской компании «Саханефтегаз».

Современный этап развития нефтегазового сектора отмечен противоборством двух тенденций, одна из которых предопределяет дальнейшую инкорпорацию крупного бизнеса в политику, а другая, напротив, направлена на «равное удаление» ФПГ от власти и побуждение их к большей социальной ответственности. На этом этапе происходит относительная стабилизация взаимодействия власти и крупного нефтебизнеса, который под настойчивым нажимом Кремля вынужден принять новые правила игры, требующие от него соблюдения обязательств перед обществом и государством.

4.3. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Модель экономического роста, базирующегося преимущественно на эксплуатации природных ресурсов, утвердилась в российской экономике за годы постсоветской трансформации в результате отсутствия какого-либо долговременного планирования развития энергоресурсов. С приходом к верховной власти В.В. Путина возникли признаки стратегического государственного мышления. Власть, кажется, осознала необходимость перевода экономики на модель модернизации, которая отличает все так называемые «развитые страны» от слаборазвитых.

Проблемы развития нефтегазового комплекса неотделимы от общей стратегии модернизации российской экономики. Они не решаемы без участия государства. Особенно актуальна проблема выхода России из тени «сырьевого проклятия», без учета которой невозможна выработка эффективной стратегии развития российской энергетики.

Российские теоретики в зависимости от своих политических убеждений предлагают различные решения. Так, либерал Андрей Илларионов, будучи советником российского президента, утверждал, что сокращение отставания России от высокоразвитых стран напрямую зависит от меры влияния нефте- и газодобычи на ее экономику: чем оно меньше, тем меньше разрыв, и наоборот. По его мнению, высокий рентный

доход страны всегда оказывает разлагающее воздействие на ее получателя, прежде всего на политические и экономические элиты, да и в целом на все общество¹.

Спустя несколько лет, уже в качестве научного сотрудника Института Катона в Вашингтоне, Илларионов в очередной раз подтвердил свою версию, увязав ее с усилением роли государства в энергетическом секторе или, если брать шире, – с «силовой моделью» политики президента В.В.Путина. Проблема, по его мнению, возникла вследствие того, что государство усиливает свое присутствие на всех стадиях производства, транспортировки и реализации энергоресурсов. Это создание монополии, подчеркивал он, а «монополия развращает, абсолютная же монополия развращает абсолютно». По его словам, в этой ситуации непонятно, где заканчивается бизнес и где начинается политика. «Такая экономика не имеет перспектив, все страны, которые шли по этому пути, не становились богатыми, сильными и развитыми».

Экономист не отрицает: в стране наблюдается экономический рост; среднегодовой темп прироста ВВП в 2004 – 2006 гг. на уровне 6,8 % действительно выше, чем в некоторых европейских странах. Тем не менее, утверждает упертый либерал, темп ниже, чем 8,2 % – темп экономического роста в самой России в 1999–2000 гг., – на излете так называемого «олигархического периода» и перед началом функционирования силовой модели, которая превратила страну, по словам Илларионова, в экономического инвалида даже на фоне стран бывшего СССР².

Спору нет, как было показано в первом разделе этой главы, изобилие природных ресурсов не гарантирует преимуществ в экономическом развитии. Многие страны со скудными ресурсами, например восточно-азиатские государства, демонстрируют экономические успехи, в то время как результаты развития богатых природными ресурсами стран Латинской Америки пока менее впечатляющие.

Помимо рисков от падения цен на сырье и возможного отвлечения усилий на извлечение ренты к потенциальным проблемам, связанным с богатством природных ресурсов, от-

---

¹ См.: Итоги. – 2002. – 12 марта.

² Независимая газета. – 2006. – 5 июля.

носятся и так называемая «голландская болезнь», когда большой приток экспортной выручки приводит к повышению реального обменного курса, что может снизить международную конкурентоспособность обрабатывающих отраслей. Риски массированного экспорта углеводов этим, понятно, не ограничиваются.

По меткому замечанию генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования С. Сулакшина, «углеводородное сырье давно превратилось из инструмента влияния России в инструмент влияния на Россию. Мы сами поймали себя в эту ловушку»¹.

Приведем еще один показательный пример, исследованный американским аналитиком А. Коэном на фактах недавней истории венесуэльского нефтебизнеса². Венесуэла, занимающая одно из ведущих мест на нефтяном рынке, наглядно демонстрирует то, как наличие минеральных ресурсов служило не процветанию народа, а амбициям правящей верхушки.

Это один из примеров, подтверждающих концепцию Илларионова. Но до известной степени. Приход к власти тоже «силового» режима Уго Чавеса резко изменил ситуацию. Национализация нефтегазового комплекса, жесткое регулирование энергопоставок привели к повышению ВВП, улучшению социального положения народных масс.

«Силовая модель» в данном случае сыграла позитивную роль. Надолго ли? Трудно сказать. Ведь всякий подобный казус зависит от многих обстоятельств, прежде всего международных. Сможет ли Венесуэла выдержать огромное давление США и сохранить свою энергетическую независимость? Помогут ли ей другие, конкурирующие с американскими монополиями силы? Пойдут ли эти монополии на какие-то компромиссы? Все эти вопросы остаются открытыми.

Разумеется «силовая модель» не может служить для России образцом для подражания. Развитие российской экономики неотделимо от процесса демократизации, который гарантирует безопасность частной собственности и обеспечивает благоприятные условия для инвестиций. Как известно,

---

¹ Информационное агентство Finam. – 12.02.2007.

² См.: Коэн А. Венесуэла: модель в миниатюре // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 4. – С. 181.

ущемление прав предпринимателей, вмешательство силовых структур в их деятельность заставляют нефтегазовый бизнес находить применения своим доходам не на родине, а в странах с устойчивыми демократическими режимами.

Это естественно. Еще в конце XVIII века основоположник политэкономии Адам Смит писал: «Конечно, в тех несчастных странах, где люди постоянно опасаются насилия со стороны вышестоящих, они часто закапывают и прячут большую часть своих капиталов, чтобы всегда иметь их под рукой и иметь, таким образом, возможность унести вместе с собою в какое-нибудь безопасное место, если им грозит одна из тех бед, которые они имеют основание ожидать для себя каждую минуту»¹.

Чужой опыт поучителен. Надо полагать, он учитывается и при решении затронутых здесь проблем.

Очевидно, что для России, как и для многих стран третьего мира, характерна сильная зависимость от экспорта природных ресурсов. Значительная часть населения земного шара стоит перед вопросом: является ли их изобилие неизбежным проклятием или их можно эксплуатировать с пользой для страны и ее граждан. Формулируя эту дилемму, эксперт Экономического департамента ОЭСР Р. Аренд высказывает следующие соображения.

К ресурсно-зависимым экономикам относятся те, в которых на природные ресурсы приходится более 10 % ВВП и 40 % экспорта. Поскольку цены на сырье характеризуются высокой волатильностью, чрезмерная зависимость экспортных поступлений от их колебаний означает, что такие экономики особенно уязвимы перед внешними шоками. И все же наличие богатых запасов полезных ископаемых дает очевидные преимущества. Природные ресурсы можно продавать на мировом рынке, получая экспортные доходы. Для бедных и недостаточно развитых стран это означает возможность импортировать критически важные товары (например, лекарства), которые они сами производить не могут, и, следовательно, по крайней мере в принципе, существенно повысить благосостояние своих граждан.

---

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – В 2 т. – Кн. 2. – Гл. 1. – М.: Наука, 1993.

С практической точки зрения природные ресурсы обеспечивают также определенную защиту от конкуренции. Потенциал роста добывающих секторов относительно невысок: запасы природных ресурсов ограничены, кроме того, добыча полезных ископаемых не требует высоких технологий, поэтому возможности повышения производительности в добывающих секторах невелики – одно из объяснений существования «ресурсного проклятия».

«Оба приведенных аргумента, – пишет Аренд, – достаточно спорны. Безусловно, запасы природных ресурсов конечны (по крайней мере, на нашей планете). Однако пока не наступит период, непосредственно предшествующий полному истощению того или иного их вида, на величину соответствующих запасов можно не обращать внимания. Важно, прежде всего, количество разведанных месторождений полезных ископаемых, которые можно рентабельно эксплуатировать при современном уровне технологий и прогнозируемых долгосрочных средних ценах. Благодаря существенному технологическому прогрессу в области добычи полезных ископаемых для большинства видов сырья объемы разведанных месторождений в последние десятилетия практически не сокращаются». Видимо, нельзя согласиться и с утверждением, что специализация на добыче сырья неизбежно предполагает низкий уровень технологических знаний: по мере перехода к эксплуатации более сложных по своим условиям месторождений такая деятельность все больше опирается на интенсивное использование специфических высоких технологий. Отсюда вывод: «плохое функционирование экономики может быть вызвано не изобилием природных ресурсов как таковым, а неэффективными структурами собственности и контроля»¹.

Стало быть, дело не в самом по себе природном богатстве, а в том, как им разумно распорядиться, как использовать его во благо общества. Многие страны (Норвегия, США, Великобритания, Кувейт и др.) добились экономического процветания в значительной мере, благодаря рациональному исполь-

---

¹ Аренд Р. Как поддерживать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 25.

зованию своих сырьевых ресурсов, в том числе энергетических.

Это демонстрирует и экономическая история нашей страны. Дореволюционная Россия имела пик добычи нефти в 1901 г., в период устойчивого экономического роста, в то время она добывала примерно половину мирового производства. Затем добыча стабилизировалась, а последующее сокращение ее в 1905 – 1908 гг. пришлось на период затяжного общепромышленного спада 1904 – 1909 гг.

Экономисты А. Арбатов и В. Смирнов пишут: «По логике Илларионова, в спаде нужно винить нефтедобычу или, напротив, видеть в ней источник последующего роста, хотя это нонсенс. СССР наиболее быстро сокращал свое отставание в 1930-е годы, но, во-первых, сокращение носило слишком специфический характер., во-вторых, одним из крупнейших “проколов” этого периода был упор на ускоренное развитие угольной промышленности по сравнению с нефтяной, что не только в значительной мере истощило внутренние ресурсы, но и поставило страну на грань катастрофы в военном отношении из-за наличия практически единственной, с точки зрения театра военных действий, сырьевой базы углеводородов на Кавказе. Никакой корреляции (в “илларионовском” смысле) между динамикой нефтедобычи и экономическим ростом в первые послевоенные четверть века, т.е. до “большой” нефти, уловить не удастся»¹.

Видимо, в сложившихся обстоятельствах ощутимый эффект для страны может принести дальнейшее развитие различных форм внешнеэкономических связей на базе как традиционных, так и новых для России эффективных форм сотрудничества, действующих в мировом хозяйстве.

Это особенно важно в условиях происходящих процессов глобализации экономики: промышленное, научно-техническое, компенсационное и концессионное сотрудничество, раздел продукции в рамках реализации крупных хозяйственных проектов, представляющих интерес для России и ее зарубежных партнеров на базе создания совместных пред-

---

¹ Арбатов А., Смирнов В. «Ресурсное проклятие» России... экскурс в историю и нынешние проблемы // Общество и экономика. – 2004. – № 11-12. – С. 48.

приятий и иных корпоративных форм, а также использование международного лизинга, прибрежной торговли, свободных экономических зон и другие.

Этого требует также решение геополитических проблем, обострившихся в последние годы в связи с украинским кризисом, выработка адекватного ответа на антироссийские санкции, проводимые США и ЕС.

Российские аналитики уже давно подчеркивают необходимость диверсификации нефтегазового экспорта. Указывая на то, что стратегия использования преимуществ России в мировом разделении труда является решающим фактором ее активного участия в строительстве новой архитектуры энергетической безопасности, И. Томберг пишет, «в XXI в. перемещение центров опережающего экономического развития с запада на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) поставило перед руководством РФ проблему выработки новых подходов к определению внешних векторов экспортной топливно-энергетической политики страны. Их диверсификация позволяет уменьшить зависимость от системы отношений с консолидированным Западом, выстраивать долгосрочные планы сотрудничества и регионального развития с восточными соседями, создавая потенциал геополитического влияния»¹.

Для выработки мер в этом направлении необходимо уяснить причины, сдерживающие расширение российского экспорта. В принципиальном плане они определены трудностями отечественной экономики в новых геополитических и геоэкономических условиях.

Огромные возможности открывают рынки Китая и в целом Азиатско-Тихоокеанского региона. Для России рынок АТР весьма перспективен, отмечают российские аналитики в монографии, посвященной энергетическому вектору политики РФ. Авторы учитывают замедляющиеся темпы роста спроса на нефть в Западной и Восточной Европе, который, по прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), до 2020 г. составит в среднем, соответственно, 0,5 % и 1,8 %. При этом существенно, что отечественные нефтяные месторожде-

---

¹ Томберг И. Нефть для Поднебесной: трубой или по рельсам? // МЭиМО. – 2008. – № 4. – С. 108.

ния расположены в относительной близости от перспективных рынков АТР¹.

Исключительное значение для развития энергетического сотрудничества с восточными соседями имеет заключение в 2014 г. российско-китайского соглашения о нефтяных поставках КНР. До недавнего времени энергетика КНР базировалась на угле, на долю которого приходилось в 2005 г. свыше 70 % его энергетических потребностей страны. Но уголь все более замещается нефтью, импорт которой проектируется увеличить к 2020 г. на 75 %.

Аналогичные акты сотрудничества в энергетической сфере Россия предпринимает и в отношениях с другими странами региона, который играет все более значительную роль в глобальной экономике. На его долю приходится около 60 % мирового производства, 50 % международной торговли, около половины мирового притока прямых иностранных инвестиций. В странах региона постоянно растет спрос на углеводороды. По прогнозам австралийских специалистов, к 2030 г. он увеличится на две трети. Чтобы удовлетворить его, потребуются инвестиции в нефть, газ и инфраструктуру порядка 3 трлн долл. Азиатская часть АТР зависит от поставок нефти и газа на 60 %, по экспертным оценкам, будет зависеть на 80 % к тому же 2030 году².

Способна ли Россия занять достойное место на столь обширном энергетическом рынке? Ясности в этом вопросе пока что нет. Усилившаяся в последние годы сырьевая ориентация российского экспорта ведет к неэффективной структуре экономики страны. В то же время большая часть всех производственных инвестиций направляется в ТЭК. Перерабатывающие отрасли промышленности остаются депрессивными в инвестиционном отношении.

Доля наукоемкой продукции российских предприятий перерабатывающих отраслей промышленности резко снизилась. Сократилась инновационная деятельность. Если в нача-

---

¹ См. Якунин В.И., Порфирьев Б.Н., Арбатов А.А., Белова М.А., Сулакшин С.С., Фейгин В.И. Энергетический вектор восточной геополитики России. Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. – М.: Экономика, 2006. – С. 16.

² См.: МЭиМО. – 2008. – № 4. – С. 112.

ле 90-х гг. прошлого века в промышленности страны около 2/3 всех предприятий были инновационно активны, то сегодня их доля упала примерно до 10 %.

В экспорто-ориентированных отраслях инновационная активность ниже, чем в среднем по промышленности, хотя эффективность производства инновационной продукции с мировым качеством в семь раз выше, чем выпускаемой по национальным традиционным технологиям. В условиях острой конкуренции на мировых товарных рынках российским предприятиям для закрепления своего места на них необходимо иметь в наличии и постоянно создавать заделы опережающих технологий, установки для получения продукции с высоким уровнем качества, включая продукты переработки углеводородного сырья. Качественный уровень многих видов такой переработки не отвечает конкурентным требованиям рынков, включая внутренний. Его можно поднять, привлекая, в частности, иностранные прямые инвестиции, приобретая передовые лицензии, ноу-хау, современную технику и оборудование.

Зависимость российской экономики от благополучия нефтегазовой отрасли и уровня мировых цен на энергоносители, а также вовлеченность высшей политической элиты в нефтегазовые проблемы общеизвестны. Критики означенной модели «экономики трубы» недовольны тем, что она губит шансы на сбалансированное развитие всех остальных, особенно высокотехнологичных, секторов экономики. Те же эксперты, которые продолжают считать нефтегаз мотором российского развития, обеспокоены тем, что растущее государственное проникновение в эту сферу грозит отрасли новой стагнацией, а соответственно, и исчезновением источника развития отечественной экономики.

По убеждению президента Института энергетической политики В.С. Милова, тенденция превращения России в «нефтегосударство» налицо. Хотя еще не сложился консенсус по поводу того, что понимать под таким государством, можно выделить два основных критерия.

Во-первых, критическая зависимость экономики государства от добычи и экспорта нефти, чему Россия в классическом смысле не соответствует, так как при всех ее проблемах, все-

таки, является индустриально развитым государством, ориентированным на постиндустриальную фазу развития. Помимо нефти у него имеются в изобилии и другие ресурсы. Чисто формально нефть и газ составляют меньше трети от объема российской экономики, хотя они очень важны для доходов федерального бюджета.

Но есть и другие две трети экономики, благодаря чему страна не является полностью зависимой от нефти, газа и их экспорта. В этом смысле Россия гораздо более развитая страна, чем, к примеру, Венесуэла или Нигерия, где 80-90 % экономики зависимы от нефтегазовой отрасли.

«Но есть и другое, более политизированное определение нефтегосударства, – утверждает аналитик. – Это когда нефть и газ имеют значительное влияние на государственную политику. Более того, становятся ее инструментом в различных сферах. Не надо быть большим специалистом, чтобы увидеть, что сегодня для высшего руководства России нефтегазовый сектор приобрел приоритетный характер в качестве инструмента для достижения поставленных целей как во внутренней, так и во внешней политике. В этом плане мы все больше смахиваем на нефтегосударство. Поскольку государство рассматривает нефть и газ как инструмент воздействия на окружающий мир, оно начинает возвращать себе контроль над нефтегазовым сектором, который оно в 90-е годы сознательно отдало в частные руки, пытаясь превратить его в управляемый ресурс. Что в последнее время и происходит»¹.

Нужно признать, что за последние годы некоторые частные компании доказали свою эффективность, в том числе, обеспечив высокие темпы добычи углеводородов и притока доходов в бюджет от их продажи. Становится заметным влияние независимых производителей газа на общий объем добычи, что позволило частично компенсировать падение добычи газа на некоторых предприятиях ОАО «Газпром». Компании, не входящие в «Газпром», увеличили к 2012 г. добычу природного газа примерно на 10 % по сравнению с 2001 г., доля этих предприятий в общей добыче газа существенно повысилась.

---

¹ См.: Новая газета. – 2005. – 22-25 дек.

С начала 2000-х гг. именно проблемам собственности, контроля, поглощений и банкротств, реструктурирования бизнеса было уделено повышенное внимание. Программа реформ с их либеральной идеологией базировалась на предположении о необходимости улучшения единого инвестиционного климата страны, который, при условии политической и макроэкономической стабильности, обеспечит возрождение процесса накопления.

Модернизация российской экономики ориентируется на достижение устойчивых темпов экономического роста, обусловленного повышением конкурентоспособности, прогрессивными сдвигами в структуре экономики, соответствующими мировым тенденциям. Решение этих задач тесно связано с выработкой стратегии развития нефтегазового комплекса России, что позволит закрепить позитивные тенденции, сформировавшиеся в последнее время в экономике страны, и выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Реализация мер в области энергетической политики придаст российской экономике новый импульс, обеспечивающий ускоренное развитие отраслей с новым технологическим укладом, активное использование результатов инновационной деятельности, более тесную интеграцию России в международную систему разделения труда.

К числу ключевых проблем трансформации относятся выбор ее целей и методов, с одной стороны, и оценка результатов перехода – с другой, включая оценку эффективности использования ресурсов – суть рыночной экономики. Научный анализ предполагает изоляцию объекта, которым в данном случае выступает проблема формирования устойчивого развития нефтегазового комплекса. Прежнее состояние экономики характеризовалось предельным напряжением и неэффективным использованием национальных природных и человеческих ресурсов, причем развитие явно застопорилось на стадии индустриального общества. Насколько сложившаяся на данный момент рыночная экономика России рационально использует природные ресурсы? Происходит ли становление экономики, обеспечивающей на уровне фирм принятие качественных инвестиционных решений, ведущих к их эффективному освоению?

Ведущие фракции российской политэлиты, усматривая в нефтегазовой отрасли наиболее мощную ресурсную и финансовую базу для развития экономики страны, по-разному отвечают на эти вопросы. Коренная проблема заключается не столько в структуре российской экономики, сколько в позиции собственника в нефтегазовом комплексе. Замкнутость отрасли и нежелание крупного сырьевого бизнеса вести равноправный диалог с верховной властью явились основными причинами слабого экономического роста в прошлом. Обострилась проблема изменения расклада сил в нефтегазовом секторе за счет усиления в нем роли государства.

Концепция власти: в структуре нефтегазового комплекса государство должно стать регулирующим центром развития отрасли. При этом формальные права собственности на активы ТЭК могут быть соблюдены, но их значение следует нивелировать путем переподчинения управленческих функций госаппарату, чем можно достичь эффекта прямого подчинения потенциала крупного бизнеса интересам государства. Тем самым получил одобрение кейнсианский способ решения проблем развития российской экономики.

Основные проблемы ТЭК и подходы к реформированию отрасли заложены в программе «Энергетическая Стратегия до 2020 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ 28 августа 2003 г.

Российская экономика, отмечают ее авторы, располагая мощным топливно-энергетическим комплексом, страдает от резкой диспропорции между долями разных видов топлива в суммарных разведанных запасах и их долей в производстве энергоресурсов. На нефть и газ приходится менее четверти общих запасов, но они обеспечивают свыше 80 % производства, а уголь и природный уран при 76 % запасов дают лишь 13 % поставок энергии¹.

Целью энергетической политики является максимально эффективное использование природных топливно-энергетических ресурсов для роста экономики и повышения благосостояния населения страны. В Энергетической стратегии России на период до 2020 г. ставится задача достижения

---

¹ Новая энергетическая стратегия России на период до 2020 г. – М.: ИНЭИ РАН, 2003.

качественно нового состояния ТЭК, роста конкурентоспособности продукции и услуг на мировом рынке на основе использования потенциала и установления приоритетов развития комплекса, формирования мер и механизмов государственной энергетической политики с учетом прогнозируемых результатов ее реализации. Как отмечалось, ТЭК во многом определяет состояние и перспективы развития национальной экономики, обеспечивая около четверти производства валового внутреннего продукта, трети объема промышленного производства и доходов консолидированного бюджета России, примерно половину доходов федерального бюджета, экспорта и валютных поступлений.

Либеральная часть российской элиты рассматривает топливно-энергетический комплекс как потенциально опасную для отечественной экономики отрасль, поскольку, являясь основным источником бюджетных поступлений, он способствует усилению зависимости экономики страны от стоимости сырья на мировом рынке. Сторонники этой точки зрения предлагают свой способ исправления ситуации: структурные экономические реформы, направленные на развитие не сырьевых отраслей промышленности и сокращение доли нефтегазового комплекса в структуре ВВП России.

Главная задача на этом направлении – проведение дифференцированной налоговой политики, предусматривающей постепенное снижение традиционных ставок параллельно качественному росту налогов на сырьевой сектор. Такой подход позволил бы сместить общий вектор инвестиционной привлекательности из добывающего в перерабатывающий сегмент, способствуя изменениям в структуре капитальных вложений, а, следовательно – и структурным сдвигам в национальном хозяйстве.

Энергетическая программа РФ предусматривает решение проблем ТЭК, формулируя цели и приоритеты стратегии. В ней рассматриваются основные факторы развития экономики России на перспективу, намечаются основы государственной энергетической политики. В Стратегии уделяется значительное внимание анализу перспектив спроса на российские энергоресурсы на внутренних и внешних рынках. В документе подробно освещены региональные особенности развития ТЭК,

научно-техническая и инновационная политика в энергетике, проблемы взаимодействия ТЭК со смежными отраслями промышленности. Завершается программа разделом, посвященным ожидаемым результатам и системе реализации Стратегии.

Главной задачей энергетической стратегии России является определение путей достижения качественно нового состояния ТЭК, роста конкурентоспособности его продукции и услуг на мировом рынке на основе использования потенциала и установления приоритетов развития комплекса, формирования мер и механизмов государственной энергетической политики с учетом прогнозируемых результатов ее реализации. Основным средством решения этой задачи является формирование цивилизованных рынков энергоносителей и не дискриминационных экономических взаимоотношений его субъектов между собой и с государством. При этом государство, ограничивая свои функции как хозяйствующего субъекта, усиливает свою роль в формировании рыночной инфраструктуры как регулятора рыночных взаимоотношений.

Государственное регулирование этих процессов осуществляется на основе применения следующих инструментов:

- меры по созданию рациональной рыночной среды, включая взаимоувязанные тарифное, налоговое, таможенное, антимонопольное регулирование и институциональные преобразования в ТЭК;
- повышение эффективности управления государственной собственностью;
- введение системы перспективных технических регламентов, национальных стандартов и норм, повышающих управляемость процесса развития энергетики и стимулирующих энергосбережение;
- стимулирование и поддержка стратегических инициатив в сфере инвестиционной, инновационной и энергосберегающей активности хозяйствующих субъектов.

В основу Стратегии положены два базовых варианта социально-экономического развития России: умеренный и оптимистический. Наряду с этими вариантами, учитывается также возможность развития экономики по благоприятному –

промежуточному между двумя базовыми – и критическому вариантам. Первый сценарий связан с возможностью установления низких мировых цен на нефть на мировом рынке. Оптимистический вариант предусматривает рост ВВП к 2020 г. в 3,3 раза к уровню 2000 г., увеличение объема инвестиций в 7 раз, удержание высоких цен на нефть и газ. Умеренный вариант исходит из роста ВВП в 2,3 раза к 2020 г., увеличения объемов инвестиций в 3,6 раза, удержания цен на нефть и газ на стабильном уровне.

Проведение долгосрочной энергетической политики основано на следующих принципах:

- последовательность действий государства по реализации важнейших стратегических ориентиров развития энергетики;
- заинтересованность в создании сильных, устойчиво развивающихся и готовых к конструктивному диалогу с государством энергетических компаний;
- обоснованность и предсказуемость государственных регулирующих воздействий, стимулирующих частную предпринимательскую инициативу в реализации целей государственной политики, в том числе в инвестиционной сфере.

На современном этапе экономика России характеризуется высокой энергоемкостью, в 2-3 раза превышающей удельную энергоемкость экономик развитых стран. Причинами такого положения, кроме более суровых климатических условий и территориального фактора, является сформировавшаяся в прошлом структура производства и технологическая отсталость энергоемких отраслей, а также недооценка стоимости энергоресурсов, прежде всего газа, не стимулирующая энергосбережение.

При определении внешней энергетической стратегии учитывается, что интеграция России в мировую систему оборота энергоресурсов, сотрудничество с иностранными инвесторами в области освоения топливно-энергетических запасов, повышения эффективности их использования и выхода на новые энергетические рынки являются одним из важнейших направлений энергетической политики, ее вкладом в решение глобальных проблем энергетики. Российская политика в этом плане направлена на переход страны от функций по-

ставщика сырьевых ресурсов к роли самостоятельного участника мирового рынка энергетических товаров. Эта необходимость диктуется как объективными тенденциями, так и потенциальными выгодами от повышения значения России в мировой торговле энергоресурсами. В чем конкретно это может выразиться? Выделим главное:

- укрепление позиций России на мировых энергетических рынках, эффективная реализация экспортных возможностей отечественного ТЭК, рост конкурентоспособности его продукции и услуг на мировом рынке;

- преодоление дискриминационного режима внешнеэкономической деятельности в энергетическом секторе, включая доступ российских энергетических компаний к зарубежным рынкам энергоресурсов, финансовым рынкам, передовым технологиям;

- содействие привлечению в рациональных масштабах зарубежных инвестиций в российский энергетический сектор.

Разумеется, для обеспечения этих условий необходима максимизация выгоды от внешнеэкономической деятельности с учетом оценки взаимосвязанных последствий активности российских компаний на мировых рынках энергоресурсов и капитала.

Задачи поставлены. Цели намечены. Будут или они достигнуты? Покажет будущее. Как бы то ни было, энергетика остается одним из определяющих факторов внутренней и внешней политики России.

Энергетика уже давно стала нервом мировой политики. Фактически все конфликтные ситуации последних десятилетий связаны с энергетическими интересами мировых держав, интернациональных корпораций, противоречиями межгосударственного характера. Политическое напряжение растет порой до истерики времен холодной войны. В 2013 – 2014 гг. военно-политический кризис на Украине во многом был порожден обострением энергетических проблем во взаимоотношениях России, США и ЕС. Российские нефть и газ несут угрозу интересам США и Запада. Такова оценка, с которой выступили в начале 2007 г. в американском Конгрессе высшие руководители спецслужб.

В Европе тоже паника. В 2008 году в странах Европейского Союза начал действовать механизм раннего оповещения об угрозе энергоснабжению. В странах ЕС создана сеть энергокорреспондентов, ответственных за энергетическую безопасность. Ее задача – обеспечить «раннее предупреждение» кризисов и создать возможности адекватно реагировать на них. В случае экстренной ситуации энергетический корреспондент будет звеном в общеевропейском «мозговом штурме» по предотвращению или выходу из кризиса.

Конечно, в России с пониманием относятся к озабоченности стран – импортеров энергоресурсов. Надо учитывать, например, то, что по сравнению с государствами ОПЕК в странах, не входящих в эту организацию, запасы нефти истощаются значительно быстрее, их влияние на мировой рынок будет устойчиво уменьшаться. С учетом того, что перспектива скорой победы США и их союзников над радикальным исламом весьма сомнительна, а также того, что мусульманским странам принадлежит значительная доля мировых запасов нефти, возможности введения нефтяных санкций по мере усиления напряженности в отношениях с ними становятся все более реальными.

Причем эта проблема обусловлена не только нарушением баланса интересов производителей и потребителей нефти, но и сдвигами в мировом энергообеспечении по мере выработки наиболее рентабельных запасов нефти и роста ее потребления. Политическая нестабильность на Ближнем Востоке угрожает энергетической безопасности, и крупные европейские импортеры нефти без учета поставок газа из России имеют ограниченные возможности по ее обеспечению.

Выход России на мировой нефтегазовый рынок в качестве лидирующей державы, политика которой во многом определяет характер и порядок решения проблем энергетической безопасности, вызвал в западных странах опасения по поводу зависимости от российских энергопоставок. Реализация энергетической стратегии РФ не дает повода для подобных опасений, поскольку предусматривает стабильное увеличение экспорта нефти и газа в страны – импортеры российских углеводородов.

Признавая взаимовыгодность бизнес-сотрудничества, следует учитывать и возможные его границы, определяемые интересами национальной безопасности России. В этом контексте имеет принципиальное значение согласованный Минэкономразвития и Минпромэнерго проект закона о регулировании стратегических секторов экономики. В соответствии с ним государство вводит ограничения для иностранных инвестиций в 39 видах деятельности. Преимущественно речь идет о ВПК, атомной энергетике и предприятиях сырьевого сектора. Иностранным фирмам впредь не будет позволено приобретать пакет акций стратегически важных предприятий, превышающий блокирующий. Все иностранные инвестиции в эти виды деятельности, вплоть до покупки одной единственной акции, можно будет осуществлять только по прямому разрешению президента и правительства.

Эти меры вполне соответствуют нормам международного права. Многие развитые государства, в том числе США, также ограничивают присутствие иностранцев в определенных секторах экономики, и притом даже более жестко, чем это планируется сделать в России. Список таких видов деятельности предлагается сделать окончательным, не подверженным конъюнктурным изменениям. Разрешительная система существует и сейчас, но она юридически не оформлена.

Среди конкретных препятствий, возникающих на пути расширения представительства иностранных компаний в структуре российского нефтегазового бизнеса, проблемы, возникающие в связи с несоответствием статуса той или иной зарубежной структуры критериям энергетической безопасности России, занимают особое место. Таковыми являются:

- несоблюдение иностранными компаниями норм разработки месторождений нефти и газа, прописанных в лицензиях. Сторонники такого подхода указывают на варварское использование зарубежными предприятиями отечественных недр (добыча нефти сверх лицензированных норм, закачивание воды в пласт и т.д.), что делает недоступными для последующей разработки крупных остаточных пластов энергетического сырья. Кроме того, зарубежные компании зачастую обвиняются в несоблюдении сроков ввода месторождений в

стадию промышленной разработки, что наносит вред российскому бюджету;

- стремление иностранных компаний функционировать в рамках льготного фискального режима, характеризуемого минимизацией налогооблагаемой базы, что является причиной недополучения доходов бюджетами страны и регионов;
- практика дискриминационного отношения иностранных недропользователей к российским компаниям, задействованным в процессе разработки месторождений;
- зависимость зарубежных концернов от политических интересов государств, на территории которых находится центр их прибыли. В этой связи усиление позиций таких компаний в отечественной экономике будет автоматически повышать зависимость России от политики других стран, что чревато частичной утратой суверенитета.

Все эти положения отвечают нормам международного права и фактически не отличаются от такого же рода ограничений в национальном законодательстве любой страны, обладающей углеводородными ресурсами, включая не только ближневосточные страны, но и США, Канаду, Норвегию и др.

Российский нефтегазовый импорт в определенной степени поддерживает энергетическую безопасность Европейского союза, поскольку благодаря первому Европа получает дополнительную возможность диверсифицировать поставки энергоносителей. В соответствии с известным высказыванием Уинстона Черчилля о том, что «безопасность и надежность поставок нефти обеспечиваются разнообразием источников», российские поставки служат альтернативой потенциально нестабильным ближневосточным поставщикам нефти. К тому же Россия зарекомендовала себя в качестве надежного поставщика для ЕС даже в годы холодной войны.

Энергетическая стратегия РФ предусматривает строгий контроль над соблюдением требований антимонопольного законодательства, который следует встроить в механизмы реформирования газонефтяной отрасли. При этом, как отмечает аналитик А. Голомолзин в своей работе об энергетической стратегии РФ, должны учитываться интересы не только

государственных игроков рынка, но и независимых его участников¹.

Для развития конкурентного сектора на внутреннем рынке газа необходимо определить правовые основы применения нерегулируемых цен на газ. Это требует значительного повышения эффективности системы антимонопольного регулирования в сфере поставок газа. Сохраняется ценовое (тарифное) регулирование участников рынка, занимающих на нем доминирующее положение, вводится система государственного контроля над соблюдением субъектами рынка установленных правил торговли газом, разрешительный режим доступа на рынок газа с соблюдением установленных требований и обязательств.

В сфере совершенствования организации и методов участия государства в управлении газовой отраслью Программа предусматривает:

- обеспечение четкого функционального разграничения полномочий федеральных и региональных органов исполнительной власти по регулированию газовой отрасли, формированию и развитию внутрироссийского рынка природного газа;
- унификацию методов учета и пересмотр состава информации, представляемой хозяйственными организациями в федеральные и региональные органы исполнительной власти с учетом требований развития конкурентного рынка газа;
- разработку новых и совершенствование существующих правил, норм, стандартов, методических положений и инструкций, регламентирующих взаимоотношения организации газовой отрасли в процессе их совместной хозяйственной деятельности, а также их отношения с федеральными и региональными органами исполнительной власти в условиях развития внутрироссийского рынка газа;
- усиление контроля над фактической реализацией инвестиционных программ и крупных инвестиционных проектов с целью их учета при установлении цен и тарифов с обеспечением справедливого распределения инвестиционных рисков

---

¹ См.: Голомолзин А. Энергетическая стратегия России до 2020 г. и проблемы организации конкурентного рынка газа // Нефть, Газ и Право. – 2013. – № 6. – С. 3.

между акционерами организаций газовой отрасли и потребителями газа.

Предприятия нефтегазового комплекса вполне конкурентоспособны. Так, «Газпром» вышел на третье место в мире по капитализации среди крупнейших корпораций мира, сохраняя достаточно низкие тарифы для российских потребителей – результат, который возник не сам по себе, а как следствие целенаправленных действий со стороны государства.

Необходимо создать условия для ускоренного технологического обновления энергетической отрасли. Надо развивать современные перерабатывающие производства и транспортные мощности, осваивать новые перспективные рынки. И при этом необходимо полностью обеспечивать как потребности внутреннего развития, так и запросы мирового рынка. Это тем более актуально, что в последнее время реализации энергетической стратегии РФ пытаются помешать США и их союзники, объявившие в 2014 г. (в связи с украинскими событиями) санкции против крупнейших нефтегазовых концернов России.

Основанный на нефтегазовом комплексе подъем российской экономики, укрепление внешнеполитических позиций России вызвали чрезвычайно острую реакцию в западных странах, которые привыкли ранее относиться к ней, в лучшем случае, как к слабому партнеру, которому можно навязывать собственные условия сотрудничества.

В правящих кругах этих стран нарастает недовольство независимой энергетической политикой Москвы. Как в свое время ядерные ракеты, газ и нефть оцениваются в качестве угрозы интересам Запада. Именно так представил ситуацию на саммите НАТО в Риге в конце 2006 г. глава комитета по международным делам сената США Ричард Лугар, который предложил распространить на сферу энергетики действие пятой статьи Вашингтонского договора, в которой говорится о коллективной обороне.

Концепция Лугара получила «осторожное одобрение» восточноевропейских стран, которые считаются наиболее уязвимыми ввиду их большей энергетической зависимости от РФ. Внутри НАТО инициативу по вовлечению альянса в обеспечение энергетической безопасности возглавляет Польша.

Западноевропейские страны, опасаящиеся потенциального энергетического давления Москвы, предпочитают решать проблему энергобезопасности через канал ЕС – Россия или двусторонние контакты с Москвой.

Более жестко ставит вопрос директор Национальной разведки США Джон Негропonte. Выступая на заседании сенатского комитета по разведке по теме «Современные и будущие угрозы США», он заявил: «Быстрорастущая экономика и ощущение политических успехов внутри страны и за рубежом повысили уверенность России, дали возможность наращивать расходы на оборону и придали Кремлю смелости в преследовании политических целей, не всегда соответствующих целям западных институтов».

Назвав Россию «энергетической сверхдержавой», глава американского разведсообщества заявил, что возникающее из этого статуса соперничество между Россией и Западом мешает сотрудничеству в таких важных сферах, как «противодействие терроризму и распространению оружия массового уничтожения, а также продвижение демократии на Ближнем Востоке». По словам Негропonte, Москва пытается также использовать рычаги, создаваемые высокими ценами на энергоносители, для силового давления на соседние государства, прежде всего, в интересах оказания влияния на их внутреннюю политику¹.

Не станем здесь комментировать эти заявления международно-политического характера. Сошлемся на Президента Российской Федерации В.В. Путина. В своем выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политической безопасности в феврале 2007 г., реагируя на такого рода трактовки энергетической политики России, он заявил: «В энергетической сфере Россия ориентируется на создание единых для всех рыночных принципов и прозрачных условий. Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа». Президент привел в подтверждение своих слов неотразимый аргумент: до 26 % добычи нефти в России приходится на иностранный капитал, отметив: «попробуйте привести мне пример подобного широ-

---

¹ Независимая газета. – 2007. – 15 янв.

кого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров!»¹.

Таковы в общем виде те основные проблемы, экономические и политические, которые объективно возникают и обостряются в ходе освоения нефтегазовых богатств России.

Россия вновь стоит перед выбором. Если раньше это был выбор способа действий в сложных условиях мирового экономического кризиса, то теперь речь идет о выборе пути модернизации экономики, повышения ее конкурентоспособности на внешних рынках. Перспективы роста остаются в целом благоприятными, что определяет возможность постановки новых, более масштабных целей. Вопрос о будущем месте России в глобальной экономике с учетом ее природных ресурсов приобретает новый смысл.

Как решающий фактор долгосрочной стратегии надо понимать, что повышение конкурентоспособности бизнеса предполагает активные действия государственных институтов. Только такая стратегия развития способна решить проблемы модернизации страны, занять достойное место в глобальной экономике. Это имеет непосредственное отношение к энергетической безопасности России и всего мира.

---

¹ Российская газета. – 2007. – 12 фев.

ГЛАВА V. ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Один из парадоксов глобализации: вместо того, чтобы покончить с противоречащими самой ее сути национальными, социальными, конфессиональными и прочими идеологиями партикуляристского порядка, она усиливает их значение в общественно-политической жизни, не замечая их вместе с тем и некой собственной универсалистской идеологией.

Неоспоримо, что Россия давно (еще с советских времен) включена в глобальные перемены, определяющие перспективы мирового развития. Это закономерно. Глобализация стала велением времени. В мире от ее воздействия не осталось ни одной страны, ни одной из сфер человеческой жизнедеятельности, включая и теневые, далекие от ценностей мировой цивилизации. Многие исследователи и публицисты наделяют глобализацию всемогущими способностями, неподвластными обществу, придают ей едва ли не мистическое значение¹.

Воздействие глобализации на мир неотделимо от сопутствующих ей структурных процессов иного рода, порожденных кризисами XX века, включая цивилизационный, сменой технологической парадигмы мировой экономики. Все эти процессы действуют взаимосвязано, их развитие и последствия переплетаются и сливаются, их перспективы остаются неопределенными, равно как и возможности возникновения политических альтернатив в рамках глобализации.

В условиях глобализации многие из порожденных ею проблем становятся неподъемными для национальных государств и существующих международных организаций, попытки которых поставить под контроль мировые процессы не дают искомым результатов².

Глобализация в целом исполнена противоречий. С одной стороны, она вызывает размывание национальных идентичностей, усиление прозрачности цивилизационных границ, формирование многочисленных структур транснационального управления, которым государства делегируют часть своего су-

---

¹ См.: Россия в глобализирующемся мире. Политики экономические очерки. – М., 2004.

² Анализ таких попыток см.: Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». – М., 2011. – С. 432 – 450.

веренитета. С другой, – стимулирует культурную и этническую самоидентификацию, что явственно проявляется на международном и национальном уровнях.

Глобализация прямо или косвенно воздействует на внутригосударственные процессы, тем более в такой огромной стране как Россия и тем более на такой масштабный процесс как распад СССР и мировой социалистической системы. В условиях новой России это приводит к образованию различных корпоративных, региональных, этнических субкультур, в рамках которых перспектива политического развития страны понимается по-разному. Возникает проблема конфронтации между политическими, социальными, этноконфессиональными группами. Решение этой проблемы предполагает выработку определенной результирующей линии политического самоопределения страны, с учетом реально существующего в российском обществе многообразия экономических интересов, социокультурных и прочих ориентаций.

В XX веке революционные события в России дважды взламывали существовавший миропорядок. Крах царской империи в 1917 г. и последовавшие преобразования положили начало принципиально новой форме мироустройства, которая до конца столетия определялась борьбой двух противоположных социальных систем. На пороге XXI столетия развал СССР и мировой социалистической системы вновь радикально изменил социально-политическую картину мира. Каким образом? Какое место занимает в ней наша страна? Какую роль Российская Федерация играет в обновлении миропорядка?

Подчеркнем, что названные международные перемены имели социальную природу. Между тем, в ходе постсоветских трансформаций отечественные обществоведы, «преодолевая» марксизм-ленинизм, словно по команде, разом отреклись и от социального подхода к исследованию международных проблем.

С чего бы это? Что побудило столь внезапное отречение? Не пугливый ли конформизм? И не вызвал ли его воинствующий неолиберализм, который заместил государственную идеологию, унаследовав ее нетерпимость к инакомыслию? Не так уж это важно. Во всяком случае, означенная выше проблема, как правило, рассматривается в обход социального факто-

ра, что, разумеется, не исключает и вполне пристойные мотивации, исходящие из искренних убеждений теоретиков.

Методология исследования ориентируется обычно факторами иного свойства – от религиозных и конспиралогических до цивилизационных и геополитических. Эти ориентации, возможно оправданные в каждой конкретной ситуации, однако, помогают осветить лишь ту или иную сторону проблемы, адекватно не выявляя ее суть. Одна из причин такого поворота теоретической мысли заключается, по-видимому, в покаянии за идейно-политические прегрешения «единственно верного» и потому «всесильного» Учения. Быть может, эта мировоззренческая мутация отражает глубокие изменения миропорядка, вытеснившие из него социальную составляющую? Едва ли.

Разве с позитивными переменами на мировой арене она освободилась от противоречий между транснациональным капиталом и беднейшим населением планеты? Разве бесконечные региональные конфликты, международный терроризм, военные интервенции коренятся лишь в «столкновении цивилизаций», геополитических вожделениях государств или межконфессиональных раздорах?

Разве они не обусловлены и социальными предпосылками? Может быть, в мире воцарилась всеобщая политкорректность? Полноте! Кстати, марксисты давно отказались от узкоклассового подхода к изучению международных отношений, прекратив поиски «классового врага» на мировой арене. А вот идеологи неолиберализма все еще продолжают охоту за призраком коммунизма на вселенских просторах. Но ближе к делу.

5.1. Новая Россия в меняющемся мире

За последнюю четверть века Россия радикально обновилась. В социальном плане – реставрирован какой-никакой капитализм. В политическом отношении – на смену тоталитаризму пришла демократия, пусть и отмеченная существенными изъянами, но вполне сопоставимая с демократией западной, впрочем, также далеко не безупречной. Отношения РФ с другими государствами, в том числе с бывшими противниками,

стали базироваться на принципах партнерства и мирного сотрудничества.

Круто изменился и окружающий Россию мир. Он продолжает меняться. В каком направлении? По каким векторам развития? Становится ли он более спокойным и безопасным? Военно-политическая конфронтация сверхдержав отошла в прошлое. Ракетно-ядерная угроза, безусловно, отодвинулась. Открылись новые возможности для демократизации миропорядка. Но явственно обозначился и иной вектор перемен. Деформация прежнего мироустройства создала атмосферу хаоса на мировой арене. Распалось системное противоречие, определявшее социально-политическую структуру мира¹.

Но оно не просто исчезло, а расщепилось на множество не-системных, но зачастую более острых и трудно разрешимых противоречий (между отдельными странами и регионами, этническими группами, конфессиональными общностями и т. д.). Эти противоречия ранее подавлялись и сдерживались сверхдержавами и стоящими за ними международными военно-политическими, пропагандистскими и иными структурами в соответствующих сферах своего влияния. В обширную зону социально-политической нестабильности превратились отдельные регионы России, ряд бывших советских республик, некоторые страны распавшегося «социалистического содружества».

В ходе этих перемен, несомненно, расширилась мировая система капитализма за счет распада противоположной ей социальной системы. Каким образом и в каких формах вписались новые социообразования в социально-политическое пространство капитализма? Стало ли оно в результате зоной мира и благополучия? Очевидно одно: значительно увеличилась ее лимитрофная периферия. Между тем развал мировой соци-стемы открывал перед капитализмом возможности более высокого порядка. Он получил исторический шанс доказать свою жизнеспособность и взять на себя всю полноту социальной ответственности перед человечеством².

---

¹ См.: Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. – М.: РОССПЭН. 2006.

² См.: *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003; *Ослунд А.* Строительство капитализма. – М.: Логос, 2003.

На такие особенности современного капитализма обращают внимания многие западные теоретики. Известный политолог и экономист Самир Амин отмечает, что на деле глобальная экспансия капитализма всегда означает политическую интервенцию международных монополий. Она не учитывает интересы народных масс, не предполагая полной занятости и справедливого распределения доходов. Политика, по мнению Амина, становится полной бессмыслицей, она «больше не работает и теряет всяческую возможность придавать смысл и связанность альтернативным общественным проектам».

Не являясь марксистом в общепринятом смысле, автор тем не менее проводит марксистскую мысль о том, что капитализм не существует вне классовой борьбы, конфликтов между государствами и политическими устремлениями. Любое другое понимание современного капитализма «изымает из общественного сознания реальность». В условиях «неолиберального капитализма» установления в обществе какого-либо социального равновесия невозможно. В качестве альтернативы ему предлагается модель экономики, регулируемой государством, отнюдь не обязательно советского типа¹.

Каким образом капитал ответил на вызовы времени? Французские исследователи современного капитализма Л. Болтански и Э. Кьяпелло отмечают, что появившиеся на глобальном уровне новые источники и формы извлечения прибыли позволили капитализму проигнорировать предъявляемые ему требования справедливости, в результате чего ослабление механизмов самоограничения капитализма стимулирует и возникновение «потенциально смертоносных кризисов»².

В условиях глобального мира капитализм не уменьшает число реальных и потенциальных рисков и угроз для цивилизации. Более того, к ним добавляются новые, такие как:

- увеличение разрыва между богатыми и бедными странами, перенаселенность Земли;
- региональные конфликты;
- опасность распространения ядерного, биологического, химического и других видов оружия массового уничтожения:

---

¹ См.: Амин Самир. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Европа, 2007. – С. 20.

² Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. – М., 2011. – С. 24.

- возобновление гонки вооружений на основе более развитых технологий;
- экологические катастрофы;
- международный терроризм и организованная преступность.

По мнению американского философа, неомарксиста, основателя школы «мир системного анализа» И. Валлерстайна, капитализм приводит к «моральному коллапсу», к формированию системы ценностей и норм, которые обеспечивают извлечение прибыли, но отнюдь не воспроизводство «общества» в целом, поскольку капиталистическая рыночная система мотивируется социальным эгоизмом и алчностью¹.

В ходе глобализации производственные и финансовые факторы вышли за пределы национальных границ, став поистине всемирными. Но прочие факторы отстали от них. Государства и институты, объединяющие их, уже больше не могут диктовать правила международных обменов просто за счет переговоров между собой. Иначе говоря, экономическая жизнь стала глобальной, а политика в значительной степени осталась локальной.

С распадом мировой соцсистемы значительно усилилось влияние на международную жизнь транснациональных корпорация (далее – ТНК). В начале XXI века в мире действовало 64 тыс. ТНК, контролирующих 830 тыс. иностранных филиалов. Материнские компании расположены главным образом в развитых странах (50,2 тыс.), а большее число филиалов приходится на развивающиеся страны (495 тыс.). Около половины мирового промышленного производства и свыше 2/3 внешней торговли приходится на ТНК. Они контролируют примерно 80 % патентов и лицензий на изобретения, новые технологии и ноу-хау².

Колоссальная экономическая мощь ТНК позволяет им играть все более заметную роль в мировой политике, понижая вместе с тем уровень воздействия на нее национальных государств. Глобализация стимулирует эту тенденцию. Возможно-

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – С. 67.

² Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // ПОЛИС. – 2014. – № 4. – С. 64.

сти национальных элит контролировать отечественные экономики, их влияние на международную политику снижается. Констатируя это, политолог А.П. Кочетков отмечает: «Образуются отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а значит, процессы глобализации усиливают политическую власть элит»¹.

Увеличение ареала действия капитализма сопровождается маргинализацией целых регионов, таящей в себе угрозу цепной реакции социальных взрывов и, в конечном счете, дестабилизацией мирового порядка. Предвестие крупных катаклизмов – возникновение зон неустойчивости (Балканы, Афганистан, Кавказ, Арабский Восток, Украина и т.д.), оказывающих разлагающее влияние на сопредельные регионы и негативно воздействующих на международную ситуацию – экспортом терроризма, религиозного фундаментализма, контрабандного оружия, наркотиков. Конфронтация между СССР и Западом переросла в отношения, именуемые сегодня «партнерскими». На деле же это отношение всадника и лошади, где роль всадника выполняет международная финансовая олигархия.

На мировую политику стали оказывать все более заметное влияние межцивилизационные различия. Не случайно именно в 90-е гг. минувшего столетия столь широкую известность приобрела концепция С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», которая, в сущности, доказывает неизбежность глобальной вестернизации мира. К сожалению, в этом, как и во многих других контекстах, по дурной традиции в научных кругах России до сих пор больше внимания уделяется зарубежным теоретическим новациям, чем поискам отечественной мысли. Между тем, российское обществоведение содержит оригинальные, теоретически весьма плодотворные концепции межцивилизационных отношений в условиях глобализации. На наш взгляд, примером могут служить работы Б.С. Ерасова, которые существенно корректируют картину глобализации, создаваемую адептами прозападного развития мировой цивилизации².

---

¹ Кочетков А.П. Корпоративные элиты. – М., 2012. – С. 65.

² См.: Ерасов Б.С. О статусе культурно-цивилизационных исследований. Россия – Запад – Восток // Цивилизации и культуры. – М., 1994. 280

История взаимодействия Запада с другими цивилизациями предстает в них отнюдь не только как благородный толчок извне, стимулирующий выход «отсталых» обществ на путь динамического развития, – оценки, принятые в западной компаративистике, которая зачастую занимается выборочным сопоставлением различных цивилизационных общностей. Движущим началом экспансии Запада на протяжении последних столетий была вовсе не культура. Это колониальный процесс, который перетек в историю глобализма как постгосударственного проникновения в иные цивилизационные пространства.

Вместо взаимодействия цивилизаций происходило нарастающее воздействие – разрушение не только хозяйственных структур, но и всей системы социокультурной регуляции, которое совершается с помощью военных, финансовых, хозяйственных и рыночных механизмов. Это воздействие на современном этапе усиливается глобальными сетевыми структурами, оказывающимися зачастую более действенными, чем любое оружие устрашения¹.

До конца XX века сопротивление этим тенденциям оказывал мировой социализм, поддерживая общую стабильность международных отношений. СССР самым своим существованием играл для всего мирового сообщества объективно позитивную роль: образуя второй полюс, он балансировал мировую систему государств, делал ее устойчивой. Поддерживая развивающиеся страны, СССР был для них символом справедливости и надежды перед лицом западной экспансии. Для обширных зон мира Советский Союз был гарантом безопасности, опорой в борьбе за независимость в развитии национальной экономики, культуры, образования.

С распадом СССР и Варшавского блока радикально изменилась геополитическая и военно-стратегическая конфигурация мира. Обвальная дестабилизация постсоветского пространства повлекла за собой цепную реакцию глобального размаха. У границ бывшего СССР и далеко за их пределами возникли реальные и потенциальные очаги малых и больших войн. Новая угроза в условиях распространения высоких военных и информационных технологий приобрела апокалиптические черты. Ослабев до критического уровня, преемница СССР

---

¹ См.: Там же.

Россия утратила былую роль сдерживающей силы в обновленном геополитическом пространстве своей ответственности за международную стабильность. Это нарушило равновесие «Восток – Запад», вызвало глобальные геополитические перестановки, стимулировало губительные макротенденции, выходящие из-под контроля. К прежней опасности мировой войны добавились новые угрозы, сопоставимые с этой старой проблемой и даже превосходящие ее по сложности предотвращения.

Глобализм усугубляет существовавшие противоречия и порождает новые, расширяя пространство их действия на всю планету. Возникла угроза «глобальной революции», которая, по мнению теоретиков Римского клуба А. Кинга и Б. Шнайдера, «не имеет идеологической основы. Она формируется под воздействием геостратегических потрясений, социальных, технологических, культурных и этнических факторов, сочетание которых ведет в неизвестность»¹.

Этот вывод, сделанный в конце прошлого века, похоже, подтверждается происшедшими с тех пор войнами и революциями во многих регионах мира, экономическими кризисами и социальными потрясениями, обретающими глобальное значение. Преобразование форм и содержания отмеченных ранее противоречий сопровождается изменением геополитической геометрии последних.

Сохранили глобальное значение принявшие латентный характер противоречия между капиталистическими государствами и социалистическими странами, в которых проживает около пятой части населения планеты. Эти страны заняли особую позицию в отношении стратегии Вашингтона.

Газета «Жэньминь жибао», центральный орган Компартии Китая в статье под заголовком «Теракты в США: поворотный пункт в послевоенном устройстве мира», упомянув предостережение Хантингтона о том, что после победы Запада в холодной войне мир не воспримет безоговорочно западную систему ценностей, писала, что «мир шаг за шагом продвигается к конфликту культур, который стал камнем преткновения в политике США в последние годы по отношению к силам за

---

¹ Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. – М., 1997. – С. 198.

рамками западной цивилизации, используя мощь своей экономики и военное превосходство, американцы грубо *попытались навязать* всему миру свою культуру и свои ценности»¹.

В политическом плане речь, в сущности, идет о том, что человечеству навязывается новый миропорядок, более не опирающийся на равновесие сил и выстраиваемый под единый центр во главе с Соединенными Штатами. Соответственно на периферию мировой политики выводятся те страны, которые по-прежнему отстаивают коллективные решения, не желая группироваться вокруг нового центра силы.

В значительной мере мировоззренческие позиции этих стран связаны с той эпохой, когда мировая социалистическая система, стратегически уравнивавшая противоположную систему, поддерживала стабильность существовавшего миропорядка. Сохранение коммунистического режима в Китае и других странах свидетельствует не только о его жизнеспособности и потенциях ускоренного развития без нарушения оснований социокультурных традиций, но и о возможности воздействия на мировую цивилизацию.

Человечество объективно продвигается ко все более тесному и всестороннему единству даже в таких экстремальных проявлениях, как навязывание ему однополярного миропорядка или стремление к социокультурной монополии. Поэтому процесс этого развития протекает в крайне противоречивых формах, обусловленных, прежде всего, тем, что породивший его капитализм, будучи мировой экономической системой, в социокультурном аспекте остается привязанным к специфичной и локальной западноевропейской и североамериканской цивилизации. По мнению того же С. Хантингтона, он не универсален, а уникален. Как показывает исторический опыт, рыночные отношения совместимы с разными местными условиями и национальными традициями, в которых капитализм, в его западной разновидности, не имеет собственных генетических корней и не играет существенной роли в жизнедеятельности народов.

Современная цивилизация еще не выработала модели собственного развития, пригодной для практической реализации.

---

¹ См.: Общая газета. – 2001. – 11-17 окт.

Несмотря на все благие намерения и гуманитарные усилия, общее воздействие западной цивилизации на мир остается неоднозначным. Обратной стороной глобализации в ее нынешних формах становится разделение на тех, кто пользуется ее благами, и на тех, для кого они недоступны и лишены даже призрачных надежд на достойное человека существование.

Вообще говоря, все эти угрозы породила сама мировая цивилизация своим стихийным развитием, содержащим элементы саморазрушения. В чем тут исторический смысл? Где источники самоубийственных потенций цивилизации? Вспучившийся внезапно до глобальной опасности терроризм и неожиданные, и фактически единовременные повороты событий в мусульманском мире перечеркнули все известные до недавнего времени ответы теоретиков.

По-видимому, объяснение и следует искать в неких, пока еще не вполне осмысленных аналитиками свойствах глобализма. Что в этом плане заслуживает, прежде всего, внимания?

На наш взгляд, означенные ранее негативные тенденции глобализации обусловлены обезличенными рыночными связями. Вместе с ними цивилизация усваивает и внеморальное поведение на мировой арене ее акторов, кем бы они ни были, – правительствами, международными корпорациями, политическими движениями, наркокартелями и т.д., что неизбежно ведет к криминализации экономики и политики, когда не нравственные ценности и законы, а только условия и обстоятельства принимаются во внимание.

В странах капитализма, включая теперь Россию и другие бывшие соцстраны, организованная преступность приобретает внешне все более пристойный облик, все глубже проникает в политические и экономические структуры. С развалом прежнего миропорядка и последовавшим открытием новых рынков, ослаблением контроля над торговлей и международными финансами, организованная преступность интернационализировалась.

Согласно данным ООН, среднегодовой доход преступных транснациональных организаций превышает триллион долларов – сумма, эквивалентная общему НВП стран с низким уровнем доходов с их тремя миллиардами жителей. Эта оценка учитывает как прямую прибыль от наркобизнеса, нелегальной

торговли оружием, контрабанды радиоактивных материалов и т.д., так и доход, получаемый в сферах деятельности, контролируемых мафиями (проституция, игорный бизнес, черный рынок валюты). Причем в этих данных не учтена ни доля инвестиций, постоянно осуществляемых преступными организациями в области контроля над бизнесом легальным, ни их владение средствами производства внутри многочисленных секторов нелегальной экономики.

Организованная преступность инвестирует в легальный бизнес не только с целью отмыwania грязных денег, но и для того, чтобы создать новые капиталы для нелегальной деятельности. Ее деньги используются коммерческими банками в различных финансовых операциях, в том числе кредитование государств, посредством своих манипуляций на рынке, влияет на макроэкономическую политику правительств. Офшорные финансовые предприятия на Багамах, Бермудах, Мартинике и более чем в 50 других местах служат для связей между мафиозными кланами и финансовыми центрами мира. В наиболее неприглядных формах все это демонстрирует постсоветский капитализм, что вполне закономерно, поскольку самое его возникновение тесно связано с преступным расхищением общенародной собственности, всеобъемлющим распространением коррупции, попранием всех писанных и не писанных законов.

Транснациональные криминальные организации все активней используют сложные информационные технологии, финансовые и транспортные глобальные сети. Преступные сообщества, находящиеся на разных континентах, расширяют сферы своей активности. Они подкупают правительственных чиновников в нестабильных странах, берут под контроль банки и другие сферы бизнеса, сотрудничают с мятежными политическими движениями, чтобы контролировать целые регионы в различных странах.

Разложение международного правопорядка, образование новых полиэтнических государств создали благоприятную политическую атмосферу для обострения межэтнических конфликтов, которые плохо поддаются урегулированию, поскольку, как правило, вспыхивают в государствах со слабой властью и стимулирующим влиянием на них зарубежных сил. Внешняя интервенция умножает предпосылки новой мировой войны.

Не осталось в стороне от этих явлений и религия. В бывших социалистических странах прекратились явные гонения на церковь, которая стала обретать достойное положение в жизни общества, оказывать растущее влияние на формирование его морали и нравственности. Вместе с тем, кризис коммунистической идеологии, ориентировавшей сознание и социальное поведение многомиллионных масс, способствовал повышению роли религии в разных странах и, как следствие, – обострению межконфессиональных противоречий, которые переплетаются с межэтническими, чем усугубляют конфликты во многих районах мира.

На Ближнем Востоке, например, фундаментальный исламизм, применяя оружие массового уничтожения людей, пытается создать халифат, охватывающий чуть ли ни весь мусульманский мир.

В июне 2001 г. в Будапеште крупнейшие международные межцерковные организации: Всемирный совет Церквей, Конференция европейских Церквей и Всемирный альянс реформатских Церквей – провели консультацию под названием «Глобализация в Центральной и Восточной Европе: ответ на экологические, экономические и социальные последствия».

В их послании правительствам и общественности говорилось: «Глобализация драматически меняет природу власти. Демократически избранные правительства и их делегаты в международных организациях все более теряют власть, уступая влиянию международных бюрократий, транснациональных корпораций, собственников средств массовой информации и магнатов «глобального» финансового капитала... Мы бросаем вызов структурам власти, требуя, чтобы они стали более прозрачными, ответственными и представительными. Народы мира должны получить контроль над глобальными политическими и экономическими процессами»¹.

Католическая церковь призывает западные государства остановить эксплуатацию большинства населения мира и разрушение Земли в процессе «мондиализации» индустриальными странами, способствовать усилению влияния народов Востока и Юга на мировые механизмы власти. «Глобализация, –

---

¹ Независимая газета. – 2001. – 3 июля.

отмечал Папа Иоанн Павел II, – не должна стать новым типом колониализма»¹.

Процессы глобализации усложняют выработку решений для каждого отдельного правительства и создают потребность в более тесном международном сотрудничестве. Отдельно взятая страна все больше теряет контроль над свободой перемещения через границы информации, капиталов, товаров, услуг, людей, технологий и болезней. Негосударственные структуры, включая частные фирмы, некоммерческие организации и объединения, криминальные сообщества включаются в перераспределение власти в своих интересах. Страны с вялым государственным управлением, слабой экономикой и прозрачными границами, где существуют этнические, социокультурные и религиозные очаги напряженности, создают питательную среду для усиления экстремистских политических течений. В этих странах отдельные группировки могут бросать вызов не только своим правительствам, но и всему международному сообществу.

Наиболее известной и опасной из таких организаций сегодня является преемница Аль-Каида «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Последняя, по характеристике министра иностранных дел Великобритании Филипа Хаммонда, «представляет собой режим пыток и убийств, а ее боевики превращают части Ирака и Сирии в террористическое государство, которое они намерены использовать как плацдарм для нападения на западные страны»².

Возрастающая взаимозависимость в международных отношениях привносит новые элементы в структуры национальной и международной безопасности. Увеличивается число внешних факторов, влияющих на стабильное функционирование общества. Состояние международных отношений все в большей мере оказывает влияние на обеспечение национальной безопасности. Поэтому поддержание стабильности на глобальном уровне, содействие формированию таких международных механизмов, которые обеспечивали бы сбалансиро-

---

¹ La Civiltà Cattolica. Quaderno 3629. – 2001. – 1 set.

² [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-410412

ванное и устойчивое развитие, становится одной из главных забот мирового и региональных сообществ.

Мировая цивилизация оказалась в ситуации, когда новые институты управления, необходимые для ее развития, еще не сложились. Это осложняет межцивилизационные отношения. Очевидно, что глобальный характер задач по преодолению негативных последствий глобализации предполагает совокупные усилия всех заинтересованных субъектов мировой политики. Речь, в сущности, идет о концепции политически многогранного мира, ориентирующей на демократизацию международных отношений.

Становится все более настоятельной потребностью в новом типе межнационального, межцивилизационного общения – открытого и равноправного, свободного от экономического, политического и социокультурного эгоцентризма. Его участники призваны культивировать способность увидеть и оценить свои идеи, традиции, ценности глазами и опытом других цивилизаций, культур и верований. Только таким образом можно стать полноправными субъектами совместного миротворчества, поиска новых жизненных смыслов человеческого бытия, выработки универсалий культуры, в их развитии и взаимодействии.

Противоречия глобального мира не просто накапливаются, но и изменяют свое содержание, все чаще приобретают дилеммный характер: «мир – война», «демократия – тоталитаризм», «бедность – богатство» и т.д. Каким образом мировая цивилизация будет справляться с возникающими дилеммами? Вопрос остается открытым.

Какие последствия для России повлекли все эти перемены? В России сформировался зависимый капитализм. Ее влияние на мировую политику резко сократилось. От дальнейшего ослабления позиций страны на мировой арене спасают два фактора: ракетно-ядерный потенциал и богатые сырьевые ресурсы.

Надолго ли хватит действия данных факторов? Это, прежде всего, зависит от эффективности противодействия попыткам извне стимулировать процессы экономического и социально-политического разложения российского государства. Судя по откровениям Зб. Бжезинского, конечная цель этих по-

пытках – распад России на несколько вассальных государств, после чего, понятно, поставленные выше вопросы утратили бы всякий смысл.

«Россия, – пишет Бжезинский – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить “это была не Россия, а Советский Союз” – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой»¹.

В 90-е гг. XX века названное ранее партнерство во взаимодействии с компрадорским капиталом и олигархическим режимом едва не привело к распаду страны. Окрыленные ельцинским призывом «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», сепаратисты российских автономий всю использовали открывшиеся перед ними возможности, добиваясь создания национальных вооруженных сил, полиции, таможенных служб. Конституции автономий значительно ограничили власть федерального центра. Заключенные с ним договоры расширили их властные полномочия едва ли не до пределов, за которыми возникает государственная независимость. Выдвигались проекты создания Дальневосточной, Сибирской, Уральской и т.п. республик.

Возбуждились сепаратисты и в других регионах. Вертикальные и горизонтальные связи федеративного устройства России распадались, утрачивая всякий порядок. Гражданские войны и разгул терроризма на Северном Кавказе завершают картину разложения российского федерализма. До сих пор в западной прессе появляются политические карты России, поделенной на полтора десятка независимых государств и сопровождаемые рассуждениями о зонах иностранного влияния в развалившейся России. Словом, страну охватил хаос. Казалось, страна катится в тартарары (от древнегреческого «Тартар», представлен-

---

¹ См.: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 1998; Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2006; Стратегическое прозрение. – М., 2012; [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029/>

ный одной из школ античной философии как бездна полного небытия, из которой нет возврата).

Социально-политическая почва для этих перемен была подготовлена либеральными реформами перестроечных и первых постсоветских лет, а не только кознями мировой закулисы, как считают многие конспирологи. Конечно, дело не обошлось без участия иностранных спецслужб. Но непосредственное воздействие на процесс реставрации капитализма оказывали западные правительства и корпорации – в ходе переговоров и соглашений – и многочисленные зарубежные советники, по инициативе и с одобрения которых в кремлевских кабинетах принимались многие судьбоносные для страны решения. Большую роль сыграли и такие международные организации, как МВФ. Всемирный банк, ВТО, Евросоюз, которые обуславливали предоставление России займов, торговые соглашения и т. п. кабальными уступками с ее стороны. В таком, примерно, положении в 2013 – 2014 гг. оказалась Украина, пожелавшая ассоциироваться с ЕС.

Свертывание холодной войны оздоровило идеологическую обстановку на мировой арене, убавило остроту информационных и психологических баталий в международных отношениях. Но освободившиеся идеологические ниши не замедлили заполнить политические течения, враждебные демократии, проповедующие национализм, шовинизм, расизм и т.п. формы идеологии тоталитаристской направленности.

По справедливому замечанию Президента России В.В. Путина, распад СССР означал «геополитическую катастрофу». Это, так или иначе, признают и западные аналитики. Французский политик Ж. Мартине подчеркивал: «Распад СССР явился тяжелым испытанием для французской дипломатии и поставил под удар всю послевоенную систему международных отношений»¹.

Хаос в античной философии представлялся не только в виде преисподней, из которой нет выхода, но и выступал в качестве первоначала, порождающего и упорядочивающего новые миры. Пока еще трудно сказать в каком мире нам предстоит жить в обозримом будущем.

---

¹ Мартине Ж. Франция – Россия: непростой диалог // МЭиМО. – 2006. – № 8. – С. 102 – 103.

Сегодня же отчетливо проявляется тенденция к формированию мироустройства, пронизанного обезличенными, асоциальными рыночными связями. Сетевые структуры этих связей прививают чуждое всякой морали поведение субъектов мировой политики, кем бы они ни были, – правительствами, международными корпорациями, политическими движениями, наркокартелями и т.д., – что неизбежно ведет к разрушению нормативных ценностей цивилизации, к криминализации экономики и политики, когда не нравственные ценности и законы, а только условия и обстоятельства принимаются во внимание.

Реконструкция прежнего миропорядка неотделима от процесса глобализации, который, по М. Кастельсу, формирует «новое сетевое общество». Оно развивается спонтанно, отмечает испанский социолог, в процессе взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей. В зависимости от рассматриваемого типа сети это:

- биржевые рынки и их вспомогательные центры в сети глобальных финансовых потоков;
- национальные правительства и международные органы управления в политической сети Евросоюза;
- телевизионные каналы и пресса, которые создают, передают и получают сигналы в глобальной сети;
- финансовые учреждения по отмыванию денег в сети торговли наркотиками, которая проникает в экономику, общества и государства всего мира¹.

Глобализация образует всемирную сетевую матрицу, которая представляет собой многослойную, мобильную, эластичную структуру, приспособляющую социально-политические перемены к своим ячейкам. Перемены в свою очередь воздействуют на нее, заставляя изменяться в соответствии с требованиями мирового развития. Такая обратная связь упорядочивает и организует происходящие в мире трансформации в устойчивый процесс. Социальная составляющая этого процесса также обретает сетевые формы, возникающие на основе коммуникативных средств – Интернете, логистике и т.п., образуется новое глобально-информационное общество, управление которым, по словам А.П. Кочеткова, «ста-

---

¹ См.: *Castells M. La era de la información: economía, sociedad y cultura.* – Vol. 2. – El poder de la identidad. – Madrid: Alianza Editorial, 2001. – P. 53 – 54.

нет осуществляться на основе постепенно формирующегося нового политического режима – нетократизм»¹.

Таким образом, мировая финансовая олигархия обретает новую, чрезвычайно эффективную форму глобальной власти – нетократию.

Проблему становления нового миропорядка нельзя осмыслить без учета этих обстоятельств. Транслируя свои вызовы через сетевые каналы, глобализация запирает последние для ответов на них со стороны обществ и государств, в которых преобладают социальные отношения, складывавшиеся в традиционных формах человеческого бытия и чуждые сетевому миру. В данном аспекте глобализация ставит под сомнение самую возможность устройства миропорядка, адекватного сетевому обществу, что связано с систематическим разобщением понятий местного и глобального для отдельного человека и социальных групп.

Через сетевые структуры, анонимные и отчужденные от человека, глобализация предъявляет свои вызовы, которые требуют решения таких острых проблем, как остающаяся актуальной необходимость уменьшения угрозы мировой ядерной войны; глубокие противоречия между характером сложившейся цивилизации и природой; тотальная дегуманизация общества и личности; усиливающееся социально-экономическое расслоение населения планеты; возрастающие масштабы манипулирования общественным мнением с помощью всепроникающих средств массовой информации; коммерциализация и унификация культуры, что ведет к обеднению духовного мира людей; международный терроризм; межнациональные и межконфессиональные противоречия; переустройство международных отношений в целом и становление нового миропорядка, основанного на сетевых взаимодействиях.

Постиндустриальная эпоха с ее беспрецедентными технологическими достижениями породила серьезные проблемы, эффективные способы решения которых пока не найдены. Вместе с тем довольно неожиданно актуализировалась некогда популярная в международных либеральных кругах концепция конвергенции двух социальных систем. Конкретные примеры этого показывает практика общественных преобразований в

---

¹ Кочетков А.Л. Нетократизм // ПОЛИС. – 2013. – № 4. – С. 118.

России и других бывших социалистических странах, да и в Китае, Вьетнаме социализм оказался вполне совместимым с рыночной экономикой. Во многих странах продолжают действовать коммунистические партии. Влияние социализма ощутимо в идеологических ориентациях массовых движений, охвативших многие районы мира, в социальных установках революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Мировой экономический кризис стимулировал антикапиталистические протесты в развитых странах Северной Америки и Европы. Что идеологически направляет эти движения? Коммунизм? Анархизм? Антиглобализм? В современном дискурсе трудно найти внятные ответы. Зато вполне определились причины интернационализации социального протеста.

Дело, прежде всего, в объективных законах капитализма, которые обуславливают развитие господствующих в мировой экономике государств продолжением эксплуатации населения и природных ресурсов остального мира. Под воздействием этих законов углубляются социальные противоречия на мировой арене, которые образуют собственную сетевую структуру. Она включает противоречия между бедными и богатыми странами, между финансово-промышленной плутократией и массами угнетенных и обездоленных во всем мире.

Глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию. Убежденный марксист скажет, что сам механизм процесса глобализации порождает социально-классовый антагонизм. И возможно, он будет прав. Глобализация происходит под эгидой международной финансовой олигархии, которая стремится сохранить контроль над мировыми природными и трудовыми ресурсами. В наше время применение силы превратилось в возможный, а с точки зрения лидеров США и стран НАТО, в единственно эффективный метод поддержания мирового порядка и международной стабильности. Поскольку грань между внутренними и межгосударственными конфликтами все более стирается, а гражданские войны (Украина, ближневосточные государства) приобретают международный резонанс через сетевые средства массовой информации. На смену холодной войне пришла не демократическая гармония нового миропорядка, а драматиче-

ская действительность необъявленных войн и «миротворческих» или «гуманитарных» интервенций.

В результате мир, едва отдалив угрозу тотальной и потому почти невероятной третьей мировой войны, превратился в поле реальных сражений – многочисленных локальных войн, территориальных споров и этнических междоусобиц. Все это открывает дорогу репрессивной политике как предпочтительному для мировой финансовой элиты способу решения возникающих проблем. И не только. Наблюдается тенденция к созданию на основе сетевой матрицы централизованной схемы управления миром, к тому, что нацисты называли «новым мировым порядком», а коммунисты связывали с победой «мировой революции».

Бешеные темпы развития микро- нано- и биотехнологий, быть может, уместят подходящий гаджет и в одну молекулу, каковая и станет заведовать всемирно упорядоченным социумом – «человеиником» по А.И.Зиновьеву. Пока же мировая гегемония находит традиционные и до некоторой степени уже испытанные формы реализации.

Тема мирового господства вновь становится предметом дискурса. Кто сегодня может олицетворять повелителя мира? Едва ли каким-то образом реинкарнированные фюрер или «Дядюшка Джо». Не верится, что и «дядя Сэм», который слишком обременен традициями американской демократии. Да и не на них указывает технократический вектор глобализации. Продленный в отдаленное будущее, он очерчивает систему господства внеличностную, аполитичную, деидеологизированную. Речь может идти о сгущении электронных цепей, управляющих сетевой матрицей перемен в некую биологически очеловеченную микросхему, которая и станет заправлять миропорядком. Ушли в область фантастики? Как знать. Сегодня, замечают отечественные теоретики, во втором десятилетия XXI века мы можем с достаточной степенью уверенности сказать: «Мы обитаем в технологиях, технологии обитают в нас»¹.

Имперская идея, если и останется жить в общественном сознании или в какой-либо маргинальной форме идеологии, то

---

¹ Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Чеклецов В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человечества // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 12.

разве что в виде исторического анахронизма. Однако спекуляции на великодержавном шовинизме могут дорого обойтись обществу, стимулируя националистические настроения и обостряя отношения с соседними странами.

В отличие от СССР, Россия не может претендовать на роль сверхдержавы. Но многие ее интересы по-прежнему имеют глобальные измерения. Значение же интересов региональных, прежде всего на постсоветском пространстве, для России не только не падает, а, напротив, возрастает. Уникальное геополитическое положение России создает возможность выполнения ею стабилизирующей роли в установлении культурно-цивилизационного равновесия между Востоком и Западом. Эта роль подкрепляется ее культурной традицией, соединившей три основные мировые конфессии – христианство, ислам и буддизм. История многократно подтверждала, что всякий раз, когда под влиянием внутренних или внешних факторов Россия ослабевала, мир начинал содрогаться, резко обострялись межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты.

Демократизация международных отношений требует учета сопряжения траекторий развития различных цивилизаций, их естественной конвергенции, совместной эволюции, а не насильственного навязывания одной модели развития в ущерб другим.

Главный вызов времени перед Россией – мировоззренческий, который требует верности духовным канонам, испытанным историей. Их утрата особенно опасна в кризисных ситуациях. Разложение исторической памяти – первая предпосылка неспособности государства приложить адекватные усилия для развития страны, укрепления ее международных позиций. Реализация духовного потенциала традиционных ценностных ориентаций народа необходимо для того, чтобы не потерять себя в обстановке хаоса, который непрерывно продуцируется условиями глобализации. Задача не просто идеологическая и политическая – она экзистенциальна. Ее решение означает продолжение истории России как державы, достойной своего великого прошлого.

5.2. УГРОЗА ТОТАЛИТАРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Возможно, постановка заявленной в заголовке проблемы преждевременна. Она еще не вычленилась в качестве отдельного предмета теоретических изысканий и не стала заметным объектом внимания международной публицистики, хотя в последние годы, так или иначе, озвучивается в публикациях различного рода. Контуры ее пока лишь неясно проглядываются среди множества иных, более осязаемых проблем глобализации. И все же, сегодня проблема тоталитаризма вновь обретает актуальность в научной литературе, вновь становится предметом научного и общественного дискурсов.

Как водится, начнем с понятийного аппарата. «Тоталитаризм», «тотальность», «тотальный» и прочие производные того же корня по смыслу и значению во многом, а нередко и полностью совпадают с понятиями «глобализм», «глобальность», «глобальный» и т.д., поскольку и те и другие означают всеобщность действий или состояний. Они близки и по своего рода фетишистской ауре, придаваемой им политологами и публицистами. Многие из них намеренно или неосознанно стали трактовать самое понятие «глобализация» в том же фаталистическом контексте, в каком тоталитаризм выглядит в антиутопиях XX века, – как «мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому, в отличие от различных явлений внутренней политики, не существует¹.

Заметим, что в романах Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и других авторитетов «антиутопической литературы» тоталитаризм предстает не только фатально непреодолимым, но и глобальным феноменом.

Этот мир охарактеризован и довольно детально изложен не только в антиутопиях, но и в капитальных научных исследованиях, где он, как правило, предстает в национально-государственном контексте.

К. Фридрих и Зб. Бжезинский выделяют следующие характерные черты тоталитаризма:

---

¹ The National Interest. – N.Y.: Spring, 1999. – P. 9.

- государственная идеология, охватывающая все стороны жизни данного общества и сфокусированная «на некоем совершенном конечном состоянии общества»;
- единственная массовая партия, правящая государством и возглавляемая одним вождем;
- система террористического полицейского контроля над обществом, служащая интересам партии;
- всеобъемлющий контроль над средствами массовой коммуникации и «эффективными средствами вооруженной борьбы»;
- централизованное руководство национальной экономикой»¹.

В XX веке были предприняты попытки реализации нескольких – идеологически разнознаковых – проектов тоталитаризма. Общими для них являются не только перечисленные выше черты, ограничивающие их характеристику рамками государственного режима, но и столь существенный признак, как идейно-политическая ориентация на международную гегемонию. Высшей целью КПСС была всемирная победа коммунизма. Для нацистской партии такой целью являлась установка миропорядка, устроенного по образцу гитлеровского рейха. Китайские маоисты выдвигали задачу реализации своих идей на всей планете. Северокорейский режим добивается всесветного торжества идеологии чучхе.

Именно на основе изучения такого рода политических систем были определены в середине XX века перечисленные ранее характеристики тоталитаризма. В эпоху глобализации одни из них утратили свое значение, другие устарели. За исключением, пожалуй, Северной Кореи, где до сих пор режим вполне им соответствует. Что сохранилось? Насилие? Конечно. Но это не ключевое понятие для нового тоталитаризма. Таким понятием является контроль, который, строго говоря, сам по себе является формой насилия.

Почему? Потому что он ограничивает свободу слова и мысли человека, сковывая ее жесткими рамками навязываемых сверху обществу установлений. Глобальный контроль – это глобальное насилие. И для его осуществления совсем не обяза-

---

¹ См.: *Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy.* – Cambridge (MA), 1956. – P. 9 – 10.

тельными становятся ни боготворимый фюрер, ни всемогущая партия, ни национально-государственная идеология. Сохраняя свои родовые черты, он вырастает под воздействием иных акторов и на более обширном идейно-политическом поле.

Тоталитаризм и сегодня позиционирует себя как созидательную силу, призванную благодетельствовать человечество. С Октябрьской революцией, пишет известный политолог М.В. Ильин, началась «новая эпоха тотальности»: «Феномен тоталитаризма стал крайней степенью практического следования искушению полных и окончательных решений. Однако было бы ошибкой сводить данный феномен только к ограниченным примерам тотального, идеологически мотивированного использования силы. Политические режимы тотального репрессирования сродни режимам тотального контроля или тотальной же политкорректности – извинительным, а то и благим в глазах общественного мнения, как правило, претендующего на тотальную безошибочность. А раз так, то не может ли самая высокая справедливость, самое страстное желание осчастливить обездоленных, защитить пострадавших, утвердить права меньшинств, покарать их угнетателей и врагов – всюду, всех и навсегда – обернуться еще большей несправедливостью при тотальном или даже тоталитарном подходе?»¹.

На наш взгляд, Ильин не только схватил суть проблемы, но и своим вопросом ввел ее в то проблемное пространство, где тоталитаризм обретает свойства не просто исторического, как бы экзотического, а вполне нормального, наряду с другими, предмета исследования. Тоталитаризм – не состояние, а процесс, как уже давно доказано авторитетными аналитиками. Этот процесс не завершился крахом коммунизма в Советском Союзе. Глобализация вновь вынесла его на мировую арену. Он обнаруживается здесь в самых разнообразных формах.

Это и совокупная деятельность международных финансовых организаций, имеющая нелегальный характер и потому нередко служащая объектом конспирологических исследований. Это тоталитаристские организации террористов (Аль-Каида, ИГИЛ и подобные им организации). Тоталитаристскими же называют и религиозные объединения фундаменталист-

---

¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 213.

ского толка (типичный пример – братья-мусульмане). Кстати, и эти формы тоталитаризма также несут в себе гегемонистские интенции, увязываемые их идеологами с революционным обновлением мира.

Тоталитарные системы обладают достаточно широкими возможностями адаптации к социально-политическим переменам. Отмечая это, Н.В. Работяжев и Э.Г. Соловьев пишут: «Вся история тоталитарных систем в значительной мере является историей попыток приспособления к условиям меняющегося мира. В рамках этих адаптивных усилий тоталитарные системы проделали довольно значительную эволюцию от классической тоталитарной модели к элементам институционального плюрализма»¹.

Тоталитаризм генетически космополитичен. Он является таковым, даже если базируется на крайнем шовинизме, каковым был, к примеру, германский нацизм. Процесс глобализации создает беспредельные возможности для реализации этого свойства в международной политике. На мировой арене возникает глобальное сообщество, объединенное общими политическими и экономическими интересами, которое формируется, по Зб. Бжезинскому, «отчасти как следствие спонтанной глобализации, а отчасти в результате осознанных усилий, предпринимаемых по большей части Соединенными Штатами и Европейским союзом в их попытках свить широкую сеть действенного и институционализированного международного сотрудничества»².

Это исторически новый феномен, чрезвычайно сложный, с постоянно меняющейся функциональной структурой. Сам этот процесс с трудом поддается идентификации, общеприемлемой для участников дискурса.

Примем наиболее общую, на наш взгляд, его трактовку – как составную часть становления всемирного (глобального) общества в результате синергетического взаимодействия многообразных сетевых структур. Homo Sapiens оказался в роли беспомощного насекомого в многослойной паутине, сотканной

---

¹ Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и метаморфозы. – М., 2005. – С. 11.

² Brzezinski Zb. The Choice. Global Domination or Global Leadership? – N.Y., 2004. – P. 218.

новым тоталитаризмом. В данном контексте важно отметить заинтересованности в глобализации, прежде всего, лидеров мировой экономики.

Глобализация происходит в значительной степени в форме возрастающего давления Запада на остальной мир с целью достижения тотального контроля над мировыми ресурсами. Хотя при этом идеалы демократии, гуманности, прав человека усиленно декларируются, на практике оборачиваются примитивным идеологическим манипулированием, характерным для тоталитарных режимов. Культ бездуховного потребительства ведет к стандартизации условий общественного развития. Все это ведет к тотальному торжеству насилия и его крайнему проявлению – терроризму. Французский социолог Жан Бодрийар пишет в этом контексте: «Всепроникающий террор, система, которая во имя безопасности принимается терроризировать саму себя, – вот что нас ждет, и в этом смысле можно сказать, что победу одержал терроризм. Если в материальном плане виртуальную войну выиграл новый мировой порядок, в символическом плане победа осталась за терроризмом, погрузившим планету в состояние всеобщего беспорядка»¹.

Взаимосвязь глобализации с новым наступлением тоталитаризма несомненна. Она явилась одной из основных причин подъема антиглобалистского движения, принявшего интернациональный характер. В целом же это движение направлено не против глобализации как процесса объективного, а против ее реакционных составляющих, в том числе тоталитаристских интенций, чреватых интернационализацией терроризма. А «всякий терроризм, – как справедливо заметил С.А. Эфиров, – это потенциальная или реализовавшаяся тоталитарная диктатура»².

Развитие мировой цивилизации отмечено глубокими противоречиями. Извечная проблема в том, чтобы снять их остроту, предотвратить их перерастание в губительные для народов раздоры и конфликты. Что в этом смысле несет современный этап мирового прогресса, который, как известно, никогда не

---

¹ Бодрийар Жан. Под маской войны // Отечественные записки. – 2003. – № 6. – С. 117 – 118.

² Эфиров С.А. Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. – М., 2003. – С. 77.

ограничивается одними лишь благодеяниями для человечества? Интернет, например, – необъятный арсенал полезных сведений, но вместе с тем – и безбрежная свалка информационных отбросов, в том числе и тех, которые используют террористы, наркокартели и прочий криминалитет. Да и весь прогресс в целом, продвигая мировое сообщество к сотрудничеству во имя благих целей, осуществляется не только в демократических, но и в тоталитаристских формах. Его последствия для международных отношений далеко неоднозначны.

После развала Советского Союза мир стал политически однополюсным. Осталась одна сверхдержава – Соединенные Штаты Америки, которые пытаются утвердить демократию тоталитарной силой. Международные проблемы наполняются опасными социально-политическими смыслами и все труднее поддаются подлинно демократическим решениям.

На месте двухполюсной системы международных отношений возникла пирамида, основанная на могуществе одного центра силы и единственной сверхдержавы в лице США. К чему это ведет? Американский аналитик Каллео полагает, что «стилизованый по-американски глобализм означает однополярный Pax Americana, а не диверсифицированный мир, где властью нужно делиться. Разрыв между фиксированным однополярным воображением и растущими плюралистическими тенденциями в реальном мире представляет собой постоянно углубляющуюся опасность. Эта опасность проявляется в политической линии, которая противопоставляет Америку одновременно России, Китаю и даже Европе»¹.

Сошлемся в этой связи на фундаментальное исследование «Идеология американской “империи”» А.Н. Яковлева, ведущего идеолога горбачевской перестройки в СССР. Отмечая, что все внешнеполитические доктрины «американского империализма» тесно связаны между собой стратегическим курсом монополий на мировое господство», он подчеркивал (1967 г.): «При этом доктрина «национальных интересов» готова благословить любую теорию и любые действия. А в основе ее – примитивная философия эгоцентрического, крайнего индивидуализма, принявшего затейливо извращенную форму «мессии»

---

¹ Calleo D. The United States and the Greated Powers // World Policy Journal. – 2009. – № 12.

XX века, исторического предопределения американского владычества над всем миром¹.

Разумеется, это высказывание несет на себе печать своего времени, отражает, видимо, убеждения автора. Но независимо от этого, не прав ли он был по существу?

Победив в холодной войне, Вашингтон не отказался от своей мессианской роли. Его политика «либерального тоталитаризма» глобализирует атмосферу насилия и страха в международных отношениях. Под эгидой США проводятся нескончаемые военные интервенции и тайные операции спецслужб в разных странах, происходит расширение НАТО, что дает импульсы возрождения блоковой конфронтации.

Данная тенденция означает формирование военно-политической гегемонии одной державы. Констатируя это, сербский философ З. Видоевич пишет: «Либеральный тоталитаризм сегодня стремится к введению одного – планетаризации цивилизации западного типа в его американском варианте, “изображая” толерантность, разнообразие и пестроту. Они допускаются только как определенный вид “туземной” фольклорной политической орнаментики по заранее утвержденной модели, которая считается настолько превосходящей то, что дала история, что может и должна силой навязываться всем, кто ее не принимает»².

Похоже, мир свыкается с тем, что в обозримом будущем гегемония США в той или иной форме сохранится. К такому прогнозу склоняются даже аналитики, не испытывающие особых симпатий к США. Китайский специалист по проблемам международной безопасности Децюань Чжай, формулируя «взгляд из Китая» на миропорядок в текущем столетии, пишет, что «мировой порядок в XXI веке, особенно в ближайшие два-три десятилетия, будет все более приобретать черты многополярности с сохранением за США статуса единственной сверхдержавы»³.

Возникает вопрос: не угрожает ли человечеству новый проект мирового господства, на этот раз под названием «Рах

---

¹ Яковлев А.Н. Идеология американской «империи». – М., 1967. – С. 329.

² Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 47.

³ Децюань Чж. Мировой порядок в XXI веке: взгляд из Китая // МЭиМО. – 2013. – № 6. – С. 109.

Americana»? Актуальна ли в социальном смысле эта проблема? Вполне. По словам американского политолога Р. Райт, обновленный мир может явить «жуткий вариант» миропорядка: «Порядок этот складывается отчасти благодаря многонациональным корпорациям и кругосветным финансистам, которые заправляют МакМиром. Они присягнули не какой-нибудь стране, а исключительно барышу и внедрили свои ценности в такие наднациональные организации, как Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, щупальца которых грозят медленно опутать, а затем раздавить всякую национальную независимость»¹.

Перед нами действительно «новый, новый жуткий мир», – если несколько подправить название известного романа Хаксли.

Сменилась ли глобальная конфронтация двух систем демократизацией международных отношений? Отнюдь. Западная демократия оказалась бессильной перед лицом новых реальностей. Она начинает перетекать в, казалось бы, несвойственные ей насильственные по сути способы решения международных проблем. Перспективы этого процесса омрачаются непредставимыми еще недавно опасностями, среди которых, как выясняется, и либеральный тоталитаризм. Эта опасность не фатальна.

Во-первых, она противоречит объективным потребностям мирового развития в формировании такого миропорядка, который основан на признании многообразия форм общественного бытования народов и усвоенных историей императивов социальной справедливости, выстраданных человечеством.

Во-вторых, тоталитаристские устремления США сковываются противодействием крупных ядерных держав – Россией, Китаем, Индией, международными демократическими движениями.

И все же, объективности ради надо признать, что *Rax Americana* обретается не только в виртуальном пространстве идеологических баталий, но и в реальном мире. Это, конечно, не Соединенные Штаты Мира со столицей в Вашингтоне. Это – мир, формируемый сетями матрицы, которая образует основу существующего миропорядка. Что конкретно составляет структуру этого мира по-американски? Назовем базовые ее части.

---

¹ *Wright R. Nonzero. The Logic of Human Destiny. – 2000. – № 4. – P. 210.*

Мировая экономика: Все крупные международные финансовые и торговые организации контролируются американским капиталом; доллар уже давно стал фактически единственной мировой валютой; биржевики всего мира напрягаются всякий раз перед тем, как Федеральная резервная система объявляет кредитную учетную ставку. Доля США в мировом ВВП составляет свыше 20 % (в России – 2 %).

Глобальная политика: внешнеполитический курс любого государства, так или иначе, реализуется с оглядкой на Вашингтон. США пытаются навязывать всем народам, от Южной Америки до Восточной Европы и Южной Азии, свои концепции миропорядка, демократии, прав человека. Не остаются в стороне и союзники США по НАТО, которые под давлением Вашингтона поддерживают экономическую блокаду Кубы и Ирана, участвуют в военных операциях в различных районах мира.

Международная безопасность едва ли не в решающей степени зависит от геополитических преимуществ и военной мощи США. Вашингтон имеет военные базы и иные опорные пункты во всех стратегически важных регионах мира, контролируют сети судоходных маршрутов в Мировом океане, где господствует американский военный флот. Военный бюджет США превышает совокупные военные расходы стран ЕС и примерно в десять раз оборонный бюджет России. Вашингтон значительно опережает все развитые страны в гонке технотронных и космических вооружений.

Информационный контроль: весь мир опутан паутиной электронной слежки за отдельными гражданами, правительственными, общественными и международными организациями, которая осуществляется американскими спецслужбами под эгидой Агентства национальной безопасности США. В 2013 г. мировую общественность ошеломили разоблачения бывшего агента АНБ Эд. Сноудена, который предал огласке сведения о десятках миллиардов фактов электронной слежки за жителями нашей планеты – от президентов и бизнесменов до простых обывателей.

Этот перечень можно было бы дополнить сферами идеологического, пропагандистского, культурного влияния США на международные процессы. Но, думается, и перечисленных до-

статочно для того, чтобы представить себе реальные очертания *Raх Americana*.

Относительно новый элемент этих структур составляют курируемые США «цепные революции». Антисоветский переворот в 1991 г. в СССР явился первым звеном в цепи государственных переворотов, которая затем протянулась на Ближний Восток, Северную Африку, ряд бывших советских республик. Последнее по времени, но не по значимости звено в этой цепи – государственный переворот в феврале 2014 г. на Украине. Он произошел при явном и непосредственном участии высокопоставленных американских дипломатов и при скрытом содействии спецслужб США. Американский политолог Джин Шарп излагает около 200 способов свержения власти вроде тех, которые использовались оппозиционерами на киевском майдане¹.

К ним можно добавить еще один, испробованный зам. Секретаря Госдепа США Викторией Нуланд. Дабы подбодрить протестантов Майдана, она угощала их печеньем, подобно тому, как в XIX веке миссионеры раздавали папуасам облатки для причащения.

Попытки США и их традиционных союзников заполнить образовавшийся геополитический вакуум своим военным, экономическим, политическим, идеологическим присутствием лишь дестабилизировали ситуацию. Конечно, в их стремлении к глобальному лидерству имеется, помимо явного гегемонистского подтекста, и мотив, обусловленный прагматизмом, ориентирующим на то, чтобы предотвратить в своих сферах влияния развитие неуправляемых процессов. Однако террористические акты в Соединенных Штатах и в странах Западной Европы придали этому мотиву специфический смысл: борьба с международным терроризмом, превращаясь в один из организующих принципов внешней политики, стала подчас приобретать идеологические функции, подобные тем, которые выполнял антикоммунизм периода холодной войны. Правящая элита США решила, что сталкивается с угрозой для самого американского образа жизни, который для ее идеологов есть не что иное, как прообраз грядущей глобальной цивилизации.

---

¹ См.: *Шарп Дж.* Политика ненасильственных действий. – М., 2012.

Так же, как и в ряде других подобных случаях, здесь победила отнюдь не демократия, а анархия, выступающая под лозунгами нацистского толка. Очередная цепная революция обострила геополитическую ситуацию в Европе, превратив Украину в конфликтогенный регион и осложнив отношения России, с одной стороны, и США, НАТО и ЕС, с другой.

Возникает вопрос: способна ли вообще одна держава, пусть и сверхвлиятельная, взять на себя и, главное, реализовать ответственность за устранение раздирающих мир социальных и прочих противоречий, за установление на планете цивилизованного миропорядка? Упомянутые исторические прецеденты дают отрицательный ответ. Способность выиграть холодную войну отнюдь не равнозначна возможности выиграть мир, демократически его реструктурировать.

С негативными тенденциями в мировой политике, обусловленными американским гегемонизмом, связано умаление авторитета и влияния универсальных политических форумов при одновременном усилении роли более узких элитарных сообществ. Снизилось влияние ООН и ОБСЕ, которые оттесняются Вашингтоном от реального решения актуальных международных проблем.

Это, разумеется, еще не аргумент для постановки проблемы. Таковым, однако, несомненно, с известными оговорками, может служить исторический прецедент. В XX веке были предприняты попытки реализации двух идеологически разнородных проектов реорганизации миропорядка: нацистский и коммунистический. Первый из них намечал введение нового мирового порядка под главенством «Третьего рейха». Второй предполагал всемирную победу социализма.

Оба проекта, как известно, провалились. Очередной, сулящий всемирное торжество принципов американской демократии, начал осуществляться после распада СССР и мировой соцсистемы. Рассчитывая на равноправное сотрудничество в целях демократической перестройки миропорядка, постсоветская Россия пошла на значительные военно-политические и иные уступки бывшему противнику. Видимо, напрасно. Американская администрация восприняла проявление доброй воли России с корыстным прагматизмом победителя – как свидетельство слабости новоявленного партнера, признавшего по-

ражение в холодной войне. Реализация проекта Pax Americana не предполагает участия каких-либо равноправных партнеров.

Даже при относительно высокой степени упорядоченности распавшегося биполярного миропорядка, он все же держался не на взаимном доверии, а на вынужденном страхе взаимодействия государств противоположных социальных систем. Это выражалось в согласованных решениях проблем балансирования на грани войны. Альтернативные варианты, предполагавшие, что у сверхдержав могут быть более значимые, более гуманные цели, чем поддержание межблокового баланса, гасились логикой социального противоборства.

Они отвергались американскими лидерами как иллюзорные и несбыточные. В самом деле, как можно доверять «империи зла»? Но почему же не доверять постсоветской России? А потому, рассуждают в Вашингтоне, что империя ушла, а «зло» осталось. Антикоммунизм быстро переплавился в русофобию, имеющую на Западе прочные исторические традиции.

Уникальность любого человеческого сообщества неотделима от общего фундамента материальных и духовных ценностей. Все это не укладывается в политическую, социальную, либо цивилизационную парадигму однополюсного мира. Однополярность предполагает, что в мире существует один центр силы, претендующий на мировое лидерство, а сама система международных отношений приобретает иерархический характер. Реализация столь примитивного мироустройства ограничила бы не только политическую суверенность наций, но и утвердила бы существующие формы социальной несправедливости, подавляла бы культурную, духовную самобытность народов, втесняла их жизнь в жесткие, фактически тоталитарные формы. Это начинают осознать даже такие идеологи как Зб. Бжезинский. В одной из последних своих книг он писал, что, если США не пересмотрит свою концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то страну ждет такой же системный кризис, какой погубил в свое время Советский Союз¹.

Демократический миропорядок невозможен без признания многообразия демократий. Каждая из них, построенная на

---

¹ Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М., 2013. – С. 46.

фундаменте местных культурных и духовных ценностей, тем не менее имеет единую парадигму – совокупность общепризнанных демократических атрибутов и принципов. Все это не укладывается в концепцию однополюсного мира. Однополярность предполагает, что в мире существует один центр силы, фактически реализующий мировое лидерство, а сама система международных отношений приобретает иерархический характер. Столь примитивное мироустройство ограничивало бы не только политическую суверенность народов, но подавляло бы их культурную, духовную самобытность, втесняло их жизнь в жесткие, фактически тоталитаристские формы.

Подлинная демократизация требует сопряжения траекторий развития различных цивилизаций, их естественной конвергенции, совместной эволюции, а не насильственного навязывания одной модели развития в ущерб другим.

Всемирная паутина сетевых структур не выдерживает испытания демократией. Более того, ее развитие как процесс, подчиняющийся лишь стихии рынка и в известной мере произволу международной финансовой олигархии, – объективно создает серьезные и труднопреодолимые угрозы демократии, порождает новые формы тоталитаризма.

Кто сегодня – или завтра – может олицетворять тоталитаризм? Едва ли некий харизматический лидер или кровавый диктатор. Их время ушло. Да и не на них указывает технологический вектор глобализации. Как было отмечено, грядущий тоталитаризм представляется безликим, внеидеологичным и аполитичным, неподконтрольным тем, кто тщился бы претендовать на роль владык мира.

Под действием означенных процессов оформляется виртуальная система, призванная навести тотальный порядок в мире. Не «Старший брат», как у Оруэлла, а Большой компьютер своим всевидящим оком станет контролировать ваши поступки, а с развитием технологий – и ваши мысли и даже генный код, над чем уже работают специалисты в области нейрофизиологии и генной инженерии. Но, быть может, еще рано беспокоиться на этот счет?

5.3. ИСПЫТАНИЕ ТЕРРОРИЗМОМ

Терроризм. Зловещее явление начала нового тысячелетия. Предвестие Армагеддона. Новое издание угрозы мировой войны. Примерно такое представление о терроризме формируется в общественном сознании не только средствами массовой информации, но и складывается из текста заявлений ряда лидеров мировых держав, в том числе на коллективных встречах (НАТО, «Восьмерка» и т.п.) последнего времени. В какой мере это представление отвечает реальности?

Терроризм – не новое явление в мировой истории. Если не забираться вглубь веков и не вдаваться в тонкости его определения, то надо признать, что оно прочно вошло в политический обиход еще в начале XX столетия. Уже тогда терроризм стал влиять на развитие событий международного масштаба. Один пример. Убийство террористом Гаврилой Принципом эрцгерцога Фердинанда послужило сигналом начала Первой мировой войны. Сопоставимо ли это событие с терактом в США 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ним волной массового террора, захлестнувшей многие страны Африки, Азии, Европы? По конкретным причинам, характеру исполнения и прочим, зависимым от временной специфики признакам, конечно, нет. По влиянию на мировую политику, видимо, сопоставимо. Разумеется, с весьма серьезными оговорками, на которых, однако, не станем сосредотачиваться.

Философ В.В. Денисов пишет, что бичом современного человечества стал возродившийся в невиданных ранее масштабах и новых формах политический терроризм. Его отличие от терроризма столетней давности, практиковавшегося в основном российскими революционерами, заключается, прежде всего, в возрастании его международного характера, в глобальном охвате всех без исключения регионов планеты. Его объектами становятся уже не только и не столько отдельные индивиды, сколько значительные массы людей, крупные общественные здания и правительственные учреждения. Получил распространение и такой неизвестный для «классического» терроризма метод, как захват заложников с политическими целями¹.

---

¹ См.: Денисов В.В. Размышления о насилии в современном мире // Россия и современный мир. – 2002. – № 1. – С. 149.

В специальной и научной литературе существует более сотни определений, что такое терроризм: законодатели спорят о его правовой квалификации. Разработаны десятки классификаций этого явления. Различают террор «сверху» и «снизу», политический, революционный, военный, сепаратистский, комплексный, криминальный и т.д. Но есть и то существенное, что объединяет все виды современного терроризма. Философ В.Н. Иванов пишет: «Незаконное насилие в той или иной форме, используемое с политической целью – это главный отличительный признак терроризма»¹.

В начале XX века преобладал левый терроризм (хотя существовал и правый, например, ку-клукс-клан). Прибегали к мягким формам терроризма суфражистки в Англии. Добиваясь расширения гражданских прав для женщин, они забрасывали тухлыми яйцами и прогнившими овощами политических деятелей, враждебных феминизму. Олицетворением государственного терроризма был фашизм, установивший господство в Италии, Германии, некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

После Второй мировой войны левый терроризм вновь стал ведущим как в развитых странах («Фракция Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, группа «Прямое действие» во Франции), так и в так называемом «третьем мире», особенно в странах Латинской Америки («Монтанерос», «Тупамарос», «Сендеро луминосо»), с характерными для последних методами городской герильи.

Но постепенно левый терроризм уступил место существовавшему еще параллельно с ним этническому и религиозному терроризму, представленному ирландскими боевиками (ИРА), баскскими сепаратистами (ЭТА), многочисленными организациями в мусульманском мире (в Алжире, Ливане, Палестине, Ираке, Афганистане). Набирает силу экономический (криминальный) терроризм, регулярное использование насилия в хозяйственной сфере. Коррупция стала знаком времени. Экономический терроризм нередко прямо смыкается с преступным миром (наркомафия, работоторговля).

---

¹ В.Н. Иванов. Феномен терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2013. – № 3. – С. 4.

Академик В.А. Тишков пишет, что сегодня терроризм зачастую не укладывается в понятия государства или этнической общности: «Речь идет о “неформальных сетях” – диаспорные, радикально-фундаменталистские или нарко-криминальные коалиции, которые сегодня играют огромную роль. Причем они не обязательно привязаны к одной какой-то этнической группе... Сейчас появляются транснациональные и “псевдоцивилизационные” общности – исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам»¹.

Терроризм вырос до масштабов вселенской опасности на волнах глобализации, которые охватили наряду с прочими и теневые стороны международной жизни. Аналитики Института философии РАН выделяют следующие линии интернационализации терроризма:

- международный терроризм являет собой обратную сторону глобальной политики Вашингтона и его союзников. Глобализация по-американски – это и навязывание всему миру своего образа жизни мировоззрения, поэтому терроризм может рассматриваться как ответ на эту политику;
- терроризм – это одна из глобальных проблем человечества, глобальная угроза его жизни;
- терроризм – это специфический бизнес, весьма выгодный в мире, где все продается и покупается;
- острие международного терроризма обращено в сторону Российской Федерации².

В советской науке проблема терроризма не отделялась от конфронтации двух противоположных социальных систем и расценивалась как социальное порождение империализма. После развала СССР она стала внутренней проблемой России, где крайне обострились социальные, этнические, конфессиональные противоречия, необычайно возросло влияние криминалитета. «Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, – отмечали в сере-

---

¹ Тишков В.А. Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М., 2002. – С. 25.

² См.: Социальные болезни современности // Вестник Российского философского общества. – 2004. – № 3. – С. 66.

дине «лихих» 90-х аналитики отечественных спецслужб. Однако в настоящее время он нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, являясь по сути своей социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта»¹.

В последующие годы терроризм стал довольно широко распространенным явлением на Северном Кавказе и крупных городских центрах других регионов России, где для него питательную среду создают экстремистские организации радикал-националистов, неонацистов, скинхедов, религиозных сектантов, действующих, как правило, нелегально.

По данным МВД России, на территории страны действует более 210 неформальных молодежных объединений, в том числе экстремистской направленности, общей численностью около 16 тыс. чел. Самой многочисленной из них является группировка «скинхеды» (около 1,5 тыс. чел.). По подсчетам аналитического центра «Сова», за период с 2006 по 2012 гг. от расистского и неонацистски мотивированного насилия погибли 407 и ранены 2771 чел. География нападений охватывает 40 регионов страны, а лидерами по количеству пострадавших остаются город Москва с Московской областью и город Санкт-Петербург².

Комментируя эти данные, директор АНО «Центра изучения вызовов и угроз безопасности РФ» А.Н. Сухаренко пишет: «Основными причинами совершения экстремистских преступлений являются отсутствие у отдельных категорий населения общественно значимых идеалов и принципов, толерантного отношения к представителям других национальностей и религий, искаженное восприятие ими понятия “патриотизм”, распространение в молодежной среде нацистских идей и ценностей, правовой нигилизм, неудовлетворенное состояние профилактической работы»³.

На каком месте в ряду глобальных проблем стоит терроризм? Многочисленные декларации управителей современного мира утверждают: на одном из первых. К примеру, в из-

---

¹ Белая книга российских спецслужб. – М., 1996. – С. 124.

² См.: Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2013. – № 3. – С. 37, 38.

³ Там же. – С. 37.

вестной Декларации глав государств и правительств РФ и стран – членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество» отмечалось, что среди первоочередных шагов «стороны договорились вести борьбу против терроризма: укреплять сотрудничество на основе многопланового подхода, включая совместные оценки угрозы терроризма»¹.

Как видно из этого и многих других подобных документов, лидеры мировой политики считают терроризм врагом номер один. Американцы уничтожили главного террориста Бен Ладена. И что же? Проблема упростилась?

Не беремся судить: по арифметическому или, что тоже, иерархическому критерию, возможно, это и так. Попытаемся все же обсудить вопрос в ином ключе, а именно в общем контексте названных и неназванных, но сопряженных проблем, образующих, на наш взгляд, общее тематическое поле, вне которого ни одна из них – и терроризм тоже – не может быть адекватно осмыслена и решена.

Расширив сферы действия означенных вопросов до общепланетных масштабов, глобализация сделала их во многом неподъемными для существующих национальных и международных структур управления. Более того, поставлена под сомнение сама возможность их решения. Вновь не только перед мировой политикой, но и перед всем родом людским вплотную встала фатальная дилемма «быть или не быть?», впервые явленная в прошлом веке ракетно-ядерной угрозой. Она наполнилась новыми социально-политическими и цивилизационными смыслами, а перспективы ее решения омрачились непредставимыми еще недавно опасностями.

Это воочию показали террористические акты в России, США и других странах мира, небывалые по количеству жертв, характеру исполнения и последствиям для международной безопасности. Общество вдруг осознало свою незащищенность перед лицом международного терроризма. Оказалось, что он заключает в себе потенциал разрушения не меньший, чем тот, который содержат арсеналы оружия массового уничтожения. Оказалось, что ультрасовременные средства обороны не способны отразить вторжение террористов в любую страну мира.

---

¹ Известия. – 2002. – 29 мая.

По мнению Зб. Бжезинского, после этих геополитических сдвигов судьбы мировой цивилизации стали зависеть исключительно от единственной оставшейся сверхдержавы – США; другие страны – лишь временные государственно-территориальные образования, располагающие различными ресурсами. Регион, охватывающий часть России, Казахстан и Ближний Восток, «раздираемый ненавистью, которую легко разжечь», является огромным полем битвы между национальными государствами, зоной, где «царит затянувшееся этническое и религиозное насилие». Ближайшая задача США в этом регионе – «укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм», а в долгосрочном плане «под руководством Америки... создать трансевразийскую систему безопасности и привести к возникновению мирового центра»¹.

С такого рода позиций, характерных для западной политологии, распад СССР предстает как фатально обусловленная гибель последней империи, как событие, открывающее новые возможности для геополитических решений проблем международной безопасности. Интернационализация терроризма показала легковесность геополитических прогнозов Бжезинского и его единомышленников. Акты международного терроризма и вызванные ими контрмеры – факты глобального масштаба, по-своему характеризующие глобализацию современных цивилизационных процессов.

Устрашающее предзнаменование крупных катаклизмов – возникновение «зон неустойчивости», оказывающих разлагающее влияние на сопредельные регионы и негативно воздействующих на международную ситуацию экспортом терроризма, религиозного фундаментализма, контрабандного оружия, наркотиков и т.д.

Терроризм тем более опасен в условиях глобализации, что способы и пути распространения оружия массового поражения исключительно разнообразны. Это усложняет контроль над ними и расширяет возможность его неожиданного применения. Появление технологий, позволяющих небольшим группам лиц обладать вооружением невероятной разрушительной силы, до недавнего времени находившимся исключительно в распоряжении национальных армий, совпало с десятилетиями

---

¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С. 69, 235.

глобализации, приведшей к разрушению барьеров, ограничивавших трансграничные контакты. К концу прошлого века именно эти тенденции определяли состояние глобальной взаимозависимости. Известны попытки проникнуть в ядерные центры и арсеналы химического оружия.

Для прикрытия своей деятельности террористы развили изощренную практику всякого рода махинаций с целью получения доступа к новейшим средствам информатики. Быстрое развитие и распространение биотехнологий открывает им возможность вести биологическую войну или проводить отдельные биотеррористические акты. Растущее значение компьютерных сетей и связанной с ними инфраструктурой в развитых странах делает их весьма привлекательными. Анонимные организации имеют новые возможности для атак диверсантов. Их акции все труднее предугадать. Никто с уверенностью не может сказать, насколько быстро и эффективно террористы сумеют создать инструменты и технологии для ведения кибервойны, какую роль подобная война будет играть в боевых действиях.

Реальная цель терроризма состоит в том, чтобы деморализовать общество, против которого направляется удар. Он вселяет ужас непредсказуемостью своих действий, методов, средств нападения; неизвестно, когда ждать удара, на какой объект он обрушится, ведь всякий раз объект выбирается произвольно, террористическая акция может настичь любого человека в любом месте. Угроза терроризма заставляет правительства вводить тотальный контроль в сферах массовых коммуникаций, ограничивать гражданские свободы в качестве предупредительных мер антитеррора. То и дело объявляется состояние террористической опасности, приостанавливается деятельность посольств в других странах, как это сделали США летом 2013 г. чуть ли не во всех арабских государствах.

Эффективность террора усиливается благодаря средствам массовой информации; люди во всем мире смотрели по телевидению на рассыпающиеся небоскребы в Нью-Йорке, ужасы Беслана, лондонских, московских терактов, убеждались, что от террористов нет спасения. В результате – поистине вселенский страх и всеохватывающая паника, именно то, чего добивается интернациональный терроризм.

Разложение международного правопорядка, основанного на нерушимости государственных границ, образование новых полиэтнических государств создали благоприятную политическую атмосферу для обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, которые плохо поддаются урегулированию, поскольку, как правило, вспыхивают в государствах со слабой властью и стимулирующим влиянием внешних сил. Глобальные измерения приобрели угрозы на Ближнем Востоке и в Средней Азии, на Балканах, Кавказе, а в последнее время – и на Украине, где, как показывают военно-политические события, внешняя интервенция провоцирует активизацию террористов.

Особо следует выделить конфессиональный аспект угрозы терроризма. В бывших социалистических странах прекратились явные гонения на церковь, которая стала обретать достойное положение в жизни общества, оказывать растущее влияние на формирование его морали и нравственности. Вместе с тем кризис коммунистической идеологии, ориентировавшей сознание и социальное поведение многомиллионных масс, способствовал повышению роли религии в разных странах и как следствие обострению межконфессиональных противоречий, которые переплетаются с межэтническими, чем усугубляют конфликты во многих районах мира. В результате наряду со старыми конфликтами на религиозной почве (в Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Ольстере) возникли новые очаги межконфессиональной напряженности (на Кавказе, Украине, в Средней Азии, на Балканах) и в других регионах.

Эти явления и пытаются исключить из объяснения причин возникновения на поверхности мировой политики терроризма иные государственные деятели и различного рода идеологи, уверяющие, что современный террор не имеет якобы национальности и конфессиональной принадлежности и не связан с историческим прошлым. И имеет, и связан. В какой, однако, мере? Каким конкретно образом? В чьих интересах? Вот реальные вопросы, на которые не стоит закрывать глаза, особенно политикам, находящимся у власти.

Следует подчеркнуть весьма важное обстоятельство: антитеррористические меры, принимаемые правительствами США, Россией и других стран, ведут к существенному ограни-

чению гражданских прав и свобод, к чему вынуждают требования обеспечения общественной безопасности. Возможны ли в данной ситуации иные средства борьбы? Едва ли. Во всяком случае, практика антитеррора не знает таковых. Она всегда базировалась на ужесточении полицейского режима и военных операциях. А это прямой путь к тоталитаризации государства, с чем, похоже, общество, напуганное злодеяниями террористов, готово смириться.

Несколько примеров, показательных не только в этом смысле. В США, всегда культивировавших свободу доступа к информации, пришлось пойти на меры, которые ранее вряд ли были бы возможны. В стране вводятся жесткие меры контроля над передвижениями граждан, ограничения в области распространения определенной информации, которая, по мнению власти, может быть использована в террористических целях. Создается небывалая по размерам финансирования и широте полномочий служба внутренней безопасности. Подобные меры, обычные для тоталитарных государств, теперь принимают и многие другие страны, включая Россию, где, помимо прочего, принят закон о борьбе с экстремизмом, накладывающий известные ограничения на свободу деятельности общественно-политических организаций и движений.

Как отмечает А.Н. Сухаренко, общедоступность, возможность анонимного размещения и ознакомления с информацией экстремистского содержания в Интернете расширяют аудиторию лиц, испытывающих на себе ее негативное влияние. Особенно активно осуществляется экстремистская деятельность в популярных в молодежной среде так называемых «социальных сетях». В виртуальной среде приоритетными являются наглядные формы распространения информации – видеозаписи и графические изображения. В 2012 г. федеральный список экстремистских материалов насчитывал 1589 позиций¹.

Власти вынуждены ограничивать подобного рода экстремизм. Особенно в тех странах, где развиты информационные технологии, которые являются определяющим и одновременно самым слабым звеном инфраструктуры развитых государств. Естественно поэтому внедрение в эту сферу крими-

---

¹ См.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>

нальных групп, что породило кибертерроризм. Достаточно представительный список ставших известными кибератак показывает, что их средства и методы уже освоены и международными экстремистскими организациями.

В Интернете есть сведения об атаках на информационные системы ядерных центров, с угрозами вывести из строя систему управления реакторами. В связи с этим аналитики А.В. Бедрицкий и А.В. Федоров пишут о трех формах терроризма: терроризм как средство принудительной дипломатии, терроризм как война и терроризм как предвестник «нового мира», до последнего времени главенствующую роль играла форма принудительной дипломатии (отсюда манифестируемость). Теперь, похоже, происходит трансформация взглядов на террористическую борьбу в сторону восприятия ее как средства прямого достижения цели. Причем данная цель может быть известной только организаторам террористического акта, что определяет и его анонимность. Более того, переход от изолированных акций к проведению целенаправленных террористических кампаний, зачастую не ограниченных действиями одной группировки и носящих комплексный характер, многократно снижает возможность эффективно противостоять этой новой форме терроризма – супертерроризму¹.

Еще одно испытание навязывает терроризм мировой политике: выбор между правом и военной силой. Поскольку международное право, на наш взгляд, далеко не адаптировано к борьбе с терроризмом, выбор делается в пользу силы, что, вообще говоря, не ново в истории международных отношений. Определенной группе государств придется вести войну с международным терроризмом.

Вот как представляют ее политологи К. Крейзер, С. Карачавов, Г. Эллисон: «Достижение успеха в этой схватке, безусловно, потребует беспрецедентного, всеобъемлющего и глубокого взаимодействия разведывательных, полицейских, таможенных, финансовых и иных структур и организаций различных стран». Конечно, «коалиции современных государств» будет вести битву за сердца и умы, лишая террористов «возможности свободно “плавать” в знакомых религиозных и социальных средах», с полной отдачей сил, «превосходящей вооб-

---

¹ См.: Независимое военное обозрение. – 2001. – № 38.

ражение большинства современных политических руководителей». Словом, речь идет о «целенаправленной информационной стратегии», по своему напору не уступающей недавней кампании «свободного мира» в борьбе с коммунизмом. Эти усилия вряд ли будут короче или дешевле, чем сорокалетняя холодная война, которая обошлась Западу в десять триллионов долларов¹.

Приведенные ранее оценки и суждения вызывают сомнения. Выходит, Запад снова в тотальной войне с неугодными ему частями мира? Выходит, он вправе насильно навязывать ему свои ценности? Озадачивает и реминисценция насчет борьбы с коммунизмом. Новая глобальная конфронтация? С кем? Против кого? Терроризм как глобальная опасность пока что не выявлен до такой степени, чтобы мобилизовывать армии, межконтинентальные ракеты. И почему, собственно, триллионы долларов запускать на «войну», а не поделиться хотя бы малой их толикой с голодной и униженной частью человечества? Ведь угроза идет отсюда.

В свое время СССР и эту угрозу ограничивал определенными рамками, о чем здесь нет места распространяться. Только несколько слов. Вместе с «реальным социализмом» ушли в прошлое национально-освободительное движение, молодежное, женское, движение сторонников мира и прочие организации, поддерживаемые СССР и его союзниками. Они выполняли регулирующую роль в отношениях между богатыми и бедными странами, их общественно-политическими силами подобно тому, как система военно-политических блоков обеспечивала относительную стабильность в мировой политике. Эта ниша заполняется теперь как раз теми, против кого объявлена мобилизация «цивилизованного мира». Террористы – только крайне экстремистский фланг, а рядом с ними – не вполне еще идеологически определимое движение антиглобалистов и политические группы его поддержки.

Современный мир оказался в ситуации, когда новые институты управления, соответствующие новым глобальным задачам, пока не сформировались. Это приводит к тому, что отдельные государства или группы стран узурпируют руководящую роль в мировой политике, пытаются выступать в качестве

---

¹ См.: Известия. – 2001. – 22 нояб.

международного полицейского. А.М. Салмин таким образом оценивает возможности борьбы с терроризмом: «В действительности в обозримой послесталинской перспективе маячит не коалиция и не альянс, а многоуровневая пирамида “мировой жандармерии”. Фактически таковая существовала уже давно, но сейчас, вероятно, она изменится. Станет более операциональной (по замыслу, но с поправкой на обычаи и нравы бюрократии, особенно международной и вовлеченной в проекты международного сотрудничества)»¹.

Общество с трудом расстается со своим прошлым, исполненным насилия, вражды, несправедливости. Даже демократические общества и государства, их правящие элиты зачастую продолжают взирать на мир сквозь призму отживших оценок и представлений. Основанная на устаревших подходах политика не только не уменьшает угрозу международного терроризма, но, напротив, обостряет ее до предельной черты, за которой террор становится системным фактором глобальной политики.

Выдержит ли мировое сообщество испытание терроризмом? Не опускаются ли сейчас народы в новую, гибельную для мира конфронтацию, которой пока нет адекватного названия? Пока на нашей планете не сложится миропорядок, созданный сотрудничеством всех существующих цивилизаций, культур, государств и отражающий баланс основных национальных и региональных интересов, человечество будет оставаться беззащитным перед наступлением терроризма. Попытки утвердить такой порядок только силовыми методами лишь стимулируют ответную реакцию террористов. В этой ситуации стоило бы, видимо, обратить внимание на выпестованные вековыми усилиями человечества моральные ценности. Но когда, спрашивается, большая политика считалась с моралью?

---

¹ Салмин А.М. На Манхэттене завершилась эпоха «Манхэттенского проекта»? (11 сентября в контексте дискуссий о столкновении цивилизаций) // Полития. – 2002. – № 1. – С. 31.

5.4. ИМПЕРАТИВЫ СОГЛАСИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАКУРС

Не становится ли сегодня весь мир конфликтогенным пространством? Способна ли толерантность исправить такой мир? Не утопичен ли теоретический, мировоззренческий подход к проблеме, предполагающий возможность всеобщего согласия, а терпимость как норму человеческого бытия? Вопросы эти упираются в дискурс о морали и политике.

В свое время К. Маркс хвалил Н. Макиавелли за то, что тот в своих трудах отделял мораль от политики. «Зрелый» марксизм-ленинизм, творчески развивая Учение, идеологически воссоединил названные элементы в доктрине морально-политического единства советского народа. Надо признать, в течение десятилетий доктрина довольно эффективно реализовывалась на практике. Чтобы там не утверждали нынешние антикоммунисты, советский строй в целом обеспечивал определенный покой и относительно стабильное согласие в обществе, этнически и конфессионально чрезвычайно разнообразном. И не только. Ему удалось наладить отношения мирного сосуществования с государствами противоположной социальной системы. Почему же морально-политическое единство распалось, а названная доктрина оказалась исторически несостоятельной?

Напрашивается одно, как представляется, неоспоримое объяснение. Корень зла в насилии. Морально-политическое единство держалось на силе – сперва на репрессиях, затем на идеологическом принуждении. Гарантия мирного сосуществования базировалась на равновесии ракетно-ядерных потенциалов, на апокалиптическом страхе перед опасностью уничтожения жизни на планете.

В российской истории были периоды, когда страна определяла ведущие тенденции мирового развития. Россия не позволила осуществить глобалистский наполеоновский проект. Она совершила всемирного значения революционный переворот в октябре 1917 г. Советский Союз сокрушил гитлеровских претендентов на глобальное господство. Затем СССР вынудил международное сообщество принять – как мировую систему – небывалую в истории форму социально-политического устройства общества. На закате второго тысячелетия он

вновь круто изменил судьбы мира – на этот раз неожиданным для всех собственным развалом.

Именно Россия в решающей степени повлияла на формирование социально-политического контекста минувшего столетия. Можно сказать без особых оговорок: навязала этот контекст, чего не удалось сделать нацистской Германии, выступившей с собственным проектом преобразования мира. Оставляя в стороне мессианистские трактовки эпохальных событий XX века, нельзя не признать, опираясь исключительно на исторические факты, что революционный взрыв, потрясший мир в начале XX века, был вызван социальными процессами в России.

Победа антигитлеровской коалиции и антифашистская борьба народов оккупированных стран создали условия для глубокого исторического сдвига. На мировую политическую арену решительно вышли демократические силы с отчетливой либо скрытой социальной тенденцией и стали претендовать на роль самостоятельного фактора в национальной жизни многих стран. Демократия стала наполняться более богатым, чем в прошлом, содержанием. Неоспорим тот исторический факт, что разгром фашизма и вызванный этим подъем рабочего и демократического движений обеспечили предпосылки продвижения процессов демократизации к тому уровню, который достигнут западными странами к концу XX века.

Еще одним исторического значения итогом победы над фашизмом явилось широкое развитие национально-освободительного движения, которое привело к развалу колониальных империй и возникновению десятков новых независимых государств. В результате этих сдвигов на мировой арене возникла принципиально новая историческая ситуация, развитие которой определялось противоборством двух социальных систем.

Ось двухполюсного миропорядка распалась на хаотично пересекающиеся векторы противоречий глобального мира. На мировой арене также возник кризис идентификации новых явлений и процессов¹.

Необходимость ее решения актуализируют и попытки США развернуть широкий экспорт демократии в обществе

---

¹ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М., 1995.

переходного типа, который воплощается в многочисленных актах явного и латентного давления на социально-экономические и политические процессы в посткоммунистических странах и государствах ближневосточного региона. Оно оказывается не только на граничащие с Россией постсоветские режимы, но и непосредственно на Россию, что, помимо прочего, резко поляризует российские элиты и дополнительно дестабилизирует политическую ситуацию в стране. Такую же роль играют последствия экономической и, прежде всего, финансовой глобализации, существенно усиливающие зависимость России от Запада и ограничивающие свободу ее политического самоопределения.

Сменился общественный строй. В России возник вроде бы либеральный общественно-политический режим. Как он ответил на очерченные ранее вопросы, отнюдь не утратившие свою остроту?

Вот весьма конкретный ответ: принятая Правительством в августе в 2001 г. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)». В ней отмечается историческая преемственность: «продолжаются и развиваются складывавшиеся веками гуманистические традиции российского общества».

Целью программы является формирование и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения, определяющих устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп в различных ситуациях социальной напряженности как основы гражданского согласия в демократическом государстве.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) разработка и реализация комплекса эффективных мер по формированию у граждан толерантного поведения по противодействию экстремизму и снижению социально-психологической напряженности в обществе;

- 2) разработка и внедрение методов и механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования социально-политической ситуации в стране, оценки рисков и последствий деструктивных процессов в обществе;

3) разработка и реализация системы мер, стимулирующих толерантное поведение, противодействия экстремизму во всех его проявлениях, в том числе:

- разработка системы учебных программ для всех ступеней и форм образования;
- разработка эффективных социокультурных технологий распространения норм толерантного поведения и противодействия различным видам экстремизма, этнофобии и ксенофобии;
- разработка методической и нормативной базы в области профилактики экстремизма;
- реализация комплекса мер по налаживанию и повышению эффективности межэтнического и межконфессионального диалога¹.

С некоторыми оговорками и редукцией частных смыслов Программы в сторону ключевого – возлюби ближнего своего – все это можно поставить в ряд с евангельскими заповедями, на коих многие века зиждется христианская мораль, и в строку с моральным кодексом строителя коммунизма, который (худобедно) выражал нравственное состояние советского человека. Замечательно. Прекрасные слова. Благородные задачи.

Но вот беда: они оказались неисполнимы, как и всякие прекраснотушные пожелания, не учитывающие социальные реалии и не подкрепленные политической волей власти. Ситуация ухудшается. Этно-, вера-, социотерпимость? Стало ли у нас на этих полях общественного согласия благополучней, чем во времена морально-политического единства народа? Яснее ясного – нет.

Социальный и морально-политический разломы – очевидный итог капиталистической трансформации. В обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном, где основные социальные слои придерживаются различных мировоззренческих установок и этических ориентаций, такой итог закономерен. Верховная власть, похоже, осознает это. В своей послании Федеральному Собранию в конце 2012 г. пре-

---

¹ См.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dob.1september.ru/2003/23/10.htm>

зидент В. В. Путин отметил, что страна переживает духовный кризис и нуждается в «моральных скрепах».

Ответственность за преодоление кризиса, ложится на государство, призванного предложить обществу стратегию духовного, нравственного единения российских граждан в новых условиях, которая опиралась бы на вековые традиции, включая, разумеется, неотделимое от них советское наследие, а также на все позитивное, что создано в ходе постсоветских реформ. Реализация такой стратегии предполагает рациональную политику, учитывающую национальный менталитет, в соответствии с которым улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой и предприимчивостью, сколько с помощью и поддержкой со стороны власти и социальной ответственностью бизнеса.

Речь здесь, в сущности, идет о социальном согласии. Для страны, где все более обостряется конфликт между имущими и неимущими, бедными и богатыми эта проблема первостепенная. Суть ее в том, что между властью и абсолютно аморальным нувориш-бизнесом проявляется конфликт между обслуживанием общественных интересов и обеспечением социально неоправданной прибыли. Каким образом социальное согласие (партнерство) разрешает этот конфликт? Как оно влияет на социально-экономические отношения в стране? Какие последствия ожидают общество в результате передачи частному сектору отраслей экономики, традиционно относящихся к сферам государственного управления? Это зависит от зрелости гражданского общества, развитости общественных институтов контроля над деятельностью госаппарата, от самой практики социального партнерства¹.

Решение связанных с этим задач упирается также в проблемы макроэкономической оптимизации – «от абстрактно-теоретических до бытовых, не обходя при этом проблем антагонизма/согласия в межклассовых отношениях, экономической эффективности, модернизации производства, стабильности, общественной нравственности и уровня управляемого класса»².

---

¹ См. кн.: Модернизация и политика в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011.

² *Осинов Г.А.* Третья функция бизнеса // Полития. – 2012. – № 3. – С. 68.

А каково качество отношений с внешним миром? Скажем мягко, оставляет желать лучшего.

Для того чтобы прояснить очерченный ранее контекст, следует ввести в него явленные на рубеже XXI века самим развитием событий в России и на мировой арене проблемы, связанные с социально-политическими противоречиями, их содержанием, ролью в общественном развитии, способами их решения. Эти события отрезвили международную общественность, охваченную эйфорией, которая была вызвана свертыванием холодной войны, поражением в ней «реального социализма». Как отмечалось ранее, возникли новые, не менее острые международные проблемы. Их решение виделось в переходе от военной, идеологической и прочих конфронтаций к политической толерантности. И что же?

Человеческое общество развивается через преодоление противоречий. Их невозможно устранить, не прекратив общественный прогресс. Задача в том, чтобы предотвратить их перерастание в губительные для народов конфликты. Советский Союз решал эту задачу дифференцировано:

- в отношениях с «братскими» странами в рамках концепции социалистического интернационализма;
- с капиталистическими государствами – путем реализации доктрины мирного сосуществования.

Таким образом, социализм в меру своих возможностей, говоря языком исторического материализма, преодолевал антагонизмы в мировой политике.

В условиях глобализации происходящие перемены фактически одномоментно отразились на внутривнутриполитической ситуации во многих странах и регионах, превратив их в конфликтогенные зоны. Вне этих перемен не остались и благополучные в данном контексте западные страны, где финансово-экономический кризис последних лет вызвал обострение социальных отношений. На центральные улицы многих столиц западных стран вышли массы людей с призывами типа «захватим Уолл-Стрит» и антиглобалистскими лозунгами. И не только. Обострились здесь и этно-конфессиональные коллизии. Попытки хоть как-то смягчить их путем проведения толерантной политики странным образом привели к обрат-

ному результату. Политкорректность обернулась массовыми протестами, а местами погромами и актами терроризма.

Относительно новые узлы противоречий возникают по экологическим причинам: между различными странами и регионами то и дело обостряются отношения в связи с загрязнением атмосферы и водоемов, захоронением радиоактивных отходов и т.д.

Еще более новыми являются противоречия на основе развития всемирных информационных сетей. Ценность и применение виртуальных товаров стремительно возрастают; борьба государств, межнациональных корпораций за первенство в их производстве, за рынки сбыта принимает глобальные масштабы.

Переход от двухполюсной к многополюсной конфигурации мироустройства, ставит международное сообщество перед необходимостью выработки новой системы урегулирования политических и иных конфликтов. Попытки США и их союзников монополизировать эту миссию с позиций силы ведут лишь к углублению противоречий, что убедительно демонстрирует вереница военно-политических и иных региональных конфликтов последнего времени. Мировое сообщество в канун XXI века выдвинуло свою альтернативу этим попыткам: Программу культуры мира, мотивированную именно принципом политической толерантности. Она выражала общие интересы народов и базировалась на широком позитивном понимании мира, на сочетании ценностных установок, морально-этических норм и учете разных культурно-исторических традиций, типов поведения и образов жизни.

Эти позиции утверждают уважение к жизни и правам человека, отказ от насилия и приверженность демократии, свободы, справедливости, плюрализма, терпимости, сотрудничества как между народами, так и между этническими, религиозными и иными группами, между отдельными людьми. Таким образом, Программа охватывала весь диапазон норм гуманитарного права и принципов цивилизованного общения людей.

Поставленные тогда задачи и сегодня чрезвычайно актуальны. Но Программа фактически забыта. Прошлый век знает подобные прецеденты соединения благих пожеланий морали

и политики. Международные Конгрессы перед Первой мировой войной, Лига Наций перед Второй, ООН перед «холодной войной» принимали немало аналогичных по духу прокламаций. Их постигла та же судьба.

Уместно вспомнить в данном контексте и грандиозные по масштабам выступления сторонников мира, антивоенные движения, преданные ныне забвению. Напомним. «Все мы пристрастны в своих чувствах, – говорилось в Пагоушском манифесте всемирно известных ученых. – Однако как люди мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться таким образом, чтобы дать возможное удовлетворение всем: коммунистам и антикоммунистам, азиатам, европейцам и американцам, белым и черным».

Здесь речь идет о нормах поведения всего человеческого общества в целом. «В данном случае, – заявлял манифест, – мы выступаем не как представители того или иного народа, континента и вероучения, а как биологические существа, как представители рода человеческого, дальнейшее существование которого находится под сомнением». Манифест заканчивался словами: «Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы – человеческие существа, и забудьте все остальное»¹.

Гуманистический пафос Манифеста выражается мыслью о том, что от каждого зависит судьба мира, ход истории. И словно предисловие к этому манифесту звучат из глубины прошлого слова Л.Н. Толстого: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая по времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение»².

Л.Н. Толстой заклинал: «Отдайте добро за зло». И его проповедь находила широкий международный отклик. Мир от этого, понятно, не стал добрее и умнее. Но все же был как-то подготовлен к тем роковым сюрпризам, какие преподнес

---

¹ Подробнее об этом см.: От нетерпимости к согласию. – М.: Весь мир, 1999. – С. 28.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928-1958. – Т. 11. – С. 6.

XX век. Если прежде под нравственностью понимали совокупность норм поведения отдельного человека в обществе, то теперь все настойчивей стали раздаваться голоса, призывающие к нравственному поведению не только целые страны и народы, а человечество в целом. Л.Н. Толстой не мог предвидеть атомное и термоядерное оружие, не представлял, до какой степени окажутся опасными не подчиненные сознанию, стихийные, «роевые», как он называл, человеческие поступки. Но на протяжении всей своей долгой и напряженной творческой жизни он мучительно искал способы влияния на коллективное поведение людей. Вне высокой морали и нравственности будущее для него не мыслилось. Следуют ли заветам былого властителя дум его потомки? Во всяком случае, те, кто подписал Пагоушский манифест – Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел, другие видные ученые – были с ним заодно. Они обращались ко всем людям без исключения – от простых рабочих до глав правительств.

Уместно в этом контексте сослаться и на суждение академика А.Д. Сахарова, высказанное им в то же время: «Можно сказать, что наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции»¹.

Научное сообщество, уступая иным общностям подобного рода – политическим, финансовым, военно-промышленным и т.д., – по материальной мощи и социальному статусу, несомненно, превосходит их по потенциалу интеллектуального воздействия на общественное сознание. К тому же современная наука несет огромную ответственность как за порождение этих проблем (кто изобрел атомную бомбу?), так и за их решение. Каких проблем, прежде всего?

- Ракетно-ядерная угроза, которая нависает над миром.
- Глубокие противоречия между научно-техническим прогрессом и природой.
- Тотальная дегуманизация общества и личности.

---

¹ Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – М., 1998. – С. 3.

- Углубление социально-экономического расслоения населения планеты.

- Возрастающие масштабы манипулирования общественным мнением с помощью всепроникающих средств массовой информации.

- Коммерциализация и унификация культуры, что ведет к обеднению духовного мира людей.

Современная наука несет огромную ответственность как за порождение этих проблем, так и за их решение. Сами ученые отдают себе в этом отчет. Научное сообщество достаточно высоко оценивает свои силы, возможности влияния на жизнь человечества. Вот показательное высказывание лауреата Нобелевской премии академика Ж.И. Алферова. Объясняя своим студентам почему, по его мнению, научный сотрудник – «это больше, чем президент США или России», он утверждает: «Потому что президент решает проблемы одной страны, а научный работник – Вселенной, он рядом с Богом, устанавливает закономерности природы в космическом масштабе»¹.

Открывая перед ученым широкие возможности воздействия на окружающий мир, научное знание одновременно налагает на него особые обязательства перед обществом, не позволяя ему замыкаться в тиши кабинетов и лабораторий. Научная интеллигенция формировалась в России в тесной связи с общественной жизнью. Данный процесс принял общенациональный характер в середине XIX века, когда начало складываться устойчивое научное сообщество не только в столицах, но и в крупных провинциальных центрах. Этот период, писал академик В.И. Вернадский, «выдвинул в государственной жизни народный, национальный элемент и вызвал необходимость для правильного функционирования научной работы, ее теснейшей связи со всей жизнью, с народом и обществом, в котором идет эта работа»².

Жертвенное служение знанию тесно связывалось у российских ученых с жертвенным служением народу. Это выражалось не только в исключительных случаях. Это стало общественным явлением, представленным деятельностью народной интеллигенции (с ее комплексами «вины» и «долга»

---

¹ Цит. по: НГ-Наука. – 1999. – № 2. – Фев.

² Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 243.

перед народом), которая составляла основной социальный слой, питавший науку на базе синтеза поиска истины и стремления к социальной справедливости.

Изменилась ли эта ситуация после Октябрьской революции? Конечно. Но скорее по форме, чем по существу. Сошлемся на авторитетное в данном смысле мнение религиозного философа Н.О. Лосского: «У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания»¹.

В отличие от основных участников политического процесса партий, общественных движений, профсоюзов и т.д. – научное сообщество, представляющие его организации лишены возможности отстаивать свои интересы, политические и нравственные убеждения с позиции силы, применять жесткие формы воздействия на власть, идеологических и прочих противников. Влияние ученых способно лишь корректировать общие условия и направления политического процесса – путем создания интеллектуального контекста политики, участия в формировании менталитета социальных движений, электората, посредством рационализации политических решений власти и оппозиции.

Вызванное кризисами 90х гг. прошлого века моральное разложение общества весьма ощутимо сказалось и на нравственных устоях российской науки. Внезапный переход от относительного материального благополучия к полунищенскому существованию заставил многих ученых озаботиться проблемами социального выживания. Одни отправились в эмиграцию в богатые страны, другие занялись мелкой коммерцией, третьи пошли в услужение олигархам либо бюрократическим структурам.

Вновь обозначилось противоречие между интеллигенцией и народом. В ходе поспешного перехода от социализма к тому общественному укладу, который мы сейчас имеем, произошло социальное перерождение общества – интеллигенция

---

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа. – Франкфурт-на-Майне, 1957. – С. 22.

деклассировалась, народ обнищал, в результате чего это противоречие реанимировалось. Сейчас от научных работников требуются поистине подвижнические усилия для того, чтобы следовать морально-этическим традициям российской науки, в целях ее дальнейшего развития, во имя интересов народа.

Образы науки в разных этносоциумах различны, отмечены национальными, культурными и прочими особенностями. И все же это, прежде всего, универсальный феномен, более интернациональный, чем какой-либо иной продукт человеческой цивилизации. И данное его качество закрепляют и развивают именно этические нормы науки, выходя из корпоративных границ в область общечеловеческой морали, где, скажем, профессиональная этика исследований атомной энергии или клонирования человека вступает во взаимодействие с христианскими принципами «Не убий», «Не посягай на миссию Господа».

В условиях, когда человечество оказалось перед реальной угрозой гибели всего живого на Земле. И не только в результате ядерной катастрофы, но и от других, созданных человеком технологических нападений, в том числе еще непознанных. Когда вместе с тем оно испытывает невиданное по масштабам давление обусловленных социальными причинами проблем: голода, нищеты, безработицы, болезней, невежества сотен миллионов людей, доведенных до отчаяния безысходностью условий своего существования, – исполнение учеными морального долга перед человеком стало одним из императивов выживания рода людского.

Их научное творчество и общественная деятельность содействовали синтезу магистральных течений научной мысли с политическими процессами, который является одной из необходимых предпосылок становления всепланетной нравственности, основанной на ненасилии и согласии. Академик Н.Н. Моисеев в статье «Экология, нравственность и политика» писал: «Для того, чтобы первый принцип современной нравственности мир без войн и насилия – сделался нормой нашей жизни, надо научиться соединять естествознание и обществоведение, науку и политику»¹.

---

¹ Моисеев Н.Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С. 13.

В современной кризисной ситуации (возможно переломной для мирового развития) протекают значимые для понимания проблемы соотношения политики и морали процессы, порождающие зачастую неожиданные перемены. Традиционные ментальные стереотипы входят в противоречие с изменившейся действительностью, которая утрачивает социально-политическую стабильность, приобретает очевидную многофакторность и характерную для эпохи перемен основательность прежней инертности. В этих условиях огромное значение приобретают процессы духовного и нравственного обновления политики и идеологии, в которых науке принадлежит первостепенная роль.

В обществоведении существует множество разнородных взглядов на проблему политического согласия. Как справедливо отмечает политолог О.М. Михайленок – это, помимо прочего, связано с либеральным и консервативным подходами к этой проблеме, неоднозначными по отношению «к правомерности той или иной репрезентации эмпирических данных». Представляется вполне обоснованным и следующее определение названного автора: «В широком смысле политическое согласие есть форма взаимодействия между субъектами политики, предполагающая наличие общих политических базовых ценностей и подходов к решению политических проблем»¹.

В этом многолик, идеологически разнознаковом развитии интеллектуальных, морально-политических позиций к толерантному освоению существующих противоречий особое место занимает религия, влияние которой на социально-политическую обстановку на национальном и международном уровнях значительно усилилось. Едва ли не решающей становится роль ислама в урегулировании конфликтов не только в традиционных сферах его влияния – на Ближнем Востоке и Северной Африке, – но и в некоторых регионах, где еще несколько десятилетий назад об этом никто не мог и помышлять, например, на Северном Кавказе и на Балканах.

---

¹ Михайленок О.М. Проблема согласия и политические повестки дня российского общества // Контурь социально-политического согласия по вопросам развития России. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 9.

В бывших социалистических странах прекратились гонения на церковь, которая стала обретать достойное положение в жизни общества, оказывать растущее влияние на формирование его морали и нравственности. Вместе с тем кризис коммунистической идеологии, ориентировавшей сознание и социальное поведение многомиллионных масс, способствовал повышению политической роли церкви в разных странах и, как следствие, – обострению межконфессиональных противоречий, которые переплетаются с межэтническими, что усугубляет конфликты в ряде регионов мира.

Наряду со старыми конфликтами на религиозной почве (в Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Ольстере) возникли новые очаги межконфессиональной напряженности на Кавказе, в Средней Азии, Балканах и в других регионах. Применительно к кризису в Косове это, в частности, отмечал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II в своем послании Патриарху Сербской Православной Церкви Павлу. В нем говорится: «Этот конфликт не просто территориальный. Немаловажную роль в справедливом разрешении его играет вдумчивая оценка национальных, религиозных, этнических, психологических и духовных факторов «косовского» противостояния...»¹.

Религия в качестве одного из источников влияния на массовое сознание является важным регулятором общественной деятельности, во многом формирует духовную эволюцию человечества.

Происходящая в настоящее время смена исторических эпох сопровождается важными сдвигами в мировоззренческих сферах и активизацией различных конфессий в общественной жизни многих регионов мира. В условиях существенных сдвигов в общественном сознании важную роль стало играть обеспечение их нравственной и социально-психологической защищенности.

Но существует и другая тенденция, связанная с отсутствием гуманистической стратегии перемен, с использованием конфликтов, порождаемых модернизацию общественных отношений. Разнообразие мира и культурный плюрализм составляют его богатство. В то же время здесь же могут таиться порой и причины для недоверия, подозрительности, ведущие к

---

¹ НГ-Религии. – 1999. – № 3. – Апр.

восприятию других как «врагов». Человеческая история знала немало религиозных войн и жестоких конфликтов, причинами которых объявлялись духовные, конфессиональные и культурные различия. Одновременно та же история дает значительно больше примеров терпимости и мирного сожительства представителей различных цивилизаций, которые тысячелетиями смешивались и воспринимали культуру друг друга.

Для успешной реализации миротворческих усилий необходимо учитывать факторы, стабилизирующие или, напротив, усугубляющие обстановку, в том числе и роль церкви. К числу эффективных способов решения морально-политических проблем нашего конфликтного мира относится диалог культур и конфессий. Это диалог нового типа: открытый и равный, свободный от политического, социокультурного и экономического эгоцентризма, все участники которого способны увидеть и оценить себя, свои идеи, традиции, ценности глазами и опытом представителей других цивилизаций, культур и верований. И самое главное – стать полноправными субъектами совместного миротворчества, поиска новых смыслов общественной жизни. В результате ускорилось бы формирование новой логики толерантности как вектора гуманитарного мышления, взятого в качестве особого искусства ведения политического и духовного общения, выявления корней будущего, универсалий человеческого бытия в их сосуществовании и взаимодействии.

Речь, в сущности, идет о многозначном, разноуровневом процессе изменений и преобразований, несвободном от противоречий, поскольку преломляет через себя противоречивость современного мира. Его русло определяет переход от логики силы и страха к логике разума и этике ненасилия, терпимости и уважения особенностей других народов, какими бы чуждыми и неприемлемыми эти особенности не представлялись. При этом очевидно, следует исходить не из отвлеченных идей, а из учета реальных условий человеческого существования, исторических традиций, национальных особенностей каждой страны.

Такой подход, к сожалению, чужд апологетам западной демократии, не способным преодолеть идеологические стереотипы холодной войны. Не испытывают ли они ностальгию

по тем временам, когда международные отношения были исковерканы конфронтацией различных социальных систем, страхом перед ядерной угрозой?

Международная ситуация, сложившаяся вокруг украинского кризиса 2013–2014 гг., показывает, что даже многие демократические государства, их правящие элиты продолжают взирать на мир сквозь призму отживших оценок и представлений. Попытки США, НАТО, Европейского Союза навязать мировому сообществу собственную концепцию разрешения этого кризиса, основанную, по сути дела, на неокOLONиалистском подходе, обостряют региональный конфликт до уровня международного. Это предвещает ожесточенная пропагандистская война, развернутая в западных странах против России, которая предстает в образе исконного врага цивилизации, демократии и мира.

Российская история далека от идиллии. Она во многих своих периодах трагична, наполнена кровавыми событиями, войнами. Россия в связи с особенностями исторического бытия, геополитическими условиями в отношениях с другими странами была вынуждена то и дело реализовывать свои потенции силы, оставляя неиспользованными никак не меньшие возможности миролюбия. Со времен Средневековья русский человек, живший в мире православного сознания, оценивал свои помышления и труды мерою христианской нравственности, поскольку он старался избежать суеты, ценил «тихость, покойность, плавную красоту людей и событий»¹. Всякое деяние ложилось на чаши небесных весов, воздаяние считалось неотвратимым, поэтому нельзя было жить с «тяжким и зверообразным рвением».

Реальная история русской культуры – во многом история потерь и последующих попыток вернуть утерянное. Так было после нашествия Орды. Были в России и насильственные обрывы культурной преемственности, и «прыжки» к Европе, например в XVIII веке, когда, по выражению историка В.О. Ключевского, «чуть не в один век перешли от Домостроя попа Сильвестра к Энциклопедии Дидро и Даламбера»².

---

¹ См.: *Демин А.С.* Русская литература второй половины XVIII века. – М., 1977.

² *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9-и т. – М.: Мысль, 1990. – Т. IX. – С. 15.

336

Не менее крутой переворот в сознании был совершен в прошлом веке в связи с переходом от массовой религиозности к массовому атеизму. Такие зигзаги, конечно, затрудняли выработку адекватных оценок российской истории. Мало способствует этому и нынешняя кризисная ситуация в российском обществе с ее идейной поляризацией, которую некоторые историки и публицисты понимают как стимул для превращения нашего исторического прошлого в сырой материал для производства разнообразных идеологических моделей.

XX век перевел российский исторический процесс в нескончаемую драму беспрецедентных потрясений, вызванных мировыми войнами, революциями, демографическими и экологическими катастрофами, авторитарными режимами. Россия как бы вовлеклась в вековой эксперимент на выживание. После Октября 1917 г. ослабли горизонтальные связи российской культуры с европейской цивилизацией, во многом был утрачен тот синтез русского духа и западноевропейского интеллекта, который был так плодотворен для отечественной культуры XIX века.

Русское самосознание тех времен было отмечено христианским мессианизмом. Его исторические основы могут быть в известной степени объяснены тем, что историки называют «особой сопротивляемостью» древней Руси азиатской Степи – длительным агрессивным воздействием на нее со стороны кочевых племен Востока. Самой своей исторической судьбой, географическим положением – между европейским Западом и азиатским Востоком – Русь была обречена на мессианистскую роль защитницы Европы. Но осмысление высокого предназначения России у большинства русских мыслителей было далеко от агрессивного мессианизма, этноцентризма, идеализации духовных свойств русского народа.

Формулируя русскую идею, В. Соловьев весьма определенно высказывался против националистической ограниченности, подчеркивая, что лицо нации определяется высшими достижениями ее духовности, ее вкладом в мировую цивилизацию, в «реальное единство человеческого рода», а не тем, «что она думает о себе». Резким диссонансом со всякого рода этноцентризмом является выделенная им мысль о том, что «идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но

то, что Бог думает о ней в вечности». Не разделение, а синтез, культурно-историческое единство человечества, призванного противостоять «множеству центробежных сил» вот основное содержание первой теоретически оформленной концепции русской идеи, заявившей о себе в конце XIX века¹.

Вообще говоря, история общественной мысли являет нам немало попыток довольно крупных идейных синтезов. Немецкая социал-демократия знала на исходе XIX века нечто вроде союза идей К. Маркса и И. Канта. Если признать, что И. Кант всего-навсего формализовал заповеди Нового Завета, то это была попытка сблизить в области этических поисков христианство и социализм; «этический социализм», кстати, и поныне здравствует в Западной Европе.

Необходимость всеобъемлющего духовного синтеза в течение многих лет в своих трудах подчеркивал Э. Фромм, справедливо зачисляемый в один ряд с такими гуманистами, как Кант, Лессинг, Гете, Толстой, Ганди, Швейцер.

В своем исследовании «Иметь или быть?» он пишет: «Расцвет культуры позднего средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ Града Божьего. Расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ Земного Града Прогресса. Однако в наш век этот образ превратился в образ Вавилонской башни, которая уже начинает рушиться и под руинами которой, в конце концов, погибнут все и вся. И если Град Божий и Град Земной – это тезис и антитезис, то единственной альтернативой хаосу является новый синтез: синтез духовных устремлений позднего Средневековья с достижениями постренессансной рациональной мысли и науки. Имя этому синтезу Град Бытия»².

В современных условиях процессы духовного обновления человечества приобретают судьбоносное значение. Сама возможность мирной эволюции общества появилась далеко не сразу. Оно приобрело ее, когда условием длительного консенсуса различных и даже противостоящих общественных сил стала способность их толерантного сожительства, необходимого для выявления общих интересов враждующих политических и идейных течений.

---

¹ См.: Русская идея. – М., 1992. – С. 189 – 191.

² Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990. – С. 209 – 210.

Движение России в этом направлении крайне осложнено, ибо стране все еще предстоит преодолеть далеко не до конца устраненные последствия тоталитаризма, многие десятилетия сковывавшего развитие общества. Трудно разрешимые проблемы создали и наспех проводившиеся постсоветские реформы, перестроившие социализм в уродливое подобие капитализма. По всей видимости, России предстоит пройти еще через одну «перестройку», направленную на исправление вольно или невольно допущенных реформаторами просчетов.

В заключение вернемся к поставленным вопросам. Возможно ли, в ходе трансформации социализма в иной общественный строй появление новой духовной, нравственной общности граждан, этносов, конфессиональных и иных верований в России – общности, наследующей идеологию морально-политического единства, основанную не на принуждении, а на принципах терпимости и согласия? Способна ли Россия вновь выступить инициатором и вдохновителем широкого международного движения, подобного всемирному движению сторонников мира? Ответы могут быть самые неожиданные. Развитие событий покажет.

Научное издание

Юлий Степанович Оганисян

**СОЦИАЛИЗМ КАК ПЕРВАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА
ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

монография

*Дизайн обложки, компьютерная верстка: Алейников С.Ю.
Корректурa: Т.А. Акулова*

Издательство «Современная экономика и право»

Лицензия ЛР № 066516 от 19.04.99 г.

117218, г. Москва, ул. Б. Черёмушkinsкая, д. 34

Е-mail: nalogi_seip@mail.ru

Тел./факс: (495) 120-0095

Подписано в печать с готового оригинал-макета 12.12.2014 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 500 экз. Заказ № 159

Отпечатано в типографии Алейникова О.Ю.

394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 12.